

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая Наука 1 *2015*

**ПАРТИИ
В СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫХ
И НЕСОРЕВНОВАТЕЛЬНЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
СИСТЕМАХ**

Москва
2015

ИНИОН РАН

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел политической науки

Редакционная коллегия:

Е.Ю. Мелешкина – д-р полит. наук, главный редактор,
Л.Н. Верчёнов – канд. филос. наук, *Д.В. Ефременко* –
д-р полит. наук, *М.В. Ильин* – д-р полит. наук,
О.Ю. Малинова – д-р филос. наук, зам. главного редактора,
П.В. Панов – д-р полит. наук, *С.В. Патрушев* – канд. ист.
наук, *Ю.С. Пивоваров* – академик РАН, *А.И. Соловьёв* –
д-р полит. наук, *Р.Ф. Туровский* – д-р полит. наук,
И.А. Чихарев – канд. полит. наук

Редакторы и составители номера –
д-р полит. наук *Ю.Г. Коргунюк*,
канд. полит. наук *О.А. Толпыгина*

Ответственные за выпуск –
А.Н. Кокарева, И.А. Помигуев

Политическая наука: Научн. журн. / РАН. ИНИОН.
П 50 Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки;
Росс. ассоц. полит. науки; Ред. кол.: Мелешкина Е.Ю.,
гл. ред., и др. – М., 2015. – **№ 1: Партии в соревнова-
тельных и несоревновательных политических сис-
темах** / Ред.-сост. номера Коргунюк Ю.Г., Толпыги-
на О.А. – 272 с.

Анализируются функции политических партий в политических системах различных типов. Рассматриваются участие партий в выборах, их влияние на формирование политической повестки дня, структурирование массового политического сознания, деятельность представительной и законодательной ветвей власти. Особое внимание уделяется постсоветскому пространству.

УДК 32
ББК 66.0

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер	5
--------------------------	---

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

<i>Н.В. Гришин.</i> Партии как привилегированный субъект избирательного процесса: Результаты институционального эксперимента	12
<i>А.М. Гришина.</i> Организационная эффективность политических партий: Теоретический аспект	30
<i>Б. Магалони, Р. Кричели.</i> Политический порядок и однопартийная система (сокр. перевод с англ.)	38

КОНТЕКСТ: ПАРТИИ В ДЕМОКРАТИЯХ И НЕДЕМОКРАТИЯХ

<i>А.В. Белинский.</i> Политические партии Германии в начале XXI в.: Между традицией и модернизацией	48
<i>Р. Саква.</i> Партия и власть в современной России: Между представительством и мобилизацией (сокр. перевод с англ.)	60
<i>Чон Ён Цой.</i> Особенности политических партий Южной Кореи и их участие в государственном управлении	73
<i>А.М. Гришина, Е.Ю. Мелешкина.</i> Механизмы сохранения власти доминантной партии в условиях авторитарного режима в Мексике	83
<i>С.Н. Шкель.</i> Политические партии в условиях авторитарной режимной среды: Опыт постсоветского Казахстана	95
<i>М.В. Иванова.</i> Эффекты изменения избирательного законодательства и партийное представительство: Региональные, национальные и бизнес-элиты	114

РАКУРС: ФУНКЦИИ И «ДИСФУНКЦИИ» ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

<i>Г.В. Голосов, В.С. Григорьев.</i> Национализация партийной системы: Российская специфика	128
<i>О.А. Толпыгина.</i> Трансформация идеологической функции политических партий в современной России	157
<i>Е.М. Шульман.</i> Фракции, комитеты, аппарат: Участие парламентских партий в законотворческом процессе	172
<i>О.В. Попова.</i> Гендерные партии в современной России: Проблемы и перспективы	186
<i>Я.Ю. Шашкова, А.И. Девятярова.</i> Партии в регионах: Институциональные особенности и специфика российской трансформации	200
<i>В.С. Ковин, О.В. Подвинцев.</i> Формальные и неформальные партии в Пермском крае: Спрос и предложение	218

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

<i>Ю.Г. Коргунюк.</i> Почему не партии? Компетентный взгляд со стороны. Рецензия.	240
<i>В.Г. Виноградский.</i> Политика как дискурсивная конструкция. Рецензия.	249
Ключевые слова	257
Сведения об авторах	271

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

В ХХI в. партии стали неотъемлемым элементом практически любого политического режима – неважно, соревновательного или несоревновательного, демократического или авторитарного. Даже партиям из однопартийных систем уже не отказывают в праве называться так лишь на том основании, что они не соответствуют стандартам, принятым в демократических странах. Пришло понимание, что и в несоревновательных (малоконкурентных, неконкурентных и совершенно авторитарных) режимах политические партии тоже выполняют некие функции, пусть и «вредные» – связанные не с контролем общества над властью, а, наоборот, с подчинением органов представительной власти правителям-автократам.

Как и большинство политических институтов, партии очень гибки и адаптивны. Они делают только то, на что существует запрос в их «среде обитания», и только в той степени, в какой этот запрос действительно существует. Те функции, которые не востребованы, довольно быстро отмирают (или трансформируются), но на смену им нередко приходят новые, которые в иные времена даже представить было невозможно.

Так, некогда партии тоталитарных стран взяли на себя обязанность (или право) воспитывать подрастающее поколение и осуществлять «контроль за умами», выступая также в роли социального лифта для выходцев из малообразованных классов. Зато функция организаторов избирательных кампаний и инициаторов реальной общественной дискуссии атрофировалась у таких партий практически полностью.

Однако набор функций, выполняемых партиями, подвержен изменениям не только в авторитарных режимах и новых демократиях, но и в странах с развитой политической культурой. Напри-

мер, в Европе с 1950-х годов отмечается тенденция к «американизации» партий, сопровождаемая постепенной атрофией идеологической и представительской функций и превращением партий из громоздких централизованных «армий» в своего рода брокерские конторы – именно эту тенденцию О. Кирхаймер обозначил как переход от массовой партии к так называемой catch-all-партии.

Представляемый номер посвящен эволюциям партийных функций под влиянием политической и институциональной среды, а также в зависимости от того, в условиях каких режимов – соревновательных или несоревновательных – вынуждены действовать партии.

В рубрике «*Состояние дисциплины: Исследования политических партий*» рассмотрены проблемы, с которыми сталкиваются партии всего мира и почти при любом типе политического режима.

В статье *Н.В. Гришина*, затрагивающей тему электоральной функции партий, крайне негативно оценивается тенденция к наделению партий статусом исключительных участников избирательного процесса. По мнению автора, подобная практика – не просто «сопутствующее явление», но институциональный атрибут недемократических режимов, и если в развитых странах, где она так или иначе компенсируется, тяжелых антидемократических последствий удастся избежать, то в странах, только вступивших на путь демократизации, под вопросом оказывается существование других субъектов электорального процесса – непартийных политических ассоциаций и избирательных объединений – и, как следствие, демократии в целом.

А.М. Гришина рассматривает возможность применения к анализу деятельности партий теории «организационной эффективности». Такую эффективность она предлагает оценивать в зависимости от того, насколько хорошо партии выполняют функции рекрутирования и мобилизации, т.е. как они привлекают сторонников и единомышленников. Делая обзор существующих в рамках означенной теории моделей, автор приходит к выводу о целесообразности использования при оценке организационной эффективности политических партий инструментария сразу нескольких моделей, в первую очередь – ситуационной и ресурсной.

Б. Магалони и *Р. Кричелли* анализируют основные подходы к изучению причин экспансии однопартийных режимов во второй половине XX – начале XXI в. Констатируя, что установление однопартийных систем помогает выживанию автократий, способст-

вужа мобилизации масс либо налаживанию переговорного процесса между элитами, авторы вместе с тем отмечают, что выявление этих функций еще не объясняет причин появления такого рода систем. Рассматривая различные пути установления однопартийных систем (исходя из отправной точки транзита – был ли это милитаристский режим, анархия, демократия или режим с доминирующей партией), Магалони и Кричелли приходят к выводу, что наиболее распространенной формой режимных изменений на протяжении последних пяти десятилетий являлись переходы от одного типа авторитаризма к другому. Авторы также ставят задачу построения всеобъемлющей теории, описывающей условия, которые способствуют возникновению и падению однопартийных режимов.

В рубрике *«Идеи и практика. Контекст: Партии в демократиях и недемократиях»* анализируются изменения в структуре партийных функций, произошедшие за последние несколько десятилетий как в развитых (Германия), так и в «молодых» демократиях (Мексика, Южная Корея), а также в тех странах, называть которые демократическими пока рано (Казахстан).

А.В. Белинский приходит к выводу, что за последние 20 лет политические партии Германии претерпели радикальные системные изменения и сегодня для них характерны деидеологизированность и «американизация» избирательных технологий – со ставкой на пиар и имидж лидера. По мнению автора, в настоящий момент немецкие политические партии выполняют не столько представительскую, сколько посредническую функцию.

Р. Саква, рассматривая итоги произведенного в 2000-е годы «переформатирования» российской партийной системы, приходит к выводу, что хотя режим и стал идентифицировать себя с одной крупной партией, однако действующая в стране система доминирующей власти не позволила сложиться в РФ доминантной партийной системе. По его мнению, «Единая Россия» и ее сателлиты служат инструментами скорее политической мобилизации, нежели представительства. Вместе с тем, полагает автор, дуалистический характер политического устройства России (имеется в виду пропагандируемая Р. Саквой идея о расхождении между «административным режимом» и «конституционным государством») способствовал развитию противоречий, которые сделали возможным усиление представительской роли партий.

В статье Чон Ён Цоя исследуются особенности политических партий Южной Кореи, в том числе специфика их участия в государственном управлении. Отмечается такая важная черта партийной системы страны, как регионализм (разные провинции поддерживают разные партии). При этом автор констатирует, что в последнее время региональная составляющая в южнокорейской межпартийной конкуренции сокращается, уступая место идеологическому размежеванию между консерваторами и либералами. Чон Ён Цой указывает также на отсутствие у основных партий страны готовности к компромиссу и способности решать проблемы страны путем взаимных уступок, что препятствует выполнению ими такой важнейшей функции, как согласование общественных интересов.

А.М. Гришина и Е.Ю. Мелешикина на примере Институционально-революционной партии Мексики изучили использование институтов – избирательного законодательства, неформальных правил и практик – для поддержания стабильности авторитарного режима и обеспечения доминирующего статуса партии-гегемона. По мнению авторов, долголетнему нахождению ИРП у власти во многом способствовало достаточно успешное выполнение ею функций представительства и социального патронажа в отношении широких слоев населения. При этом констатируется, что связанное с гегемонией ИРП институциональное наследие, в частности патронажные связи и клиентелизм, сильно осложняют консолидацию демократии на современном этапе развития страны.

Предметом исследования *С.Н. Шкеля* является роль кооптационной стратегии, взятой на вооружение Н. Назарбаевым с целью формирования устойчивых связей с элитами и различными социальными группами, в становлении партийной системы Казахстана. По мнению автора, опыт Казахстана подтверждает тезис, согласно которому институты сами по себе не влияют на авторитаризацию или демократизацию режима, а служат лишь инструментами политического лидера в его стремлении закрепить достигнутый уровень доминирования и обезопасить себя от рисков. С.Н. Шкель констатирует также, что инвестиции в создание «партии власти» («Нур Отан») и переход к пропорциональной несвязанной системе на парламентских выборах расширили кооптационные возможности режима и создали основы для его дальнейшей консолидации.

В статье *М.В. Ивановой* рассматриваются различные подходы к изучению целей и последствий избирательных реформ. Приводятся эмпирические подтверждения того, что в странах электорального авторитаризма изменения избирательного законодательства направлены на сохранение внутриэлитного статус-кво. На основе частотного анализа делается вывод о сохранении пропорций представительства региональных, национальных и бизнес-элит в составах Государственной думы трех созывов (2003, 2007 и 2011 гг.), что свидетельствует о выполнении российскими партиями в том числе функции элитного представительства (с учетом того, что в 2007 и 2011 гг. Госдума избиралась сугубо по пропорциональной системе).

Рубрика *«Ракурс: Функции и “дисфункции” политических партий в постсоветской России»* посвящена проблемам отечественных партий и партийной системы.

Г.В. Голосов и *И.С. Григорьев* анализируют динамику национализации российской партийной системы, понимаемой как унификация электоральной поддержки политических партий в различных регионах государства и отражающей способность партий выполнять функцию территориальной интеграции общества. Авторы фиксируют значимое расхождение между низкой территориальной гомогенностью голосования по мажоритарной системе (1993–2003) и высоким уровнем партийной национализации при голосовании по партийным спискам. По их мнению, данное расхождение обусловлено наследием режимной трансформации, федерализмом и президенциализмом и усугублено встраиванием в общенациональный политический порядок губернаторских «политических машин». По итогам исследования Г.В. Голосов и И.С. Григорьев ставят под сомнение общепринятый тезис о тождественности процессов национализации электората и консолидации партийной системы.

Предмет анализа *О.А. Толпыгиной* – динамика идеологической функции российских политических партий. Автор исследует, как условия политического контекста – специфика политического режима и институционального дизайна – влияют на идеологическое творчество политических партий.

В статье *Е.М. Шульман*, посвященной политическому содержанию законодательного процесса, констатируется, что только фракции и депутатские группы, которые правомерно рассматривать как партии в широком смысле этого слова, способны обеспе-

чить публичное и гласное обсуждение законопроектов с участием всех заинтересованных сторон и самого широкого круга экспертов, содействуя тем самым повышению качества законов.

Статья *О. Поповой* посвящена проблеме встраивания «малых» политических партий, созданных после изменения закона о партиях (2012), в политическую жизнь современной России. Анализируются возможности и перспективы партий простого представительства, в частности «гендерных», а еще точнее, «женских», стать эффективным участником политических процессов в современной России. Автор приходит к выводу, что, несмотря на преобладание женщин среди активных избирателей, «женские» партии имеют очень невысокие шансы на победу в выборах. В силу определенных обстоятельств эти партии в современной России обречены на роль спойлеров или спарринг-партнеров.

В статье *Я.Ю. Шапковой* и *А.И. Девятирровой* констатируется, что в настоящее время функционирование российских партий на региональном уровне формально вполне соответствует трендам мирового партогенеза; скромная же роль партий в политической жизни обусловлена спецификой режима и отсутствием неформальных институтов, способствующих их укоренению в политическом процессе и легитимации массовым сознанием. Среди основных функций российских партий в регионах авторы упоминают прежде всего участие в электоральном процессе, представительство интересов элитных групп, мобилизацию, рекрутирование, социальный лифт, а также – в отдельных субъектах РФ (в определенные периоды) – и функцию легитимации местных режимов. Что касается законодательной функции, то здесь наблюдается резкое сужение роли партий, обусловленное понижением статуса органов представительной власти в целом. Отмечается также неэффективное исполнение партиями в регионах идеологической функции и функции формирования массового сознания.

В.С. Ковин и *О.Б. Подвинцев*, рассматривая причины невысокой роли партий в региональной и местной политике, незначительности их влияния на избирателей и низкой заинтересованности политических акторов в установлении с ними устойчивых связей, констатируют, что необходимость в консолидации сил и ресурсов приводит местных политиков к созданию не партий, а неформальных коалиций. Роль, преимущества и недостатки таких коалиций анализируются на примере местных выборов в Перм-

ском крае в 2012–2014 гг. Авторы отмечают, в частности, что эти объединения берут на себя исполнение таких свойственных партиям функций, как кадровая, организационно-технологическая, ресурсная, агитационная и идеологическая.

В заключение в рубрике «*С книжной полки*» публикуются рецензия Ю.Г. Коргунюка на книгу Г. Хэйла «Россия: почему не партии? Демократия, федерализм и государство» и рецензия В.Г. Виноградского на коллективную монографию «Кризисный дискурс официальной власти и системной оппозиции в современной России: сравнительный анализ».

Номер подготовлен при содействии Исследовательского комитета РАПН по сравнительному изучению партийных и избирательных систем.

Ю.Г. Коргунюк, О.А. Толпыгина

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Н.В. ГРИШИН

ПАРТИИ КАК ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЙ СУБЪЕКТ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: РЕЗУЛЬТАТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Участие в выборах – одна из основных функций политических партий во всем мире. В то время как многие другие функции либо отмирают, либо существенным образом трансформируются, электоральная функция лишь усиливает свое значение. Это проявляется, в частности, в практике предоставления партиям статуса привилегированного субъекта избирательного процесса.

Превращение политических партий в главный субъект избирательного процесса наблюдается почти повсеместно – как в авторитарных режимах, так и в различных моделях современной западной демократии. В центре общественного дискурса находится также тема закрепления за политическими партиями особых прав и преференций при выдвижении кандидатов, формировании избирательных комиссий и т.д. В некоторых странах государство формально закрепляет за официально зарегистрированными партиями статус основных участников выборов.

В определенной степени это является следствием происходящего в долговременной перспективе расширения сферы государственного регулирования, в том числе в сфере организации политической жизни и избирательного процесса. Но в этом можно углядеть и иную тенденцию – ограничение политической конкуренции и многообразия политической жизни. В связи с этим воз-

никает вопрос: может ли определенный конкретный тип организации, которым сейчас являются политические партии, выступать единственным (или привилегированным) субъектом избирательного процесса и при этом адекватно выражать многообразие политической жизни?

В авторитарных странах ответ на этот вопрос очевиден. Уже с середины XX в. многие диктаторские режимы устанавливают монополию политических партий (или одной правящей партии) на участие в выборах именно с целью ограничения конкуренции и поддержания недемократического строя. Может ли привести к аналогичным последствиям происходящая на современном этапе «партизация выборов» в странах с устойчивой демократией? Создает ли этот процесс институциональные предпосылки для недемократических тенденций при проведении выборов? Наконец, какова грань, которая отличает естественный процесс возрастания роли партий в избирательном процессе от установления искусственных границ политической конкуренции на выборах?

В зарубежном научном и общественном дискурсе обсуждаются проблемы независимых кандидатов и соотношения прав партий и независимых кандидатов. В частности, этому был посвящен специальный доклад Венецианской комиссии Совета Европы в 2006 г. За пределами внимания оказался другой вопрос – расширение прав официально зарегистрированных партий по отношению не только к независимым политикам, но и к другим коллективным участникам избирательного процесса – ассоциациям, которые в России именуются «избирательными объединениями».

В данной статье будут рассмотрены статус и привилегии партий на выборах как одного из трех субъектов избирательного процесса – наряду с независимыми кандидатами и ассоциациями (избирательными объединениями). Новизна авторского подхода заключается в отделении формализованных партий от свободных ассоциаций граждан как субъектов избирательного процесса. В соответствии с нашей гипотезой в современном мире происходит расширение электоральных прав политических партий определенного организационного типа (формализованных партий), которые вытесняют из электорального пространства других коллективных и индивидуальных акторов.

Данный процесс, инициированный в первой половине XX в. диктаторскими режимами, в настоящее время наблюдается в раз-

витых демократиях. Он происходит спонтанно и обусловлен не столько стратегическими целями, сколько прагматическими и частными интересами. При этом предоставление формализованным партиям электоральных привилегий до сих не получило объективной оценки, а его возможные последствия не проанализированы в достаточной степени.

Динамика предоставления политическим партиям электоральных привилегий

Пионером в закреплении за политическими партиями особого статуса и привилегий на выборах стали недемократические режимы. В абсолютном большинстве диктатур второй трети XX в. формально закреплялись статус и права политических партий (или правящей партии), в том числе в электоральной сфере.

Диктаторские режимы практиковали с середины XX в. монополию зарегистрированных партий на участие в выборах в качестве одного из антидемократических механизмов. В 1972 г. авторитарный режим в Южной Корее одним из первых в мире установил, что в президентских выборах могут участвовать только партийные кандидаты.

В странах демократического транзита политические партии также почти всегда получают официальный статус и права на выборах. В 1976 г. в Португалии за партиями впервые в Европе было закреплено исключительное право выдвижения кандидатов на парламентских выборах. Через два года в Испании, также после свержения диктатуры, был принят закон о партиях и введена пропорциональная избирательная система с закрытыми списками, отдававшая распределение парламентских мест в руки партийных руководителей. Постсоветские страны Восточной Европы и бывшего СССР уже на первом этапе демократического транзита предоставили партиям права привилегированных субъектов выборов: партии в этих странах – конкретный вид юридического лица, явно отличающийся от свободных ассоциаций.

В англосаксонских странах правовой статус политических партий на выборах до сих пор остается размытым. В США на национальных выборах партии не являются субъектами избирательного процесса и не имеют ни официального статуса, ни, следова-

тельно, предпочтений. В британском законодательстве понятие «политическая партия» впервые появилось в 1998 г., и лишь с 2000 г. партии получили право выдвигать кандидатов на выборах. Новая Зеландия первой среди англосаксонских стран ввела голосование за партийные списки и формализовала партии в качестве основного субъекта парламентских выборов (1993). В Ирландии некоторые привилегии при выдвижении кандидатов были предоставлены партиям в 2001 г. В Канаде в 2003 г. в законодательство было введено определение партий и обозначены их ограниченные права на выборах.

Узаконение статуса партий активно происходит и в европейских странах. В Норвегии первый закон о политических партиях принят в 2005 г., в Исландии – в 2007 г. В 2005 г. Италия вернулась к пропорциональной избирательной системе с закрытыми списками, существенно увеличившей на парламентских выборах роль партий и партийной бюрократии. В Нидерландах понятие «политическая партия» введено в законодательство в 2013 г.

Наиболее яркое выражение процесс партизации избирательного процесса в развитых демократиях получил на выборах в Европарламент. В настоящее время в 21 из 28 стран Европейского союза выдвижение кандидатов в Европарламент возможно только от политических партий [Ehin, Madise, 2013, p. 91].

Таким образом, партизация избирательного процесса, уже давно ставшая одним из атрибутов авторитарного режима, на современном этапе наблюдается и в демократических странах.

В постсоветских государствах электоральные привилегии партий также существенно расширяются. Первоначально в большинстве стран СНГ партии не обладали существенными предпочтениями на выборах. Ситуация изменилась в XXI в. В 2006–2009 гг. шесть постсоветских государств почти одновременно резко расширили избирательные права партий, отменили институт независимых кандидатов и избирательных объединений и ввели монополию партий при выдвижении кандидатов на парламентских выборах. В 2006 г. выборы в парламент исключительно по партийным спискам ввела Украина, в 2007 г. – Россия, Казахстан и Киргизия, в 2008 г. – Грузия, в 2009 г. – Узбекистан. Из этих шести стран Украина, Россия и Грузия впоследствии отказались от жесткой модели партизации выборов и вернули беспартийных кандидатов (но не избирательные объединения). Однако в трех азиатских республиках данная модель пришлась ко двору и сохранилась.

Отличие политических партий от других субъектов выборов

В законодательстве стран мира существуют три основных подхода к разграничению политических партий и других субъектов избирательного процесса.

1. В большинстве стран мира партия – это особая разновидность политической организации, отличающаяся от других коллективных субъектов (ассоциаций, движений). В некоторых странах между этими типами объединений проведена жесткая демаркация: понятие «политическая партия» официально запрещено применять к иным организациям (Мексика, Россия).

2. В некоторых западноевропейских и англосаксонских странах понятие «политическая партия» применяют по отношению к любому коллективному субъекту политического и избирательного процесса. Как определено в Конституции Швеции, партия – это любая ассоциация или группа избирателей, которая участвует в выборах. Данного подхода придерживаются также в Нидерландах, Бельгии, Люксембурге, Исландии, на Мальте, фактически – в США и Австралии.

3. Наконец, в Великобритании существует третий, всеобъемлющий, подход к установлению границ понятия «политическая партия». Страна, несколько веков сопротивлявшаяся внесению в законодательство упоминания о политических партиях, в 2000 г. постановила называть политической партией любое лицо, которое выдвигает кандидата на выборах, другими словами, партия может состоять даже из одного человека. Таким образом, британский подход включает в понятие политической партии не только коллективных, но и индивидуальных субъектов избирательного процесса – так называемых независимых кандидатов.

При первом подходе процедура отделения политических партий от других ассоциаций чаще всего производится традиционным способом – партия регистрируется как особая разновидность юридического лица и получает особые права. Однако иногда практикуются и более причудливые формы.

В законодательстве некоторых стран термин «политическая партия» служит одновременно и видовым, и родовым понятием: он применяется одновременно и к конкретной разновидности политических организаций, и ко всему многообразию политических организаций, к которому также относятся движения, ассоциации и т.д.

(Испания, Италия, Чехия, Словакия, Сербия). Таким образом, организация может иметь правовой статус политической партии, но не отличаться в юридическом плане от других политических групп.

В некоторых случаях статус политической партии – это атрибут, временно приобретаемый политической ассоциацией при наступлении определенных условий. Например, в Швейцарии политическая ассоциация может зарегистрироваться в качестве партии, если ее представители уже избраны в органы власти, а при утрате такого представительства она этого статуса лишается. В данном случае «партия» – это фактически наименование существующей депутатской группы. В Германии есть постоянно действующие политические партии, но при этом партией на период избирательной кампании может быть временно признана иная политическая ассоциация, допущенная до выборов.

За исключением этих и других немногочисленных примеров в странах первой группы за пределами понятия «политическая партия» остаются иные политические организации, упоминающиеся в законодательстве и имеющие другой объем прав на выборах. В Финляндии это «окружные ассоциации избирателей», в Норвегии – «группы», в Испании – «группы избирателей», в Австрии – «участники кампаний», в Италии – «движения», во Франции – «объединения» и т.д.

Эти организации полностью соответствуют содержанию термина «политическая партия» в его традиционном и современном англо-американском толковании. Но развитие правовых форм за пределами англосаксонского мира привело к тому, что в большинстве стран мира этот термин используется для обозначения более частного и формализованного типа политической организации.

Тем не менее двойственность в употреблении термина «партия» сохраняется и служит причиной многочисленных недоразумений – особенно в учебной литературе. Венецианская комиссия Совета Европы проявила озабоченность по поводу существования в некоторых странах излишне жестких требований к регистрации политических партий, нарушающих принцип свободы ассоциаций [European commission for democracy through law, 2006, p. 10]. По нашему мнению, проблема осложняется тем, что политические партии, развивающиеся в условиях таких требований, т.е. партии с фиксированным членством и сложной процедурой государственной регистрации, – это особый тип организации, сам факт сущест-

вования которого ставит под угрозу принцип свободы ассоциаций. Отличаясь от свободных ассоциаций граждан, организации этого типа подменяют их на электоральном поле и, пользуясь своим привилегированным правовым положением, становятся важными участниками конструирования политической реальности.

Типология стран в зависимости от электоральных привилегий политических партий

Среди типов электоральных привилегий политических партий можно выделить следующие:

- 1) монопольное право на выдвижение кандидатов на все выборные государственные должности;
- 2) монопольное право на выдвижение кандидатов в депутаты парламента;
- 3) монопольное право на выдвижение кандидатов при избрании части депутатов парламента (в условиях смешанной избирательной системы к выдвижению кандидатов по спискам иногда допускаются только партии);
- 4) облегченный порядок выдвижения кандидатов по сравнению с другими субъектами;
- 5) представительство в избирательных комиссиях.

В основном привилегированный статус политических партий на выборах выражается в преференциях при выдвижении кандидатов.

Предлагаем вниманию таблицу, в которой отражена типология стран Европы, бывшего Советского Союза и некоторых других стран мира – в зависимости от того, каким субъектам принадлежит право выдвижения кандидатов.

Приведено соотношение электоральных прав трех субъектов избирательного процесса – формализованных партий, ассоциаций, независимых кандидатов. Поскольку в разных странах граница между понятиями «политическая партия» и «ассоциация» неодинакова, мы разграничили их следующим образом. Ассоциация – это объединение, которое не является юридическим лицом, регистрируется непосредственно перед выборами и должно соответствовать лишь минимальным требованиям со стороны государства (по поводу своих документов и внутренней структуры). Формали-

зованная политическая партия – это постоянно действующая общественная организация, обладающая статусом юридического лица, проходящая систему государственной регистрации (отдельно от регистрации на выборах) и выполняющая ряд требований (минимальная численность членов, регулярная отчетность, требования по организации внутренней структуры).

В предлагаемой типологии первую большую группу представляют страны, в которых формализованным партиям принадлежит монопольное право на выдвижение кандидатов на выборные должности – либо на все возможные, либо на депутатские, либо на должности депутатов, избираемых по пропорциональной системе. В соответствии с этим в таблице выделены три подгруппы. Европейских стран здесь немного – для наглядности мы разместили здесь ряд стран Африки и Латинской Америки.

Вторую группу представляют страны, в которых формализованные партии делят право выдвижения кандидатов с независимыми кандидатами (ассоциации, как и в первой группе, не являются субъектами выдвижения кандидатов).

В третьей и четвертой группах правом выдвижения кандидатов обладают ассоциации: соответственно наряду с партиями и наряду с партиями и независимыми кандидатами.

Таблица

**Типология стран в зависимости от прав партий,
ассоциаций и независимых политиков
на выдвижение кандидатов**

	На всех выборах	На выборах в парламент	На выборах части мест в парламенте
1	2	3	4
Участвуют только формализованные партии	Бразилия, Аргентина, Мексика, Боливия, Гватемала, ЮАР, Намибия, Ангола, Камерун, Чад, Гвинея, Танзания, Мозамбик	Португалия, Польша, Латвия, Чехия, Словакия, Буркина-Фасо, Кабо-Верде, Уругвай, Гватемала, Никарагуа, Перу, Гондурас, Казахстан, Узбекистан, Россия (2007–2011)	Россия (с 2016 г.), Литва, Украина, Грузия, Армения, Новая Зеландия, Таджикистан

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Участвуют партии и независимые кандидаты	Ирландия, Эстония, Болгария, Румыния, Албания, Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория, Венгрия, Македония, Беларусь, Молдова	Словения	
Участвуют партии и ассоциации	Австрия, Швеция, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Италия, Испания, Сербия	Финляндия	Германия
Участвуют партии, ассоциации и независимые кандидаты	Великобритания, Франция, Дания, Норвегия, Исландия, Швейцария, Греция, Мальта, Австралия, Россия (1993–2003)		

В таблице указано состояние дел на текущий момент. Исключение сделано для России; она указана трижды, поскольку за 20 лет успела перепробовать все три модели электорального статуса политических партий.

1. В 1993–2003 гг. политические партии в России не обладали привилегиями даже на выборах по пропорциональной системе: к распределению мест допускались также избирательные объединения, присутствовавшие во всех первых четырех созывах Госдумы (в первых трех они даже доминировали).

2. В 2007–2011 гг. в России практиковался жесткий латиноамериканский вариант: политические партии имели монопольные права при распределении всех мест в парламенте и при выдвижении кандидатов в губернаторы, а также преференции на других выборах [Голосов, 2008].

3. После электоральной реформы 2013 г. в Россию вернулись смешанная избирательная система и независимые кандидаты, но политические партии сохранили монополию при распределении депутатских мест по пропорциональной системе. В отличие от 1993–2003 гг. у них не будет конкурентов среди избирательных объединений. Таким образом, реформа 2013 г. не ликвидировала монополию политических партий на места в парламенте, а лишь сократила ее до 50% от общего количества депутатских мест. При

этом политические партии являются привилегированным субъектом при выдвижении кандидатов по одномандатным округам и сохраняют ряд других электоральных предпочтений.

Таблица отражает распределение стран по степени привилегий формализованных партий при выдвижении кандидатов. Среди стран, в которых политические партии обладают исключительными электоральными привилегиями, практически нет высокоразвитых демократий (исключение составляет лишь Новая Зеландия). При этом все страны, в которых у партий нет электоральных привилегий, считаются демократическими.

В целом таблица демонстрирует, что спецификой развитых демократий является наличие не столько независимых кандидатов, сколько права свободных ассоциаций участвовать в выборах.

Антидемократический эффект партийных привилегий на выборах

Закрепление за формализованными партиями статуса привилегированных участников выборов стало институциональной находкой для «гибридных» и псевдodemократических режимов. Сведение электоральной конкуренции к соперничеству официальных партий решает сразу две задачи: отсеивает неудобных участников и при этом сохраняет внешнюю видимость конкуренции.

Закрепляя за партиями монополию на участие в выборах, правящие элиты получают возможность ограничивать конкуренцию путем ужесточения требований к партиям. Самые жесткие требования к регистрации партий устанавливаются именно в тех странах, где формализованные партии являются единственным коллективным участником выборов.

На практике применяется простой алгоритм: сначала за зарегистрированными партиями закрепляются электоральные привилегии, а за этим следует ужесточение государственных требований к регистрации партий. Характерен в этом плане российский пример, когда сначала за партиями была закреплена монополия на выдвижение кандидатов (2001), а затем требования к численности партий было повышены в пять раз (2004). Аналогичное повышение требований к партиям происходит в последние годы во всех латиноамериканских странах [Scherlis, 2013, p. 24].

Закономерно, что в Европе самые суровые требования к политическим партиям предъявляются в наименее демократичном регионе – на юго-востоке, и именно здесь партии пользуются привилегиями при выдвижении кандидатов. В Румынии партия должна насчитывать не менее 25 тыс. членов, в Молдове – не менее 5 тыс., в Сербии – не менее 10 тыс. В Болгарии партия, желающая зарегистрироваться и быть допущенной к выборам, должна собрать четыре комплекта подписей (в том числе 7 тыс. – на последнем этапе). Подобные требования надежно охраняют политическую систему от институционализации независимых ассоциаций граждан и их участия в избирательном процессе.

Наиболее противоречит демократическому режиму *модель полной монополии политических партий на выборах*, при которой из числа возможных субъектов исключаются свободные ассоциации граждан и независимые кандидаты. Это самая распространенная конфигурация избирательной системы в Африке и Латинской Америке.

Институциональные последствия партийной монополии на выборах выходят далеко за пределы электорального процесса, сказываясь на общем уровне демократии.

Важное косвенное последствие партийной монополии – ослабление законодательной власти. Депутаты, зависимые от партийного руководства, перестают быть эффективным противовесом исполнительной власти.

Показателен опыт Португалии – единственной западноевропейской страны, практиковавшей полную монополию политических партий на выборах. По индексу развития демократии Португалия уступает почти всем странам Западной Европы. В середине 1970-х годов эта страна считалась государством с сильной легислатурой, а в настоящее время Ассамблея Португалии – самый слабый парламент во всей Западной Европе, вплоть до того, что само соблюдение принципа разделения властей вызывает здесь большие сомнения [Leston-Bandeira, 2009, p. 698]. Электоральная монополия партий в Португалии привела к укреплению не политических партий как институтов гражданского общества, а партийной бюрократии, став одним из факторов, сдерживающих демократическое развитие страны.

Очевидны последствия эксперимента с партийной монополией на выборах и в России. Именно в период формирования ис-

ключительно по партийным спискам российский парламент существенно потерял и в самостоятельности, и в политическом весе [Гришин, Мармилова, 2014, с. 84].

Отдельного рассмотрения заслуживает модель выборов, при которой субъектами остаются формализованные партии и независимые кандидаты, но *исключаются свободные ассоциации*. В транзитивных странах, или так называемых странах «новой демократии», общепринятая модель.

В современной Европе границы распространения данной модели полностью совпадают с территорией бывших социалистических стран. Во всей Восточной Европе, в отличие от Западной, единственным коллективным участником выборов являются формализованные партии.

В некоторых странах Восточной Европы свободным ассоциациям граждан просто запрещено участвовать в политике. Например, Конституция Болгарии устанавливает запрет на политическую деятельность и участие в выборах для профсоюзов и иных организаций, не имеющих формального статуса политических партий. Конституция Хорватии провозглашает свободу ассоциаций, но законы этой страны разрешают политическую деятельность только официально зарегистрированным партиям. В Словакии также запрещена деятельность политических организаций, не зарегистрированных в соответствии с требованиями партийного законодательства.

Но и в тех странах Восточной Европы, где свободные ассоциации теоретически могут вести политическую деятельность, избирательные системы блокируют их участие в выборах. Возвращаясь к таблице 1, отметим, что из 20 бывших социалистических стран Восточной Европы только в Сербии законодательство разрешает участвовать в выборах иным организациям, кроме формализованных партий.

Другими словами, в Восточной Европе проведен институциональный эксперимент по устранению свободных ассоциаций граждан из полноценной политической жизни. Реакция же на это властей Евросоюза, выражающаяся в выработке рекомендаций по снижению требований к регистрации политических партий, явно не соответствует масштабу проблемы.

Интересно также, что большинство стран Восточной Европы, в отличие от Западной, сохраняют возможность выдвижения независимых кандидатов. Хотя наличие независимых кандидатов

производит благоприятный эффект на экспертов при оценке уровня демократичности страны, это не может компенсировать отсутствие в электоральном пространстве свободных ассоциаций. Политики-одиночки не обладают возможностями для создания «снизу» коллективных акторов политического процесса. Независимые политики остаются аутсайдерами, выполняя функцию громоотвода и не будучи способны оказать значительное влияние на крупные партии.

Любопытно, что после начала «демократического транзита» все бывшие социалистические страны поспешили закрепить за официальными партиями привилегии, совершенно не характерные для развитых демократий. Наличие этих привилегий – одна из институциональных причин того, что этот транзит оказался не вполне удачным, и уровень демократичности в соответствующих странах нередко оставляет желать лучшего. Очевидно, что элиты «транзитивных стран» исключили свободные ассоциации из числа участников выборов не столько ради некоего «упорядочения» политического процесса, сколько для ограничения конкуренции в собственных интересах.

Электоральные привилегии партий в развитых странах западной демократии

Процесс возрастания роли партий в электоральном процессе имеет свою специфику в странах западной демократии (отнесем сюда европейские государства за пределами бывших стран социализма, а также англосаксонские страны вне Европы). Для этих более чем двух десятков государств характерны некоторые общие черты, исключение из которых составляют только Португалия и Новая Зеландия.

1. В западных демократиях, в отличие от всего остального мира, политические партии не получают преференций на выборах лишь по факту своей государственной регистрации. Только в Испании и Ирландии зарегистрированные партии имеют некоторые преимущества при выдвижении кандидатов. Но вряд ли можно признать слишком жестким требование к непартийным выдвиженцам в парламент Ирландии собрать дополнительно 60 подписей в свою поддержку.

2. В некоторых странах привилегии при выдвижении кандидатов закреплены не за политическими партиями вообще, а только за теми, которые уже представлены в парламентах (Швейцария, Германия, Италия, Дания). В данном случае это привилегии не столько партий, сколько действующих депутатских групп: они, в частности, освобождаются от сбора подписей.

3. Зарегистрированные партии не имеют привилегий перед свободными ассоциациями (избирательными объединениями). Ассоциации как коллективные участники избирательного процесса либо неотличимы от партий (США, Великобритания, Австралия, Франция, Швейцария, Швеция, Исландия, Дания, страны Бенилюкса, Греция, Мальта), либо имеют равный с ними объем прав (Германия, Австрия, Италия, Финляндия, Норвегия).

Свободные ассоциации граждан остаются полноправным субъектом выборов и сохраняют тот же объем электоральных прав, что и зарегистрированные партии, и это принципиально отличает Запад не только от развивающихся стран, но и от Восточной Европы.

4. Партии ущемляют возможности не столько ассоциаций, сколько независимых кандидатов. Их вытеснение коллективными участниками избирательного процесса (партиями в «широком» смысле) – это актуальная и широко обсуждаемая проблема. Применительно к Западной Европе говорить об электоральных привилегиях «партий» можно только в этом аспекте.

Независимым кандидатам не разрешено участвовать в выборах в Финляндии, Норвегии, Швеции, странах Бенилюкса, Испании, Италии. Но и во многих других странах, где выдвижение независимых кандидатов формально еще возможно, они исчезают де-факто. Этому способствуют прежде всего доминирующая в континентальной Европе пропорциональная избирательная система, а также некоторые другие факторы. Например, в Дании, где действует смешанная система, кандидаты в случае неудачи по мажоритарному округу получают дополнительный шанс попасть в парламент через «компенсационные места», распределяемые только между партиями. Для политиков это дополнительный стимул баллотироваться не самостоятельно, а от партий.

Исчезновение возможности самостоятельного выдвижения кандидатов явно нарушает пассивные избирательные права граждан и уже поэтому является поводом для принципиальных возра-

жений. Но на практике сокращение прав независимых кандидатов в Европе компенсируется иными институтами, и это нейтрализует потенциальный антидемократический эффект. Такими компенсаторами, в частности, служат:

1) возможность для независимого политика, не желающего сотрудничать с существующими организациями, создать новую политическую ассоциацию или партию. Поскольку условия для этого в Западной Европе максимально облегчены, количество политических партий велико. В настоящий момент число политических партий в Исландии в расчете на определенное количество жителей в 2260 раз больше, чем в России, в Австрии – в 227, в Швеции – в 170, в Норвегии – в 11 раз и т.д.;

2) преференциальное голосование, являющееся важнейшим механизмом обеспечения персонального представительства при пропорциональной избирательной системе и защищающее одновременно как активное избирательное право, поскольку позволяет избирателю поддержать конкретного политика, так и пассивное избирательное право, поскольку ограждает партийного кандидата от своеволия партийного руководства при распределении депутатских мест.

Как следствие, индивидуальные права политиков и механизмы персонального политического представительства де-факто вполне обеспечены. Ситуация с электоральными привилегиями партий не создает в развитых странах Запада помех для демократического функционирования политической системы.

Тем не менее и здесь существуют институциональные ловушки, представляющие потенциальную угрозу для демократии.

1. Неоправданным является законодательный запрет на самовыдвижение. Даже если пропорциональная избирательная система не оставляет места для независимых кандидатов, законодательная отмена этого института подрывает легитимность персонального представительства и подает сигнал о его необязательности.

2. Многие страны Европы, оперируя термином «политическая партия» в его «широком значении», поспешили закрепить за этими субъектами электорального процесса особые права. Например, ст. 59 Конституции Норвегии и ст. 3.7 Конституции Швеции разрешают распределять места в парламенте только между политическими партиями. Партии объявляются основными участниками выборов также в Финляндии, Дании, Австрии, Нидерландах.

По нашему мнению, такая практика потенциально опасна. Достаточно лишь принять закон, конкретизирующий понятие «политическая партия» или предъявляющий к ним жесткие требования, и это автоматически отсекает от участия в выборах все свободные ассоциации. Опасность такого развития событий не стоит преуменьшать. В 1993 г. по этому пути уже пошла Новая Зеландия, в 2001 г. – Ирландия. Процесс отделения формализованных партий от партий в «широком значении» может продолжиться, и тогда бенефициарием окажутся именно зарегистрированные партии.

3. Преференциальное голосование не гарантирует персональное представительство. Электоральные реформы происходят постоянно. В случае перехода на систему с закрытыми списками (по примеру Италии или Испании) механизмы персонального представительства будут ликвидированы, а власть партийной верхушки в избирательном процессе резко увеличится.

Таким образом, институциональные предпосылки партизации выборов могут создать угрозу для демократии.

Заключение

Опыт развивающихся стран Африки и Латинской Америки подтверждает, что изобретенный диктатурами середины XX в. институт партийных привилегий на выборах – это не сколько «сопутствующее явление», сколько важный институциональный элемент недемократических режимов.

В современной западной демократии формализация прав партий на выборах не влечет значительных антидемократических последствий, поскольку этот институт компенсируется иными демократическими институтами. Ситуация с привилегиями партий на Западе пока еще принципиально отличается от режимов партийных привилегий в странах Африки, Латинской Америки и даже Восточной Европы. Но вектор изменений направлен именно на расширение прав формализованных партий. Запрет на выдвижение независимых кандидатов уже стал привычным явлением. Расширение партийного законодательства может поставить под вопрос существование и другого субъекта выборов – непартийных политических ассоциаций и избирательных объединений, как это уже произошло во многих относительно демократических странах.

В связи с этим задача защиты электоральных прав различных субъектов политического процесса представляется необходимой для гарантий демократии в целом.

Венецианская комиссия Совета Европы предлагает защищать свободу ассоциаций, смягчая требования к регистрации политических партий. Но смягчение этих требований не означает защиту свободных ассоциаций граждан. Разделение между формализованными партиями и свободными ассоциациями уже произошло, и, по нашему мнению, нужно исходить из этого объективно существующего различия. Следовательно, необходимо либо законодательно уравнивать электоральные права партий и свободных ассоциаций (пока такой нормы нет ни в одной стране), либо вообще не упоминать в избирательном праве формализованные политические партии. В последнем случае можно привести в качестве примера электоральное законодательство Исландии, оперирующее только термином «политическая организация», или Нидерландов до 2013 г. (термин «политическая группа»).

Насколько оправдано упоминание политических партий в электоральных законах? Практика показывает: формализация статуса политических партий почти автоматически приводит к закреплению за ними неких особых прав, в том числе преференций на выборах. Обеспечить равенство прав всех субъектов избирательного процесса, в том числе защитить интересы свободных ассоциаций, может исключение из электоральных законов упоминания о партиях как о конкретной разновидности юридических лиц, получающих от государства своего рода лицензию на ведение политической деятельности.

Список литературы

- Голосов Г.В.* Электоральный авторитаризм в России // *Pro et Contra*. – М., 2008. – № 12 (1). – С. 22–35.
- Гришин Н.В., Мармилова Е.П.* Пути оптимизации избирательной системы России // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – Астрахань, 2014. – № 1. – С. 79–90.
- Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах / Под ред. Ю.Г. Коргунока, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. – М.: КМК, 2010. – 212 с.

- Casal-Bertoa F., Piccio D., Rashkova E.* Party law in comparative perspective. – Leiden, 2012. – 29 p. – (Leiden university. Working paper; N 16).
- Biezen I. van, Bértoa F.* Party regulation in post-authoritarian contexts: Southern Europe in comparative perspective // *South European society and politics*. – L., 2014. – Vol. 19, N 1. – P. 71–87.
- Independent candidates in national and European elections. Study / P. Ehin, U. Madise et al. – Brussels, 2013. – 100 p. – (PE 493.008) – Mode of access: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2013/493008/IPOL-AFCO_ET\(2013\)493008_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2013/493008/IPOL-AFCO_ET(2013)493008_EN.pdf) (Дата посещения: 27.11.2014.)
- Leston-Bandeira C.* Dissent in a party based parliament: the Portuguese case // *Party politics*. – L., 2009. – Vol. 15, N 6. – P. 695–713.
- Scherlis G.* Parties and ballot access in Latin America: a new trend in a new political context // *International conference political legitimacy and the paradox of regulation*. – Leiden, 2013. – P. 22–25.
- European commission for democracy through law (Venice Commission). Report on the participation of political parties in elections: Adopted by the Council for Democratic Elections at its 16 th meeting (Venice, 16 March 2006)... – Strasbourg, 2006. – 12 p. – (Study; N 329/2004; CDL-AD (2006) 025) – Mode of access: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2006\)025-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2006)025-e) (Дата посещения: 27.11.2014.)

А.М. ГРИШИНА

**ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Политические партии уже не одно десятилетие являются предметом научного интереса. Особое внимание исследователей привлекают выполняемые ими функции и особенности их институционализации в государствах, переживающих трансформацию. Однако как особая политическая организация, имеющая специфическую структуру, они практически не рассматриваются. Поэтому организационный подход в исследовании политических институтов в целом и партий в частности – это новое направление в науке. Использование при изучении политических партий организационных теорий дает возможность по-новому взглянуть на старые проблемы.

Организационное устройство политических партий играет значимую роль в процессе их институционализации и развития. В свое время М. Дюверже отмечал: «...В природе организации современных политических партий их сущность раскрывается куда более полно, нежели в их программах или классовом составе: партия есть общность на базе определенной специфической структуры» [Дюверже, 2000, с. 5].

Важным аспектом организационного устройства политических партий является его эффективность. Именно эффективность как базовый критерий оценки организаций помогает лучше понять, почему одни политические партии эффективны, а другие нет. Чаще всего понятие «организационная эффективность» используется в менеджменте, экономике и др. Как правило, оно подразумевает

способность той или иной организации эффективно выполнять свои функции и достигать поставленных целей.

В данной работе организационную эффективность политических партий предлагается рассматривать через призму выполнения ими функций рекрутирования и мобилизации. Организационная эффективность политических партий понимается как способность привлекать в свои ряды сторонников и единомышленников.

Несмотря на отсутствие серьезных теоретических исследований в области организационной эффективности политических партий, количество трудов, посвященных теориям организационной эффективности как таковой, достаточно велико. Некоторые положения этих моделей в определенной степени универсальны и вполне применимы при исследовании организационной эффективности политических партий.

Обзор теоретических подходов, посвященный организационной эффективности, позволит более детально приблизиться к определению критериев эффективности политических партий.

Теория организационной эффективности имеет долгую историю. Существует несколько теоретических подходов, разработанных на основе различных групп критериев. Как писали Р. Херман и Д. Ренц, сколько моделей организаций, столько и теорий организационной эффективности [Herman, Renz, 1997]. Наиболее известны из них целевая модель [Etzioni, 1960; Price, 1972; Scott, 1977], модель системных ресурсов [Yuchtman, Seashore, 1967], модель внутренних процессов [Pfeffer, 1977; Steers, 1977], модель множества групп конститuentов [Connolly, Conlon, Deutsch, 1980; Tsui, 1990; Zammuto, 1984], ситуационная модель [Pennings, 1975; Morgan, 2007], модель конкурирующих ценностей [Quinn, Rohrbaugh, 1981, 1983].

Рассмотрим основные тезисы этих моделей.

Наиболее известная и одна из наиболее широко применяемых – *целевая модель*. В ее рамках сосуществует несколько вариантов определения организационной эффективности, однако большинство исследователей согласны с американским социологом А. Этциони, измеряющим эффективность организации степенью реализации ею своих целей [Etzioni, 1960]. Похожей точки зрения придерживается и К. Кэмерон, считающий, что чем выше степень достижения целей, тем эффективнее организация [Cameron, 1980].

На наш взгляд, недостатком этой модели является посылка, согласно которой все организации имеют ясные, идентифицируе-

мые и стабильные во времени цели. Однако так бывает далеко не всегда. Организационные цели ясны, согласованы и измеримы лишь в некоторых случаях – например, в спортивных играх, где цель команд – победа в соревновании.

Модель системных ресурсов [Seashore, Yuchtman, 1967] появилась как результат стремления преодолеть ограничения целевой модели и получила широкое признание в рамках системного подхода. Данная модель определяет эффективность как способность организации использовать ресурсы своего окружения. Организации считаются эффективными, если преуспевают в приобретении необходимых ресурсов из внешней среды. Данная модель также имеет ряд недостатков. Ее можно считать релевантной лишь в том случае, если между использованными ресурсами и тем, что организация имеет на выходе, прослеживается четкая связь. Организацию, которая просто собирает и сохраняет ресурсы, вряд ли можно признать эффективной. В качестве примера можно привести банк, эффективность которого нельзя измерять одним только количеством клиентов.

Третий наиболее распространенный подход в исследовании эффективности организаций – *модель внутренних процессов*. По мнению ее адептов, предыдущие модели не учитывают особенности внутренних процессов организации, которые позволяют артикулировать предпочтения и интересы, воспринимать запросы внешней среды и принимать адекватные решения [Pfeffer, 1977]. В рамках данной модели организационная эффективность связана с такими характеристиками, как внутренние функции, информационные потоки, доверие, интегрированные системы и бесперебойное функционирование организации. Модель признает эффективными те организации, в которых отсутствует внутреннее напряжение, а ее члены глубоко интегрированы в систему внутренних отношений. Для таких организаций характерны высокий уровень доверия между сотрудниками, плавность и равномерность распределения горизонтальных и вертикальных информационных связей. Вместе с тем вышеуказанные критерии не всегда соответствуют действительности. Организации достаточно разнообразны по своему типу и характеру деятельности, и не в каждой требуется выстраивать доверительные отношения между сотрудниками. Например, в некоторых организациях для общей результативности достаточно соблюдать трудовую дисциплину. Поэтому модель внутренних

процессов релевантна лишь для узкопрофессиональных организаций – например, для сборочных производств, где общий результат зависит от слаженной работы и тесного взаимодействия сотрудников.

Модель множества групп конституентов [Connolly, Conlon, Deutsch, 1980; Tsui, 1990; Zammuto, 1984] получила свое развитие в 70-х годах прошлого века. Ее сторонники упрекали предыдущие модели в том, что они используют только одну группу оценочных критериев. Модель множества групп конституентов предлагает учитывать интересы участников организационного процесса и определяет эффективность как степень удовлетворенности интересов групп конституентов организации. Каждая группа конституентов вносит в организацию свой вклад, являясь, например, поставщиком ресурсов, потребителем продукции или услуг и т.п. В ходе сотрудничества с организацией эти группы участников могут оказывать на нее непосредственное влияние. При таком подходе оценка эффективности исходит из того, насколько своевременно и рационально организация реагирует на требования и ожидания конституентов. Задача руководства состоит в сохранении баланса между интересами групп конституентов при достижении организационных результатов.

Модель предлагает учитывать интересы всех участников организационного процесса, однако на практике это не так просто сделать. Конкурентные отношения не всегда позволяют найти общее, подходящее для всех решение. Данная модель актуальна лишь в том случае, если участники действительно могут повлиять на конечный результат. Оценить организационную эффективность с позиций данного подхода можно лишь в таких организациях, как, допустим, законодательные собрания, где требуется принимать решения, удовлетворяющие разные группы интересов.

Каждая из вышеуказанных моделей формирует узкий круг критериев, позволяющих оценивать эффективность организации. Эти модели сложно признать универсальными, однако в каждой из них можно почерпнуть какие-то полезные рекомендации.

Сложный характер организационной деятельности привел к осознанию необходимости многостороннего исследования организационной эффективности [Herman, Renz, 1999; Shilbury, Moore, 2006; Sowa et al., 2004; Morgan, 2007].

Многие исследователи предлагают рассматривать в качестве такого многостороннего подхода *ситуационную модель* [Morgan,

2007], определяющую эффективность организации через ее способность найти оптимальный баланс между внутренними потребностями и вызовами окружающей среды. По мнению сторонников данной модели, «ситуационность» влияет на такие характеристики организации, как ее размер, стиль управления, внутренние связи и отношения. На наш взгляд, данная модель наиболее продуктивна при анализе организационной эффективности политических партий. Окружающая среда, конкретные условия и политические «правила игры» влияют не только на структуру партий, но и на их функционирование.

Еще один образец многофакторного подхода в исследовании организационной эффективности представляет собой *модель конкурирующих ценностей* (CVA) [Quinn, Rohrbaugh, 1981, 1983]. Ее создатели попытались определить общие критерии для оценки организационной эффективности. На первом этапе их целью было сократить список Кэмпбелла из 30 критериев [Campbell, 1977] и оставить особые непересекающиеся конструкции с тем же уровнем анализа из числа относящихся к производительности организации. Экспертов из академической среды попросили оценить эти критерии. На втором этапе членам группы было предложено оценить все возможные пары между оставшимися 17 критериями. Затем было использовано многомерное шкалирование для определения базовых значений, использованных в дальнейшем для концептуализации организационной эффективности. Полученные результаты свидетельствовали, что индивиды оценивают организационную эффективность в трех измерениях:

1) *организационная направленность*: соотношение внутренних (акцент на развитие людей внутри организации) и внешних (акцент на развитие организации в целом) процессов;

2) *организационная структура*: соотношение гибкости, лояльности и контроля в организации;

3) *организационные результаты*: соотношение затрат и конечных результатов.

В каждом измерении представлены значения, влияющие на критерии оценки эффективности. Каждый критерий отражает различные комбинации этих значений. Сочетание первых двух значений («осей») – организационной направленности и организационной структуры – позволило вывести четыре модели организационных отношений.

Модель человеческих отношений направлена на внутренние отношения и делает акцент на гибкости.

Модель открытой системы тоже делает акцент на гибкости, но направлена на внешнюю среду.

Рационально-целевая модель направлена вовне и исходит из необходимости контроля над организацией.

Модель внутренних процессов направлена на внутренние отношения и делает акцент на управляемости и устойчивости системы.

Модель конкурирующих ценностей отражала взгляды ученых и теоретиков. Выведенные ими критерии эффективности были предложены на рассмотрение менеджерам крупных организаций. Выяснилось, что последние заметно отличались в своих взглядах от ученых. Они согласились с необходимостью выделить лишь одно общее измерение – ориентацию на внутренние и внешние отношения. Однако их мнения относительно выраженности этого измерения, количества базовых значений и критериев оценки управления [Balduck, Bbuelens, 2008] существенно расходились с мнениями ученых.

Рассмотренные модели отражают сложность и разнородность мнений относительно оценки организационной эффективности. Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению относительно определения категории организационной эффективности, однако сошлись в том, что эффективность – это многоплановое явление, требующее множества критериев.

Организационная эффективность политических партий – это сложное явление, и оценить ее с позиции какой-либо одной модели, на наш взгляд, не представляется возможным. Однако если использовать критерии сразу из нескольких моделей, наверняка можно будет оценить организационную эффективность политических партий. Мы предлагаем использовать ситуационную и ресурсную модели для выработки ряда исследовательских гипотез.

Рассматривая политические партии как организации, функционирующие в определенных обстоятельствах и располагающие различными ресурсами, сформулируем ряд тезисов, которые в дальнейшем можно будет использовать в эмпирическом исследовании.

Во-первых, важным критерием при оценке организационного устройства политических партий служит ситуационность. Особенности организационной структуры партий во многом определяются

временем, когда они пользовались наибольшим успехом у избирателей.

Во-вторых, на формирование структуры партий и их последующее функционирование могут оказывать влияние общий политический контекст и специфика политического режима.

В-третьих, условием сохранения и поддержания четкой организационной структуры выступает наличие ресурсов – материальных, административных, человеческих и др. В частности, наличие широких ресурсов у доминирующей партии делает ее более привлекательной для граждан, позволяя ей расширять свои ряды и электоральную поддержку.

В-четвертых, прямой или косвенный доступ к материальным, административным и другим ресурсам позволяет некоторым партиям не только сохранять доминирующее положение в политическом пространстве, но и развивать устойчивые внутренние и внешние связи.

Таким образом, наличие ресурсов, своевременная и адекватная реакция на внешние вызовы оказывают влияние не только на эффективное функционирование партии, но и на формирование ее внутренней структуры и определение ее места в политическом процессе.

Применив вышеизложенные положения на практике, можно, на наш взгляд, серьезно продвинуться в оценке и анализе организационной эффективности той или иной политической партии. Вместе с тем, исследуя какие-либо объекты, важно помнить, что они могут быть весьма разнообразными и сложными по своей сути, и тот или иной ряд критериев не всегда позволит объективно их исследовать. Поэтому при оценке организационной эффективности политических партий следует учитывать также структурные, акторные и институциональные факторы. Полагаем, что в сочетании с инструментарием ситуационной и ресурсной моделей учет этих факторов позволит в дальнейшем существенно продвинуться в оценке эффективности политических партий с точки зрения выполнения ими функций рекрутирования и мобилизации.

Список литературы

- Дюверже М.* Политические партии. – М.: Академический Проект, 2000. – 538 с.
- Balduck A., Buelens M.* A two-level competing values approach to measure nonprofit organizational effectiveness. – Ghent: Ghent Univ., 2008. – 30 p.

- Cameron K.* Critical questions in assessing organizational effectiveness // Organizational dynamics. – Elsevier, 1980. – Vol. 9, N 2. – P. 66–80.
- Campbell J.P.* On the nature of organizational effectiveness // New perspectives on organizational effectiveness / P.S. Goodman, J.M. Pennings (eds.). – San Francisco: Jossey-Bass, 1977. – P. 13–55.
- Connolly T., Conlon E.J., Deutsch S.J.* Organizational effectiveness: A multipleconstituency approach // The academy of management review. – N.Y., 1980. – Vol. 5, N 2. – P. 211–217.
- Etzioni A.* Two approaches to organizational analysis: A critique and a suggestion // Administrative science quarterly. – N.Y., 1960. – Vol. 5, N 2. – P. 257–278.
- Herman R., Renz D.* Multiple constituencies and the social construction of nonprofit organization effectiveness // Nonprofit and voluntary sector quarterly. – Toronto, 1997. – N 26. – P. 185–206.
- Herman R., Renz D.* Theses on nonprofit organizational effectiveness // Nonprofit and voluntary sector quarterly. – Toronto, 1999. – N 28 (2). – P. 107–126.
- Morgan G.* Images of Organization. – Toronto: SAGE Publications, Inc., 2007. – 520 p.
- Pfeffer J.* Usefulness of the concept // New perspectives on organizational effectiveness / P.S. Goodman, J.M. Pennings (eds.). – San Francisco: Jossey-Bass, 1977. – P. 132–143.
- Price J.L.* The study of organizational effectiveness // The sociological quarterly. – Wiley-Blackwell, 1972. – Vol. 13, N 1. – P. 3–15.
- Quinn R., Rohrbaugh J.* A competing values approach to organizational effectiveness // Public productivity review. – N.Y., 1981. – Vol. 5. – P. 122–140.
- Quinn R., Rohrbaugh J.* A spatial model of effectiveness criteria: Towards a competing values approach to organizational analysis // Management science. – Hanover, MD, 1983. – Vol. 29, N 3. – P. 363–377.
- Scott W.* Effectiveness of organizational effectiveness studies // New perspectives on organizational effectiveness / P.S. Goodman, J.M. Pennings (eds.). – San Francisco: Jossey-Bass, 1977. – P. 63–95.
- Shilbury D., Moore K.* A study of organizational effectiveness for National Olympic Sporting Organizations // Nonprofit and voluntary sector quarterly, – Toronto, 2006. – N 35 (1). – P. 5–38.
- Sowa J., Selden S., Sandfort J.* No longer unmeasurable? A multidimensional integrated model of nonprofit organizational effectiveness // Nonprofit and voluntary sector quarterly. – Toronto, 2004. – N 33 (4). – P. 711–728.
- Steers R.M.* Problems in the measurement of organizational effectiveness // Administrative science quarterly. – Cornell, 1975. – Vol. 20, N 4. – P. 546–558.
- Tsui A.S.* A multiple constituency model of effectiveness: An empirical examination at the human resource subunit level // Administrative science quarterly. – N.Y., 1990. – Vol. 35, N 3. – P. 458–483.
- Walton E., Dawson S.* Managers' perceptions of criteria of organizational effectiveness // Journal of management studies. – Wiley-Blackwell, 2001. – N 38 (2). – P. 173–199.
- Yuchtman E., Seashore S.E.* A system resource approach to organizational effectiveness // American sociological review. – Toronto, 1967. – Vol. 32, N 6. – P. 891–903.
- Zammuto R.* A comparison of multiple constituency models of organizational effectiveness // Academy of management review. – N.Y., 1984. – N 9. – P. 606–616.

Б. МАГАЛОНИ, Р. КРИЧЕЛИ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК
И ОДНОПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА¹

Magaloni B., Kricheli R.
Political Order and One-Party Rule / Annual review of political science. – Palo Alto, 2010. – Vol. 13. – P. 123–143

Введение

К концу XX в. сторонники демократии были преисполнены оптимизма. В период третьей волны демократизации [Huntington, 1991] мир стал свидетелем крушения 85 авторитарных режимов, число стран, управляемых выборными лицами и органами, стало больше, чем когда-либо в человеческой истории [Geddes, 1999]. Казалось, перспективы демократии хороши как никогда. Однако распространение демократии сопровождалось построением однопартийных автократий², которые продолжали появляться даже после того, как третья волна демократизации сошла в конце столетия на нет. [...]

После завершения третьей волны демократизации мировой политический порядок оказался по преимуществу автократиче-

¹ Текст печатается с согласия авторов.

² Авторы делят однопартийные режимы на два подтипа: режимы с доминирующей партией и режимы с единственной партией. Режимы с единственной партией в отличие от режимов с доминирующей партией запрещают оппозиции участвовать в выборах.

ским. Распространение демократии прекратилось уже к середине 90-х годов, тогда как экспансия однопартийных режимов продолжилась и на протяжении первого десятилетия XXI в. [...]

Почему одни однопартийные режимы более стабильны, чем другие? Почему их становится все больше, а сами они – все более изощренными? [...]

Мы провели оценку всех политических транзитов, произошедших с 1950 по 2006 г. Используя критерии Маркова¹, мы пришли к выводу, что, во-первых, часто однопартийные диктатуры возникали на обломках диктатур другого типа. Во-вторых, транзиты от одного типа диктатуры к другому – это наиболее частый тип политического транзита, составляющий 43% от общего числа трансформаций политических режимов с 1950 по 2006 г. В-третьих, [...] вопреки распространенному мнению, переход к демократии – наименее вероятный вариант развития общества после крушения однопартийных режимов. [...]

Происхождение партий

Тот факт, что система с единственной партией увеличивает шансы диктатора на выживание, вовсе не означает, что сами диктаторы стремятся создавать такие партии. Из него не следует также, что партии будут появляться только потому, что они выполняют данную функцию. Выражаясь словами Элстера [Elster, 1982], функционалистские теории помогают выявить функции, выполняемые партиями в системах с единственной партией, но не объясняют причины их появления.

Функционалистские теории однопартийных режимов оставляют много вопросов. Неясно, насколько автократы вообще осведомлены о способностях правящих партий выполнять мобилизационную и переговорную функции и учитываются ли эти функции при принятии ими решений о формировании правящих партий. Даже если диктаторы хорошо осведомлены о таких функциях, они могут создавать другие институты для их выполнения. Например,

¹ Имеется в виду русский математик А.А. Марков, положивший в 1900-х годах начало изучению последовательностей зависимых испытаний и связанных с ними сумм случайных величин. – *Прим. ред.*

Хабер с соавторами [Haber, Maurer, Razo, 2003] полагают, что диктатор может решать проблемы, связанные с верой в выполнение обязательств, используя социальные сети и брачные связи между классом собственников и правящей элитой, довольно типичные для персоналистских режимов. Почему диктаторы отдают предпочтение созданию партий, а не стратегии выстраивания персональных связей, описанной Хабером и его коллегами, литература по однопартийным режимам объясняет не в полной мере. Более того, поддержание плотной партийной структуры обременяет автократа высокими издержками [Belova, Lazarev, 2007], которые могут обесценить выгоды от создания партий. Необходимо лучше понять условия, при которых создание и содержание партий являются для диктаторов более доступным и эффективным средством по сравнению со всеми другими стратегиями, включая управление через персональные или родственные связи.

Исследование условий, способствующих формированию однопартийных режимов, возможно, позволит также решить актуальную для современного анализа однопартийных режимов проблему эндогенности. Из эмпирической констатации связи между возникновением однопартийных режимов и повышением шансов автократий на выживание вовсе не следует, что существование партий усиливает стабильность режимов. Если однопартийные режимы чаще появляются в стабильных автократиях, то вполне может быть, что связь между их установлением и повышением шансов диктатора на выживание объясняется по большей части самим первоначальным выбором.

Если так, то когда установление однопартийных режимов более вероятно? После крушения демократии или после падения другого типа автократии? Чтобы вникнуть в суть вопроса, была создана матрица, оценивающая вероятность тех или иных транзитов для 169 стран в период с 1950 по 2006 г. (см. табл. 1). Критериями для оценки выступили, во-первых, степень вероятности перехода от одного типа режима к другому за определенный отрезок времени, а во-вторых, понимание такой вероятности как обуславливающей в течение 50 лет марковский процесс¹ перехода от одно-

¹ Марковский процесс – случайный процесс, эволюция которого после любого заданного временного параметра не зависит от предшествовавшей эволюции, при условии, что значение процесса в этот момент было зафиксировано

го режима к другому. Элементы матрицы представляют собой процентные доли режимов одного типа (строки), которые на протяжении половины столетия трансформировались в режимы другого типа (столбцы).

Таблица 1

**Матрица оценки транзитов политических режимов,
1950–2006 гг.**

Тип режима	Транзиты						Все транзиты	Все стабильные режимы	Общее число
	к анархии	к монархии	к военной диктатуре	к однопартийному режиму	к режиму с доминирующей партией	к демократии			
Анархия	*	3,9% (2)	23,5% (12)	3,9% (2)	33,3% (17)	35,3% (18)	23,18% (51)	76,87% (169)	100% (220)
Монархия	0,0 (0)	*	63,6% (7)	9,1% (1)	27,3% (3)	0,0% (0)	1,5% (11)	98,5% (723)	100% (734)
Военная диктатура	30,4% (28)	2,2% (2)	*	7,6% (7)	27,2% (25)	32,6% (30)	7,31% (92)	92,69% (1165)	100% (1257)
Однопартийный режим	8,8% (5)	0,0 (0)	38,6% (22)	*	33,3% (19)	19,3% (11)	4,14% (57)	95,86% (1321)	100% (1378)
Режим с доминирующей партией	17,5% (11)	0,0 (0)	23,8% (15)	30,2% (19)	*	28,6% (18)	5,04% (63)	94,96 (1188)	100% (1251)
Демократия	12,1% (7)	0,0 (0)	67,2% (39)	1,7% (1)	19% (11)	*	1,9% (58)	98,1% (2991)	100% (3049)

Число наблюдений для каждой категории указано под процентными долями. Таблица 2 содержит те же цифры, но касается только перехода к однопартийному режиму, уточняя, какую долю в общем числе случаев занимал переход от каждого определенного типа режима. Обе таблицы учитывают тот факт, что один тип ре-

(«будущее» процесса не зависит от «прошлого» при известном «настоящем»). Так называемое «марковское свойство», определяющее «марковский процесс», названо в честь сформулировавшего его А. Маркова – см. примечание выше. – *Прим. ред.*

жима может трансформироваться в другой, затем в третий, а в конце концов, и в четвертый тип режима.

Таблицы 1 и 2 показывают, что однопартийные системы не возникают из какого-то одного типа режима. Напротив, они предполагают четыре наиболее распространенных пути к их установлению. Мы предполагаем, что каждый из этих путей приводит к различным комбинациям «нисходящих» и «восходящих» факторов и зависит от того, как эти факторы взаимодействуют с расстановкой сил в мире и с изменением международной ситуации.

Таблица 2

Транзиты к однопартийному режиму

Транзиты к однопартийному режиму			
Тип режима	К режиму с единственной партией	К режиму с доминирующей партией	К однопартийному режиму (режиму с единственной партией или режиму с доминирующей партией)
Анархия	6,67% (2)	22,67% (17)	28,36% (19)
Монархия	3,33% (1)	4% (3)	5,97% (4)
Военная диктатура	23,33% (7)	33,33% (25)	47,76% (32)
Режим с единственной партией	*	23,33% (19)	*
Режим с доминирующей партией	63,33% (19)	*	*
Демократия	3,33% (1)	14,66% (11)	17,91% (12)
Общее число	100% (30)	100% (75)	100% (67)

Первый путь – переход к однопартийности от милитаристского режима: 33,33% режимов с доминирующей партией и 23,33% режимов с единственной партией, основанных с 1950 по 2006 г., родились из военных диктатур. Этот способ появления однопартийных диктатур в большинстве случаев инициируется сверху. Данная логика согласуется с гипотезой Барбары Геддес [Geddes, 2008] о том, что правители-милитаристы часто создают партии для мобилизации масс, с тем чтобы компенсировать угрозу своим позициям со стороны других военных. Тот факт, что однопартийные режимы часто появляются в результате стратегического решения диктаторов, также согласуется с гипотезой Смита [Smith, 2005] и Пшеворского – Ганди [Przeworski, Gandhi, 2006], согласно которой автократы прибегают к созданию партий, когда им необходимо

противостоять сильной оппозиции. Переход от милитаристской (или, шире, персоналистской) диктатуры к партийному режиму понимается как путь уступок оппозиции с целью минимизировать угрозы для правителя.

Второй путь – переход к однопартийности от анархии: 22,67% режимов с доминирующей партией и 6,67% однопартийных режимов, основанных с 1950 по 2006 г., возникли после периода анархии или гражданской войны. Хантингтон [Huntington, 1968] первым указал на этот путь создания однопартийных режимов, считая их продуктом социальных революций или движений за независимость: «Чем интенсивнее и продолжительнее борьба и чем сильнее ее идеологическая составляющая, тем прочнее политическая стабильность однопартийной системы» [Huntington, 1968, p. 425]. Это «восходящий» путь к однопартийному режиму.

Почему анархия приводит к созданию именно однопартийного, а не другого типа режима? Первая возможность, описанная в литературе о гражданских войнах, заключается в том, что анархия трансформируется в однопартийную диктатуру, когда определенная доминирующая сила способна ликвидировать оппозицию военной силой или когда население страны группируется по этническому признаку [Bates, 2008 a; Bates, 2008 b]. Если, например, некое этническое меньшинство имеет преимущественный доступ к военным или экономическим ресурсам для финансирования насилия, оно сможет править и доминировать с помощью страха и террора [Collier et al., 2007]. В этих случаях анархия будет ликвидирована скорее военной, нежели партийной диктатурой. Напротив, демократия может установиться тогда, когда будет наблюдаться определенный военный баланс [Wantchekon, 2004; Przeworski, 2009].

Другая возможность – это когда однопартийная диктатура вырастает из анархии в результате пакта между военачальниками, понимающими, что лучше договориться о разделе власти, чем продолжать воевать. Магалони [Magaloni, 2006] считает, что именно так возник мексиканский однопартийный режим.

Третий путь к однопартийному режиму – переход от демократии: 17,91% однопартийных режимов были основаны после падения демократии. Режимы президента Уго Чавеса в Венесуэле и президента Владимира Путина в России – два наиболее известных тому примера. И хотя демократии чаще гибнут от рук военных (67,2% всех случаев), они также нередко становятся жертвой до-

минантно-партийных автократий (19%). Тенденция демократий терпеть поражение не столько от однопартийных или милитаристских режимов, сколько от доминантно-партийных автократий – феномен, свойственный в основном периоду, наступившему после «холодной войны». Между 1950 и 1989 г. произошло 58 крушений демократических режимов, 67% из которых трансформировались в военные диктатуры. По окончании «холодной войны» были демонтированы только 14 демократических режимов, но абсолютное большинство из них стали доминантно-партийными диктатурами. Интересно, что в тот же период в некоторых посткоммунистических режимах авторитарные лидеры сумели приспособиться к демократическим процедурам и вернуться к власти, пользуясь при создании коалиций в свою поддержку доступом к государственным ресурсам [Grzymala-Busse, 2002, 2007].

Четвертый путь к однопартийному режиму – переход от другого типа однопартийного правления, т.е. от доминантно-партийного режима к режиму с единственной партией или наоборот. Диктаторы посредством процессов либерализации или делиберализации модифицируют существующие правила политической конкуренции, оставаясь при этом у власти. Переходы от режима с доминирующей партией к режимам с единственной партией были частым явлением в ранний период деколонизации во многих африканских странах. Как правило, они происходили после того, как независимые лидеры сначала одерживали ошеломляющие победы на первых независимых многопартийных выборах, а затем запрещали оппозицию. Большинство таких переходов к однопартийным диктатурам аналогичны «восходящему» пути создания партий, описанному Хантингтоном [Huntington, 1968].

С другой стороны, переходы от однопартийных диктатур к режимам с доминирующей партией являлись результатом многопартийного соревнования и чаще всего имели место в 1990-е в Африке и бывших советских республиках. Такие партии, как «Чама Ча Малиндужи» в Танзании, Демократическая партия Габона, Кенийский национальный союз и Камерунское народное демократическое движение (это лишь немногие примеры), правили многие годы, объявляя оппозицию вне закона, и разрешили многопартийные выборы только после 1990 г.

В дополнение к четырем путям перехода к однопартийному режиму таблицы 1 и 2 дают пищу для размышлений относительно

коллапса однопартийных режимов. В противовес общему мнению, однопартийные режимы редко демократизируются: только 24,7% трансформаций однопартийного режима ведут к демократии, большинство таких режимов становятся жертвами военных переворотов или, допуская расширение масштабов политического соревнования, превращаются в режимы в доминирующей партии. 38,6% трансформаций режимов с единственной партией ведут к установлению военных диктатур, 33,3% – режимов с доминирующей партией и только 19,3% – демократий. Более того, режимы с доминирующей партией более склонны к трансформации в однопартийные режимы, нежели в демократии. 30,2% таких режимов превращались в режимы с единственной партией и только 28,6% – в демократические. На самом деле, по сравнению с военными диктатурами и анархией, однопартийные режимы гораздо менее склонны трансформироваться после своего крушения в демократии. [...]

Переходы от одного типа авторитаризма к другому являются наиболее распространенной формой режимных изменений на протяжении последних пяти десятилетий: 43% общего числа транзитов в 1950–2006 гг. были переходами от диктатуры к диктатуре, 27 – от демократии к диктатуре и лишь 31% – от диктатуры к демократии. Только потому, что мы концентрируем внимание на режимных переходах от автократии к демократии и наоборот, не создана теория, объясняющая, почему наиболее распространенной практикой является смена одних диктаторов другими и почему в определенных условиях (хотя и не во всех) переходы к другому типу диктатуры более вероятны, чем переходы к демократии. [...]

Заключение

В литературе об однопартийных режимах выделяются два механизма, посредством которых правящие партии могут повышать шансы автократа на выживание: они или мобилизуют массы, или способствуют налаживанию переговорного процесса между элитами. Однако остаются нерешенными многие парадоксы, касающиеся связи между существованием правящей партии и стабильностью авторитарного режима. Для полного понимания сути однопартийных режимов необходима всеобъемлющая теория, опи-

сывающая условия, которые способствуют возникновению и падению однопартийных режимов.

Такая всеобъемлющая теория должна будет ответить на четыре группы вопросов. Первая включает вопросы, касающиеся взаимоотношений между массовой мобилизацией и внутриэлитными сделками. Мы должны понять, как автократы решают дилемму выбора между апелляцией к оружию и апелляцией к избирателю и как они распределяют ресурсы между элитами и массами, чтобы максимизировать собственные шансы на выживание.

Вторая группа вопросов относится к природе любых режимов в целом и однопартийного режима в частности. Переходы от одного типа авторитарного режима к другому заслуживают большего внимания исследователей. Более того, выяснение условий, ускоряющих создание или падение однопартийных режимов, поможет лучше понять, почему однопартийные режимы возникают и почему они более стабильны, чем другие формы авторитаризма.

Третья группа вопросов касается взаимных отношений между демократией и однопартийными и другими партийными режимами. Выборы в условиях авторитаризма способствуют демократизации или, наоборот, стабильности авторитарного режима? Почему режимы с доминирующей партией легче трансформируются в демократии, чем однопартийные режимы?

Четвертая (и последняя) группа вопросов относится к влиянию, которое оказывают на процесс авторитарного принятия политических решений и на трансформацию режима внешнеполитические и геополитические факторы. Необходимо более глубокое понимание того, как глобальные факторы влияют на принятие политических решений в однопартийных автократиях и на стабильность этих режимов, равно как и того, как они взаимодействуют с факторами внутренней жизни.

Список литературы

- Bates R.H.* State failure // Annual review of political science. – Palo Alto, 2008 a. – Vol. 11. – P. 1–12
- Bates R.H.* When things fell apart: State failure in Late Century Africa. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2008 b. – 216 p.

- Belova E, Lazarev V.* Why parties and how much? The Soviet state and the party finance // Public choice. – Cambridge, 2007. – N 130 (3–4). – P. 437–456
- Elster J.* Marxism, functionalism and game-theory: the case for methodological individualism // Theory and Society. – Amsterdam, 1982. – N 11 (4). – P. 453–482
- Geddes B.* What do we know about democratization after twenty years? // Annual review of political science. – Palo Alto, 1999. – N 2. – P. 115–144
- Geddes B.* Party creation as an autocratic survival strategy: Presented at conference dictatorships: Their governance and social consequences. – Princeton, NJ: Princeton univ., 2008.
- Grzymala-Busse A.M.* Redeeming the Communist past: The regeneration of Communist parties in East-Central Europe. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002. – 341 p.
- Grzymala-Busse A.M.* Rebuilding Leviathan: Party competition and state exploitation in Post-Communist democracies. – Cambridge: Cambridge univ. press. – 2007. – 294 p.
- Haber S.H, Maurer N., Razo A.* The Politics of property rights: Political instability, credible commitments, and economic growth in Mexico, 1876–1929. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. – 380 p.
- Magaloni B.* Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2006. – 300 p.
- Smith B.* Life of the party: the origins of regime breakdown and persistence under single-party rule // World politics. – Cambridge, 2005. – Vol. 57, N 3. – P. 421–451
- Wantchekon L.* The paradox of “warlord” democracy: a theoretical investigation // The American Political Science Review. – Cambridge, 2004. – N 98 (1). – P. 17–33.

Сокращенный перевод Ивановой М.В.

КОНТЕКСТ: ПАРТИИ В ДЕМОКРАТИЯХ И НЕДЕМОКРАТИЯХ

А.В. БЕЛИНСКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ В НАЧАЛЕ XXI В.: МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И МОДЕРНИЗАЦИЕЙ

Практически все исследователи новейшей истории Германии едины в том, что партиям в политической системе страны отводится едва ли не ключевая роль. Она закреплена в 21-м параграфе Основного закона, а также в специальном законе о политических партиях (24 июля 1967 г.). Тезис «Партии содействуют формированию политической воли народа» [Основной закон ФРГ, 1991] находит подтверждение не только в теории, но и на практике. Партии посредством голосования в Бундестаге выдвигают и утверждают кандидатуру канцлера, выносят вотум недоверия главе правительства, выбирают президента. Представители партий занимают ключевые посты на федеральном и земельном уровнях. Членство в партии является социальным лифтом, без которого практически невозможно (или крайне затруднительно) сделать политическую карьеру.

В этом свете вопрос, как меняются партии и их функции в современном обществе, выходит за рамки изучения собственно партийных систем. Расстановка политических сил в парламенте во многом определяет пути развития внутренней и внешней политики. Вместе с тем изучение трансформации функций политических партий ФРГ требует предельно ясно сформулированных критериев. В качестве таковых в научной литературе обычно указываются следующие: 1) формирование идеологии и политических про-

грамм; 2) участие в выборах; 3) работа с населением (включая рекрутирование новых членов); 4) управление государством; 5) представительство интересов различных социальных слоев и групп [Schmidt, 2009, р. 43]. Эти критерии и будут положены в основу анализа эволюции политических партий Германии с точки зрения выполняемых ими функций.

Конец идеологий?

Партии, созданные в западных зонах оккупации после Второй мировой войны, во многом были наследниками организаций, действовавших еще в Веймарской республике и даже в кайзеровской Германии (в случае с социал-демократами). Именно от них новые партии унаследовали программы, лозунги, а также застарелые межпартийные противоречия. Ситуация осложнялась и тем, что Западной Германии предстояло сделать нелегкий выбор по ряду ключевых моментов, определяющих будущее страны. Не удивительно поэтому, что руководство политических партий уделяло большое внимание идеологическим и программным вопросам – ведь именно идеология позволяет партиям, пусть и в упрощенной форме, обозначить собственные позиции, продемонстрировать свои отличия от других политических сил, наконец, привлечь избирателей.

В истории послевоенной Германии можно выделить несколько периодов, характеризовавшихся жестким идеологическим противостоянием:

1) 1949–1959 гг. – конфликт между христианскими демократами и СДПГ по вопросам воссоздания вооруженных сил (бундсвера), вступления ФРГ в НАТО и проведения экономических реформ;

2) 1968 г. – начало 1980-х годов – дискуссии о нацистском прошлом, демократичности собственного государства, отношении к внепарламентской оппозиции и леворадикальным группировкам;

3) 1989–1990 гг. – споры вокруг объединения Германии, полностью поддержанного правящей на тот момент христианско-либеральной коалицией во главе с канцлером Г. Колем и критически воспринятого социал-демократами и «зелеными», усмотревшими в нем источник реваншизма и потенциальную угрозу соседям.

Как видно из этих примеров, идеологический компонент играл значительную роль в деятельности политических партий ФРГ,

во многом определяя их действия как в периоды выборов, так и в повседневной жизни.

Однако с середины 1990-х годов традиционные политические идеологии начинают если не отмирать, то отходить на второй план. Почему же в стране, где еще несколько десятков лет назад разработка партийных программ была делом огромной важности, а политические дискуссии нередко заканчивались потасовками, партийные идеологии утратили былую роль?

Ответ на этот вопрос следует искать прежде всего в социальных, экономических и культурных изменениях, произошедших в Германии за последние 25 лет.

Во-первых, обращает на себя внимание то обстоятельство, что общество и партии достигли консенсуса по ряду вопросов, до этого являвшихся яблоком раздора. Практически никто больше не ставит под сомнение идею парламентской демократии, преступления нацистов признаны на официальном уровне, а объединение Германии стало свершившимся фактом. Более того, партии стали попросту заимствовать идеи своих оппонентов. Поэтому ни рядовых граждан, ни политических обозревателей не удивляет уже ни отправка солдат в Косово и Афганистан правительством, включающим представителей социалистов и «зеленых», ни призыв ряда деятелей Христианско-демократического союза налаживать тесные контакты с мусульманской общиной. По словам бывшего генерального секретаря ХДС Курта Биденкофа, «партии уже давно не ведут борьбу с идеологических позиций» [Интервью с К. Биденкофом, 2014]

Во-вторых, происходит размывание традиционной электоральной базы всех крупных партий. Автоматизация производства и его вывод в развивающиеся страны привели к значительному сокращению рабочего класса, а апелляция к христианским ценностям не находит большого отклика в предельно секуляризованном немецком обществе. Как отмечает В. Иерусалимский, «число номинальных (т.е. числящихся за той или иной церковью) прихожан сократилось за 1990–2002 гг. у лютеран с 30 до 26 млн, у католиков – с 28 до 26 млн. Примерно четверть западных и до двух третьих восточных немцев никогда, в том числе и в праздничные дни или по семейным торжествам, не заглядывают в храмы» [Иерусалимский, 2006, с. 96].

В этих условиях партии оказались перед нелегким выбором: либо формировать новую идеологию, адекватную современным реалиям, либо постепенно отказываться от идеологии как таковой. Первый вариант не может быть реализован, поскольку нынешнее немецкое общество слишком неоднородно для того, чтобы его смогла объединить какая-либо идеология. К тому же следует учитывать изменения в ментальности немецких граждан: «Нынешние, условно говоря, 40-летние – это немцы иных ценностных ориентиров по сравнению с теми, которые доминировали в 70-е годы. [...] Эти люди хорошо знают свою историю, но они совсем не так идеологизированы, как поколение их отцов» [Юдина, 2010, с. 110–111]. Ни христианский консерватизм, ни классическая социал-демократия, ни экосоциализм «зеленых» не находят отклика у большинства немцев. Влияние организаций крайне левого толка в обществе достаточно ограничено, а крайне правого – и вовсе ничтожно.

Таким образом, традиционная партийная функция разработки идеологий и программ постепенно утрачивает свое значение. На смену идеологиям приходят бренды, пиар-технологии (зачастую позаимствованные из шоу-бизнеса), а также использование имиджа лидера. Это хорошо видно на примере последних двух кампаний по выборам в Бундестаг. При отсутствии серьезных разногласий между кандидатами («Оба действовали как старая супружеская пара», – так прокомментировала газета «Bild» телевизионные дебаты между А. Меркель и представителем СДПГ Ф.В. Штайнмайером в 2009 г.) именно борьба за голоса избирателей посредством запоминающихся лозунгов и рекламных ходов становится лейтмотивом деятельности политических партий. Так, христианские демократы сделали ставку на личность А. Меркель, выдвинув лозунг «Кто хочет видеть Меркель на посту канцлера, должен выбирать ХДС». Аналогичной тактики придерживаются и другие политические партии. Фактически партии выступают в роли фирм, продающих сходный «товар» посредством агрессивного маркетинга и рекламы.

2. Show must go on – эволюция партийных избирательных стратегий

На протяжении долгих лет избирательные кампании в ФРГ строились по стандартным лекалам. На начальном этапе разрабатывалась избирательная программа партии, носившая, как правило,

острый полемический, идеологизированный характер. Затем на партийном съезде выдвигался кандидат на пост канцлера. Потом партии вели активную агитацию среди населения и проводили мобилизацию своего электората. Наконец, на завершающем этапе избирательной кампании проходили телевизионные дебаты между лидерами парламентских партий.

При этом возможности партийного влияния на массмедиа были достаточно ограничены. Ведущие немецкие телеканалы ARD и ZDF не являются ни государственными, ни частными. В наблюдательных советах телеканалов заседают представители партий, профсоюзов, общественных организаций, и это защищает их от превращения в пропагандистский рупор одной из партий, как это имеет место, например, в Италии [Сумленный, 2014, с. 114].

Печатные издания, напротив, всегда были политически более ангажированы, чем телевидение. Как справедливо отмечает О. Орехова, практически любое серьезное издание имеет определенные политические симпатии: «Что же касается Германии, то после Второй мировой войны ежедневная пресса Западной Германии заняла определенные позиции согласно политическому спектру. Одни газеты с момента основания олицетворяли буржуазно-консервативное направление (“Ди Вельт”, “Франкфуртер альгемайне цайтунг”), другие – леволиберальное (“Зюддойче цайтунг”, “Франкфуртер рундschau”), третьи – социалистическое (“Нойес Дойчланд”))» [Орехова, 2008, с. 61]. Статистические исследования свидетельствуют, что в 88–90% случаев кандидаты от ХДС / ХСС и СДПГ сумели установить контакт с газетами в своих избирательных округах [Kerplinger, 2007, p. 166].

Однако несмотря на свои политические симпатии, газеты и журналы всегда могли при случае подвергнуть жесткой критике поддерживаемые ими партии. Именно поэтому партиям приходилось делать ставку на собственные издания, плакаты, работу активистов и встречи с избирателями.

В Берлинской республике, пришедшей после объединения страны на смену Боннской, схема избирательной кампании в целом осталась прежней, однако ее содержание существенно изменилось. Как уже отмечалось выше, избирательные программы играют все меньшую роль в предвыборных кампаниях партий – гораздо больший интерес представляют методы ведения агитации и пропаганды. Изменению принципов избирательной кампании

способствовали три обстоятельства: 1) появление в канцлерство Г. Коля двух частных телеканалов – SAT. 1 и *RTL plus*; 2) перенесение на немецкую почву американского опыта; 3) появление Интернета, предоставившего партиям практически неограниченные возможности для агитации среди населения.

Эти веяния полностью изменили характер избирательной кампании в ФРГ и по-новому расставили акценты в их деятельности. На первый план выдвинулись личности политиков, профессионализация избирательных кампаний, развитость политических коммуникаций.

Персонализация политики. Если бренд устаревает, его нужно заменить на новый, т.е. провести ребрендинг. Это старое как мир правило маркетинга было в полной мере взято на вооружение германскими политиками. Аббревиатуры ХДС, СДПГ, СвДП уже не вызывают у избирателя особых эмоций, тем более когда речь идет о молодежи, не имеющей опыта участия в выборах. В силу этого личность политика, а точнее, его имидж может оказаться фактором, решающим исход выборов.

По мнению И.М. Бусыгиной, изначально зрелищность была присуща только левым политикам: «...Политическая карьера Лафонтена – вообще серия сплошных эскапад и зрелищ, его блестящая способность к экспромтам широко известна. В 1995 г., на съезде СДПГ, Лафонтен произнес блестящую речь, неожиданно для всех, без всякого предварительного согласования, выставил свою кандидатуру на пост председателя партии, получил большинство голосов делегатов – и занял этот пост. Ни до, ни после ничего подобного в истории германской социал-демократии не было» [Бусыгина, 2008, с. 1].

Однако постепенно политический PR вошел и в арсенал правого лагеря. В этом отношении весьма показательны примеры Г. Вестервелле (СвДП) и А. Меркель (ХДС), популярность которых обеспечила их партиям блестящие результаты на выборах соответственно 2009 и 2013 гг.

Политические коммуникации и выборы. Возникновение Интернета и его активное использование на президентских выборах в США дали толчок развитию политических коммуникаций также и в ФРГ. Дальше всех в применении интернет-технологий продвинулись социал-демократы, которые прибегли к ним еще на выборах в Бундестаг в 1998 г. Во время выборов в ландтаг земли Северный Рейн – Вестфалия (май 2005 г.) СДПГ впервые начала активно использовать интернет-блоги. С началом избирательной

гонки в сети появилось несколько платформ, которые, не будучи напрямую связанными с избирательным штабом партии, тем не менее сыграли существенную роль в мобилизации сторонников СДПГ. Особенно следует выделить сайт «Мы боремся»¹ (Wir kämpfen). Находившиеся в Берлине модераторы наладили обмен информацией со сторонниками. Пользователям предлагалось высказать на сайте свое мнение по ряду вопросов. Чем мы гордимся? За что мы боремся? Почему Меркель вредит Германии? [Melchert, Magerl, 2006, p. 81]. Лучшие ответы были использованы в предвыборных материалах (в частности, при создании плакатов СДПГ).

Помимо этого партии серьезно подходят к повседневной работе со своими членами и сторонниками. Так, сайт СДПГ предложил своим посетителям целый ряд форм для общения и обратной связи: блоги, тематические группы, рубрика «Миссии», где можно завербоваться для участия в различных текущих проектах. Помимо этого СДПГ предложила читателям ежедневно обновляемый политический журнал, который, однако, был вскоре закрыт из-за резких комментариев в адрес партийного руководства [Кислицына, 2011, с. 113].

Профессионализация избирательных кампаний. Развитие интернет-коммуникаций, усложнение методов избирательной кампании требуют слаженной работы профессионалов. Именно поэтому партии все чаще прибегают к помощи агентств, специализирующихся на политическом PR и рекламе. Так, в 2005 г. агентства Agentur Butter и Compact-Team достаточно успешно вели избирательную кампанию социал-демократов. В итоге СДПГ, шансы которой на старте выборов расценивались как крайне низкие, сумела добиться приемлемого для себя результата и войти в состав правительства, пусть и в роли младшего партнера христианских демократов.

3. Достучаться до сердец – как партии работают с населением

В Боннской республике (1949–1998) работа партий с гражданами сводилась в основном к мобилизации традиционного электората. Для ХДС / ХСС это были политически ангажированные католики и протестанты, для СвДП – предприниматели и люди

¹ Mode of access: <http://www.wirkaempfen.de> (Дата посещения: 02.12.2014.) В настоящее время домен заблокирован.

свободных профессий, для СДПГ – рабочие и служащие. Исключение составляли лишь «зеленые», которые с самого начала ориентировались на гражданские организации (экоактивисты, мигранты, студенты, представители меньшинств).

Однако, как уже было отмечено выше, традиционный электорат был уже не в состоянии обеспечить партиям победу на выборах. Общество стало более разнородным, и поднимаемые партиями темы сплошь и рядом не совпадают с интересами различных общественных групп. Об этом свидетельствует рост новых социальных движений, для которых характерны такие черты, как: 1) формирование не вокруг каких-либо идеологий или программ, а вокруг решения насущных проблем или защиты частных интересов; 2) критическое отношение к действующим партиям; 3) приверженность принципу прямой демократии.

В качестве примера можно привести выступления граждан против строительства вокзала Штутгарт 21, деятельность Партии пиратов и движения «Окупай» и т.п. Порой эти движения и инициативы добивались существенных успехов. Например, Партия пиратов сумела за короткое время провести своих представителей в ландтаги четырех земель – Берлина, Северного Рейна – Вестфалии, Шлезвиг – Гольштейна, Саарланда. Главная опасность для партий заключается в том, что эти движения вовлекают в свою деятельность политически активных и образованных граждан, способных занять руководящие посты в партийной организации или государстве.

Не удивительно, что многие политики начинают всерьез задумываться о работе с гражданским обществом. Особенно острой эта проблема стоит перед так называемыми «народными партиями» – ХДС / ХСС и СДПГ, стремящимися охватить как можно большее число организаций и объединений. Царящие в политическом истеблишменте настроения отчетливо выразил генеральный секретарь ХДС Петер Таубер: «Почему... на последних выборах в бундестаг ХДС выиграл во всех избирательных группах за исключением безработных – и не может стать для них подлинной политической родиной? Почему в партии так мало женщин, переселенцев, молодежи?» [Pragmatischer Fundamentalist, 2014].

Именно этим объясняются попытки партий наладить тесный контакт с религиозными организациями. Так, в 2006 г. ХДС неожиданно для многих обратился к проблеме интеграции исламской общины в немецкое общество. При этом инициатором данного форума

явился не кто иной, как министр внутренних дел Вольфганг Шойбле, который еще в начале 1990-х выступал за ужесточение миграционного законодательства. И хотя мигрантов из Турции и других стран Ближнего Востока вряд ли можно отнести к «ядерному» электорату партии, первые шаги к налаживанию контактов с мусульманской общиной сделаны.

В том же направлении работают и социал-демократы, для которых главной задачей является привлечение мелкого и среднего бизнеса, а также менеджеров и высококвалифицированных специалистов. Еще во время избирательной кампании в Бундестаг в 1998 г. кандидат на пост канцлера Г. Шредер предложил на пост министра экономики Й. Штольмана – успешного предпринимателя в сфере информационных технологий. И хотя кандидатура Штольмана была торпедирована партийным руководством, Г. Шредер продолжил курс на сближение с бизнесом посредством создания внутри партии специальных рабочих групп и проведения форумов с участием предпринимателей. После его ухода с поста канцлера (2005) партия увязла в бесплодных дебатах между традиционалистами и модернизаторами, что помешало дальнейшему развитию контактов СДПГ и бизнес-сообщества. Впрочем, не так давно заместитель председателя фракции СДПГ в Бундестаге Т. Опперманн заявил о стремлении сдвинуть партию в центр и добиться поддержки со стороны малого и среднего бизнеса [Der Stern, 2014, p. 1]

Гораздо больших успехов СДПГ добилась в работе с мигрантами и их потомками: «Эта группа попала в поле зрения партии. На 7 июня социал-демократы запланировали создание рабочей группы “Миграция и многообразие”» [Die SPD will eine Partei der Migranten werden, 2014]. Руководительница рабочей группы Айдан Озююз заявила в интервью газете «Die Welt»: «Мы должны вести агитацию. СДПГ должна стать партией мигрантов». Вместе с тем следует признать, что пока партии еще далеки от налаживания тесных контактов с такого рода общественными организациями.

4. Общество, государство и партии: Новый формат взаимоотношений

За последние годы характер взаимоотношений в треугольнике «государство – партии – общество» кардинальным образом из-

менился. Если на заре существования ФРГ партии выступали в роли рупора определенного класса или слоя, то уже через 10–20 лет они постепенно эволюционировали в «народные партии», опирающиеся на поддержку широкого спектра социальных групп.

В условиях размывания электоральной базы практически всех партий, отсутствия серьезных идеологических различий между политическими игроками, недоверия избирателей к партиям функция последних как выразителей интереса определенных социальных слоев постепенно утрачивает свое значение. На ее место приходит функция посредничества между обществом и государством: в обмен на электоральную поддержку партии выполняют требования избирателей.

Такая система краткосрочных контрактов между политиками и гражданами, совпадающая обычно с периодом легислатуры, находит свое отражение в лабильности, неустойчивости электората. В 2009 г. либеральная Свободная демократическая партия (СвДП) построила свою кампанию вокруг проблемы облегчения налогового бремени для предпринимателей, что принесло ей на выборах около 14% голосов. Однако в последующие четыре года руководство партии не сделало ничего, чтобы выполнить данные обещания, и это стоило либералам утраты представительства в Бундестаге.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы.

1. За последние 20 лет немецкие партии претерпели радикальные изменения. Являясь формальными наследниками христианской или социальной демократии образца 1960–1970-х годов, современные политические организации, помимо собственно названия, имеют с ними мало общего.

2. Эти изменения носят не конъюнктурный, а системный характер. Именно поэтому следует ожидать, что описанная в статье модель партии сохранится и в среднесрочной перспективе.

3. Современные партии в ФРГ характеризуются следующими признаками: 1) деидеологизированность; 2) активная работа с гражданским обществом при сохранении связей с традиционным электоратом; 3) «американизация» избирательных технологий, ставка на PR и имидж лидера; 4) переход от представительской функции к посреднической. Таким образом, современные политические партии в ФРГ все больше начинают напоминать описанные рядом политологов картели.

В какой степени данные выводы могут быть экстраполированы на ситуацию в других европейских странах? На наш взгляд, описанная модель партии релевантна для стран с высоким уровнем благосостояния и устоявшимися демократическими традициями. Это относится к Великобритании, странам Скандинавии и Бенилюкса. Там же, где до недавнего времени правили авторитарные или тоталитарные режимы или где общество расколото по ряду жизненно важных вопросов, идеологические вопросы еще сохраняют свое прежнее значение. К этой группе можно отнести Венгрию, Грецию, Португалию, отчасти Францию и Италию. В них большое влияние имеют партии, созданные на идеологической основе. Как показывает опыт, это либо правопопулистские («Национальный фронт» во Франции, Йоббик в Венгрии), либо леворадикальные (СИРИЗА в Греции) партии и организации.

Список литературы

- Бусыгина И.М.* Насколько зрелищна политика в Германии? – 2008. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/6/bu15.html> (Дата посещения: 11.10.2014.)
- Иерусалимский В.П.* Церкви Германии перед вызовом секуляризации // Современная Европа. – М., 2006. – № 4. – С. 94–109.
- Белинский А.В.* Интервью с К. Биденкоффом. – 21.03.2014. – Личный архив автора.
- Кислицына И.* Партии в Интернете. Коммуникативный анализ сайтов политических партий России, США, Германии. – Ростов-на-Дону: ЗАО «Росиздат», 2011. – 177 с.
- Орехова О.Е.* Печатные СМИ Германии в условиях социально расколотого общества. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 161 с.
- Основной закон Федеративной Республики Германии, 23 мая 1949. – 1991. – Режим доступа: http://www.1000dokumente.de/index.html/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru (Дата посещения: 07.10.2014.)
- Сумленный С.* Немецкий формат. Как журналисты создали ФРГ. – М.: Издательский дом «Дело»; РАНХиГС, 2014. – 256 с.
- Юдина Т.* Германия: новая политэстетика. – М.: РОССПЭН, 2010. – 175 с.
- Die SPD muss moderner werden // Der Stern. – 2014. – 24.09. – Mode of access: <http://www.stern.de/politik/deutschland/thomas-oppermann-im-stern-die-spd-muss-moderner-werden-2140305.html> (Дата посещения: 07.10.2014.)
- Die SPD will eine Partei der Migranten werden // Die Welt. – 2014 – 29.05. – Mode of access: <http://www.welt.de/politik/deutschland/article116601596/SPD-will-die-Partei-der-Migranten-werden.html> (Дата посещения: 09.10.2014.)

Kepplinger H.M. Kommunikationsbarrieren – Die Wege zu den Zeitungslesern bei Bundestagswahlen // Wahlkämpfe in Deutschland / Nikolaus Jacob (Hrsg.) – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. – 332 S.

Pragmatischer Fundamentalist // TAZ.de. – 6.09.2014. – Mode of access: <http://www.taz.de/!145461/> (Дата посещения: 08.10.2014.)

Schmidt M.G. Das politische System Deutschlands. – München: Institutionen, Willensbildung und Politikfelder, 2011. – 560 S.

In der Mitte der Kampagne: Grassroots und Mobilisierung im Bundestagswahlkampf 2005 / Voigt M., Melchert F., Magerl F. (Hrsg.). – Berlin; München: poli-c-books, 2006. – 252 S.

Р. САКВА

**ПАРТИЯ И ВЛАСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВОМ
И МОБИЛИЗАЦИЕЙ¹**

Sakwa R.

**Party and power: between representation and mobilisation
in contemporary Russia // East European politics. – L., 2012. –
Vol. 28, Issue 3. – P. 310–327.**

Существует два основных подхода к объяснению особенностей развития партий в России. Первый концентрируется на социальных и культурных факторах, растущих «снизу»: слабость гражданского общества, размытая классовая идентичность, укорененная в культуре неприязнь к членству в партиях, слабая гражданская субъектность. Второй подход выдвигает на первый план проблемы институционального дизайна, произрастающие «сверху»: прежде всего это «суперпрезидентский» характер политической системы, в которой президент «подминает» под себя правительство, парламент и судебную власть и подчиняет себе всю общественно-политическую жизнь [Макаренко, 2007].

Оба эти подхода являются экзогенными, но существует также и эндогенный подход, акцентирующий внимание на поведении самих партий. Один из лучших примеров такого подхода – работа Ригтса и Шрёдера, по словам которых внезапный распад СССР прервал процесс эволюционного становления стабильной партийной системы, оборвав ее связи с обществом. В результате партий-

¹ Текст печатается с согласия автора.

ная система была создана элитами сверху, и данная ее модель была закреплена последующими выборами [Riggs, Schraeder, 2004]. [...] В более поздних исследованиях, посвященных электоральному циклу 2003–2004 гг., авторы пришли к заключению, что элитистская политическая система только ускорила «мексиканизацию» российской политики и установление системы с одной доминирующей партией [Riggs, Schraeder, 2005].

Любое исследование партийных систем должно сочетать изучение как эндогенных, так и экзогенных факторов, однако в 2000-х годах, когда режим придерживался активного «менеджерского» подхода к развитию партий, решающую роль в России играли экзогенные факторы. Партии оказались неспособны играть системообразующую роль и остались подчиненным элементом системы доминирующей власти. [...]

Партии и дуалистическое государство

Партии в России выполняют лишь некоторые из функций, выполняемых партиями в демократических обществах [Katz, 2006]. Их политический вес ограничен, они неспособны заложить основы для институционализации политической конкуренции или интеграции региональной и федеральной политики [Stoner-Weiss, 2006, p. 111–146]. Они не формируют правительство, не назначают чиновников (хотя при президенте Медведеве были сделаны определенные шаги в этом направлении) и не формулируют политику; они не создают систему в более широком смысле слова, т.е. не гарантируют основы политического порядка. Иными словами, в России есть партии, но нет *партийной системы*. [...] Система доминирующей *власти*, осуществляемой в российском контексте сильным государственно-бюрократическим политическим режимом, превагирует над доминантной *партийной* системой. Хотя партии являются главными участниками парламентских выборов, они в лучшем случае выполняют вспомогательные функции в рамках существующего режима.

Это относится в том числе и к «Единой России» (ЕР), роль которой как доминирующей партии весьма ограничена [Roberts, 2012]. Она была доминирующей только в отношении других партий и только в стенах парламента, но не могла контролировать ре-

жим. Наоборот, режим во всех отношениях контролировал партию, навязывая ей среди прочего слабых руководителей. [...] В то же время в рамках партии действовали различные «клубы», игравшие роль бомб замедленного действия, готовых взорваться, как только партия начнет представлять угрозу режиму. Что касается других партий, то монополия режима на политические ресурсы [...] в такой степени маргинализовала их, что называться «оппозиционными» они могли лишь условно [Gel'man, 2005; Mikhailovskii, 2005; White 2011]. [...]

По мнению Генри Хейла, выступившего с концепцией «заменителей партий», в силу того, что российские политические партии оказались неспособны заполнить электоральный рынок, их функции взяли на себя различные непартийные институты (фракции, клики, другие неформальные объединения и корпоративные группы), предложившие альтернативные пути достижения властных высот. Партии, по его мнению, могут опираться на два типа капитала: идейный, апеллирующий к ценностям и идентичностям; и административный, привлекающий амбициозных политиков обещанием государственных должностей и власти. Российские партии не в силах монополизировать эти источники политического капитала. [...] Хотя партии выполняют важные функции, включая структурирование электоральной конкуренции, они оказались неспособны играть доминирующую роль в политической системе [Hale, 2006]. [...]

Этот и другие походы предлагают плодотворное объяснение причин маргинализации партий в российской политической системе. Однако вся сложность социальных и политических отношений часто сводится к упрощенной модели доминирующего режима. На мой же взгляд, [в России] возникло дуалистическое государство, в котором нормативной / законной системе, основанной на конституционном праве, был брошен вызов со стороны системы неформальных теневых договоренностей, именуемой мной «административным режимом» и образуемой различными конфликтующими группами ([Sakwa, 2011] – именно эта работа легла в основу данной статьи). Конфликт между конституционным государством и административным режимом – определяющая характеристика современной российской политики [Sakwa, 2010]. Следы этого конфликта можно найти в любом обществе, но в России дуалистичность приобрела системные формы. Как показала борьба вокруг выдвижения преемника в 1999–2000 и 2007–2008 гг., ни один из

двух порядков не может одержать победу над другим. Борьба между конституционным государством и административным режимом – это решающий процесс, в котором происходит формирование [российской] политики. Пока имеет место четкое различие этих двух идентичностей, политическая эволюция России будет оставаться пьесой с незаконченным финалом: будут сохраняться возможности и для будущей демократизации, и для поворота в сторону откровенного авторитаризма. Такая патовая ситуация не столько отражает равновесие сил, сколько блокирует дальнейшее развитие [системы], представляя своего рода тупик. Она поощряет коррупцию, бюрократический произвол и политическую деградацию, но вместе с тем и порождает ответную реакцию – в защиту плюрализма и политической открытости как признаков развитого конституционного государства. Таким образом, напряженность между этими двумя составляющими – динамичная матрица, с помощью которой можно понять особенности российского политического ландшафта.

Модель дуалистического государства предполагает, что, несмотря на всю свою несостоятельность, «Единая Россия» никогда не была просто клиентелистской организацией. Оставаясь подчиненным элементом административного режима в плане распределения ресурсов, в сфере конституционного государства, она действовала как главный игрок электорального рынка, соперничая на нем с предполагаемой второй «партией власти», «Справедливой Россией» (СР), а также с коммунистической и либеральной оппозицией. Таким образом ЕР выполняла как мобилизационную, так и представительскую функции. Электоральная сфера была жестко ограничена административным вмешательством и доминированием ЕР, но в своей основе сохраняла конкурентность. Причиной этого была непоследовательность административного режима, не желавшего делать последний шаг на пути к установлению полностью авторитарной системы – из страха, что чрезмерное увлечение административным ресурсом подорвет легитимность режима (нечто похожее наблюдалось во время региональных выборов 11 октября 2009 г. и явилось причиной кризиса режима после парламентских выборов 2011 г.).

По иронии судьбы, в случае полной победы правового порядка и увядания административного режима доминирование ЕР, возможно, стало бы абсолютным, учитывая совокупность аккумуля-

лированного ею политического и административного капитала. Иными словами, ничем не ограничиваемая либерализация политической системы могла бы усилить власть доминирующей партии в силу ее значительного превосходства в области идейного и административного капитала. [...]

Сохраняется также напряженность в отношениях между представительской и мобилизационной функциями режима. Это фундаментальная черта дуалистического государства, в котором режим действует как охранительная сила, стоящая над партийными схватками и не желающая, а возможно, и не способная полностью свернуть конкуренцию и перейти к откровенно мобилизационной модели управления. Дуализмом характеризовалась и партийная система: существовали группы, зависящие от режима (прежде всего ЕР), на одном фланге, и независимые партии, такие как «Яблоко» и Коммунистическая партия (а до того также «Союз правых сил», СПС), – на другом. От государства зависит вся партийная система России: внешние ограничения и административное вмешательство настолько высоки, что образ действия и стиль поведения партий определяются государством. Именно по этой причине В. Гельман (2005) называл «полуоппозиционными партиями» даже номинально независимые группы – из-за тех отношений, в которые каждая из них вступает с режимом. При таком уровне требовательности, правда, полностью оппозиционными в мире могут считаться лишь очень немногие партии. [...]

Типология партий

Спустя почти два десятилетия после падения коммунизма все еще не до конца ясно, каким образом политические стандарты Запада могут быть перенесены на российскую почву. [...]

Учитывая дуалистичность российского государства, идеологические критерии должны подкрепляться административными, т.е. указывать на отношения партий с режимом. В соответствии с этим можно выделить четыре типа партий. Первый тип – *программные* партии, т.е. партии с четкой платформой, принятой с учетом (в той или иной степени) норм внутрипартийной демократии, самостоятельно рекламируемой руководством и систематически предъявляемой общественности. Лучшие примеры здесь – КПРФ и

«Яблоко», маргинализация которых свидетельствует об упадке данного вида партий.

Второй тип – *проектные* партии, создаваемые обычно незадолго до выборов в рамках скрытых стратегий соперничающих элитных групп. Классический пример – это левопатриотическая «Родина» (2003), организованная с целью перетягивания голосов у коммунистов. Когда «Родина» вышла за рамки предназначенной ей квоты и получила в Думе больше мест, нежели ожидалось, выйдя одновременно из-под контроля [Кремля], режим срежиссировал в партии раскол и разрушил ее. Как проектная партия начинала и ЛДПР, однако, несмотря на сотрудничество с режимом, она сумела добиться собственной программной автономии. На ее примере можно убедиться в способности партий приобретать гибридные характеристики.

Третий тип – группировки, формируемые властью для представления интересов самой системы. Их можно назвать *режимными* партиями, поскольку они создаются правящей группой для усиления собственной власти и манипулирования с политическим пространством. В некоторых случаях они выполняют функции так называемых «партий власти». Первым и недостаточно проработанным прототипом партии такого типа стал «Наш дом – Россия» (1995). Более успешными были «Единство» (1999) и его преемница «Единая Россия». В 2006 г. к ЕР присоединилась другая режимная проектная партия – «Справедливая Россия» (включившая остатки партии «Родина»), возглавляемая главой Совета Федерации Сергеем Мироновым. Однако свойственная СР тенденция к автономии и критике в адрес власти показывает, что при установившемся в России политическом порядке может существовать только одна режимная партия. Поскольку административная ниша уже была занята ЕР, СР играла, скорее, в защиту конституционного государства.

Четвертый тип – партии-*спойлеры*, сами по себе практически не имеющие шансов на успех, но призванные вносить путаницу в политическое пространство и оттягивать голоса от оппозиционных группировок [Wilson, 2005].

Доминирование проектных и режимных партий сдерживало развитие конкурентной и структурированной многопартийной системы и подрывало программные партии. Эта слабость усугублялась спецификой электоральной политики, в рамках которой партии не играли никакой роли на президентских выборах. [...]

Административный режим меняет партийную систему

Одним из приоритетов Путина после прихода к власти в 2000 г. была реструктуризация партийной системы. Целью реформы было сократить число партий и добиться, чтобы оставшиеся активно участвовали в федеральных и региональных выборах. [...] Путин полностью достиг своей цели и консолидировал партийную систему как единое целое. Только 15 партий – против 35 партий в 2003 г. – имели право участвовать в парламентских выборах в декабре 2007 г., на которых действовал 7%-ный барьер. [...]

Партий стало меньше, оставшиеся были сильнее в электоральном плане, но уровень их независимости снизился. Усиление партий не означало усиления демократии или даже усиления партийной системы. Вместо того чтобы агрегировать и артикулировать общественные интересы, а также быть выразителем протестных настроений, режимные партии занимались прямо противоположным – мобилизацией голосов в поддержку элит. Их престиж, и ранее невысокий, оставался на низком уровне из-за недостатка общественной поддержки. В 2006 г. только 24% населения считали, что политические партии играют в России важную роль. [...] В 2009 г. рейтинг доверия к политическим партиям составил всего лишь 11% [Gorshkov et al., 2009, p. 59]. Неудивительно, что избиратели ориентировались на наиболее работающую часть политической системы, т.е. на президента, не питая особого уважения к другим, более «декоративным», институтам. [...] Многопартийная «система», безусловно, была в глубоком кризисе, поскольку путинские реформы привели к снижению уровня конкуренции и монополизации партийного политического представительства «Единой России». Как было отмечено раньше, неясно, существовала ли в России вообще когда-нибудь партийная *система* – т.е. такая, в которой партии могли играть решающую роль при принятии политических решений. [...]

Административный режим постоянно выражал обеспокоенность по поводу возможного возникновения независимого националистического движения, способного угрожать его автономии и даже существованию. Именно непредсказуемость и национализм стали причиной целенаправленного разрушения «Родины», остатки которой были впоследствии поглощены новым кремлевским проектом – «Справедливой Россией», призванной представлять

левый центр политического спектра. Перед СР, как и перед «Родиной» в 2003 г., стояла цель переманить часть членского состава и избирателей у коммунистов и Жириновского. Так что новая организация была преимущественно проектной партией. Однако на нее были возложены и спойлерские функции – она должна была занять левоцентристскую нишу, не позволив появиться там независимой партии [Sestanovich, 2007, p. 123]. У лояльных Кремлю избирателей появился более богатый выбор, но, как побочный эффект, произошло размывание монополии ЕР. Создание СР в качестве запасной «партии власти» увеличило степень бюрократического плюрализма, который в дальнейшем мог вылиться в настоящую конкуренцию. Создание СР отражало разногласия между различными «башнями» Кремля, а также стремление последнего расширить свою электоральную базу, не делясь ни с кем властью. На парламентских выборах 2007 г. режим отказался от поддержки СР из опасения, что наличие двух режимных партий расколется чиновничий аппарат на два лагеря.

«Справедливая Россия» могла стать хорошим примером «полугосударственной» партии, эффективно используемой режимом для того, чтобы направить оппозицию в безопасное для себя русло [March, 2009, p. 508]. Но как уже отмечалось раньше, данная стратегия была опасна тем, что создавала потенциальную угрозу для самого административного режима, породившего эту партию. СР должна была ограничивать электоральную конкуренцию, а в итоге проторила новые пути для ее развития.

Политика доминирующей силы против политики доминирующей партии

По мнению А. Грызмала-Буссе (2008), в посткоммунистическом мире партии, в отличие от своих увядающих западноевропейских аналогов, выполняют жизненно важные государствообразующие функции. Они борются не столько за власть, сколько за создание условий для функционирования демократических институтов, включая выработку электоральных правил и установление основ рыночной демократии. Тем самым они играют скорее *подготовительную*, нежели представительскую роль. Однако, в отличие от тех стран, о которых говорит Грызмала-Буссе, партии в

России были неспособны управлять государством. Напротив, они сами зависели от государственной поддержки, в противном же случае оказывались на обочине. Партии в России – это в значительной степени подчиненные подсистемы, и хотя кое-кому членство в ЕР помогало сделать карьеру, отнюдь не эта дорога была магистральной на пути к власти и богатству. [...]

Чем ЕР и ее предшественники никогда не занимались, так это формированием правительства. [...] Лидеры ЕР разделяли свойственные режиму взгляды, согласно которым правительство должно быть скорее «профессиональным», нежели партийным. «Непартийность» российского правительства стала глубоко укоренившейся традицией: в апреле 2008 г. членами ЕР были только три министра из 22. [...] Однако в отличие от Ельцина Путин ассоциировал себя с партией, контролирующей под его руководством органы представительной власти. Возрастало доминирование ЕР в региональных собраниях – как результат принятого в 2003 г. закона, согласно которому не менее половины депутатов там должны были избираться по партийным спискам [Kunev, 2009]. Такое положение вещей было усугублено в декабре 2004 г. отменой губернаторских выборов и переходом к назначению глав регионов президентом. В декабре 2005 г. доминирующая партия получила право выдвигать кандидатов в губернаторы, а в 2009 г. было введено правило, согласно которому именно она предлагала президенту три кандидатуры. К этому времени подавляющее большинство губернаторов (80 из 83 в 2010 г.) вступили в ЕР, а партия контролировала большинство мест в 81 из 83 региональных парламентов (исключение составили Санкт-Петербург и Свердловская область). В начале 2012 г. ЕР объявила, что в ее рядах состоит почти 2,5 млн членов, в том числе много молодежи, доля которой постоянно растет. Социальной основой партии тем не менее оставались чиновники – почти две трети ее членов были государственными служащими. Ключевые ценности партии были ценностями этого класса, сочетая антикоммунизм с либеральным консерватизмом и апологией капитализма.

В период президентства Д. Медведева многие комментаторы отмечали, что возрастание роли ЕР естественным путем усилит роль «политического фактора» и уменьшит влияние неполитических и лоббистских группировок [Pavlovsky, 2010, p. 3; Remizov, 2010, p. 4]. Усиление ЕР позволило бы ограничить административ-

ный произвол и сделать политический процесс более прозрачным. Однако без фундаментальных перемен в культуре принятия решений это в лучшем случае только временно задвинуло бы проблему на второй план. Возникновение монопольно правящей партии привело бы не к политизации соперничества различных групп интересов, а скорее к бюрократическому соглашению основных корпоративных игроков – чиновничества, крупного бизнеса и военных. Трансформация ЕР в «правящую партию» превратила бы тандем в триаду, и поэтому режим заблокировал эту возможность. Россия не последовала по пути той же Мексики, где кандидатура президента, прежде чем быть выдвинутой на всеобщее голосование, предварительно утверждалась Институционно-революционной партией (ИРП), или Японии, где премьер-министра традиционно выбирает Либерально-демократическая партия (ЛДП). [...]

Функционируя в качестве инструмента режима, партия не смогла развиваться в независимый институт общественно-политического представительства и вернулась к классической советской мобилизационной модели. Пользуясь терминологией Хейла, многие «заменители партий», в первую очередь лоббистские и бюрократические группировки, продолжили свою закулисную деятельность в качестве несистемных форм представительства, отдавая предпочтение не открытой политике, а теневым сделкам в рамках административного режима. [...]

На протяжении большей части второго срока Путина шли дебаты по поводу того, планировал ли административный режим институционализироваться в форме доминантной партийной системы. [...] Эта означало бы переход от дуалистического государства к откровенному авторитаризму. Хотя электоральные успехи ЕР росли, она, в отличие от ИРП, не была механизмом передачи лидерства или инструментом разрешения конфликтов между фракциями (как ЛДП в Японии). Партия оставалась придатком административного режима, который черпал свои силы, с одной стороны, из легитимных полномочий авторитарного президентализма, а с другой – из собственной способности пользоваться доступом к государственным ресурсам. Находясь в подчиненном административному режиму положении, ЕР стремилась к гегемонии в той части политической сферы, которая регулировалась нормами конституционного государства. [...]

Заключение

Институционализирував свой политический престиж путем создания мощной объединенной партии (ЕР), Путин получил по итогам выборов 2003 г. стабильное большинство в парламенте. В 2007–2008 гг. набор функций расширился, и ЕР была использована как инструмент передачи исполнительной власти. Тем самым ЕР приобрела некоторые функции правящей партии, несколько расширив свою роль в распределении ресурсов и в области идеологической пропаганды, а также в качестве источника легитимности нового государственного курса. ЕР стала привилегированной частью системы управления, оставаясь вместе с тем ее подчиненным элементом. Существовали, однако, значительные сомнения по поводу того, как долго ЕР сможет сохранить положение доминирующей партии. Она не была независимым игроком, а представительная власть по-прежнему оставалась подчиненной подсистемой. Административный режим сохранял контроль над ЕР и не давал ей развиваться в настоящую доминирующую партию. Да и возможности доминирующей партии контролировать административный режим оставались ограниченными. В России исполнительная власть не нуждается в поддержке независимых партий; не усвоили российские партии и традиций корпоратизма (в отличие от Мексики и Японии). Внутрипартийные же фракции не представляли определенных групп электората, а отражали различные нюансы центральной идеологии.

Российская партийная система – яркий пример «государствозависимого» пути развития партий. В августе 2009 г. Кремль провозгласил, что «начинаются новые демократические времена», появились дискуссии о необходимости лишить ЕР ее почти что монопольного статуса [Sweeney, 2009]. Однако в итоге доминирование ЕР только укрепилось, а управление политическим процессом административными методами продолжилось дальше. Тем не менее само обсуждение проблемы демонстрировало признание того, что усиление административного вмешательства в политику угрожает не только легитимности, но и жизнеспособности дуалистического государства. Разрыв между обещанием Медведева расширить границы политического плюрализма и усилением административного контроля над политической системой увеличивался. Либеральные заявления не были подкреплены соответствующими по-

литическими или кадровыми переменами. Вопрос не столько в том, имел ли Медведев желание и способность обновить политические и экономические институты, а в том, сохранила ли сама система способность к обновлению. Дефектные выборы декабря 2011 г. поставили под сомнение эффективность управления политическими и электоральными процессам силовыми методами. Провозглашенные политические реформы предполагали упрощение регистрации политических партий и расширение электоральной конкуренции. Тем самым были продемонстрированы эволюционный потенциал конституционного государства и его способность «сверху» адаптироваться к новым реалиям, но для успеха ему требовалась общественная мобилизация «снизу».

Список литературы

- Макаренко Б. «Нанопартийная» система // Pro et Contra. – М., 2007. – Том 11, № 4–5. – С. 43–57.
- Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М.: Альфа-М, 2008. – 160 с.
- Россия Путина: Руины и ростки оппозиции / Под науч. ред. Г. Белонучкина; Сост. Е. Михайловская. – М.: Панорама, 2005. – 380 с.
- Gel'man V. Political opposition in Russia: a dying species? // Post-Soviet affairs. – Washington, DC, 2005. – N 21 (3), – P. 226–246.
- Gryzmala-Busse A. Rebuilding Leviathan: party competition and state exploitation in post-communist democracies. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2008. – 296 p.
- Hale H.E. Why not parties in Russia? Democracy, federalism and the state. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 288 p.
- Katz R.S. Party in democratic theory // Handbook of party politics. – L.: SAGE publications, 2006. – P. 34–46.
- March L. Managing opposition in a hybrid regime: Just Russia and parastatal opposition // Slavic review. – Illinois, 2009. – N 68 (3). – P. 504–527.
- Pavlovsky G. The protective pluralism of the ruling power // Russian journal. – М., 2010. – N 1 (43). – P. 2–3.
- Remizov M. United Russia – the party of the smart majority // Russian journal, – М., 2010. – N 1 (43). – P. 4.
- Riggs J.W., Schraeder P.J. Russia's political party system as a (continued) impediment to democratization: the 2003 Duma and 2004 presidential elections in perspective // Demokratizatsiya. – Washington, DC, 2005. – Vol. 12, N 2. – P. 141–151.
- Riggs J.W., Schraeder P.J. Russia's political party system as an impediment to democratization // Demokratizatsiya. – Washington, DC, 2013. – Vol. 12, N 2. – P. 265–293.
- Roberts S.P. Putin's United Russia party. – London: Routledge, 2012. – 226 p.

- Sakwa R.* The crisis of Russian democracy: the dual state, factionalism and the Medvedev succession. – N.Y.: Cambridge univ. press., 2011. – 418 p.
- Sakwa R.* The dual state in Russia // *Post-Soviet affairs*. – Washington, DC, 2010. – N 26 (3). – P. 185–206.
- Sestanovich S.* Putin's invented opposition // *Journal of Democracy*. – Baltimore, 2007. – N 18 (2). – P. 122–124.
- Stoner-Weiss K.* Resisting the state: reform and retrenchment in Post-Soviet Russia. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 182 p.
- Sweeney C.* Polls show Russians back crisis plan: Putin's Party // *Reuters*. – 2009. – 12 October.
- White D.* Victims of a managed democracy? Explaining the electoral decline of the yabloko party // *Demokratizatsiya*. – Washington, DC, 2007. – Vol. 15, N 2. – P. 209–229.
- Wilson A.* Virtual politics: faking democracy in the post-Soviet world. – New Haven, CT: Yale univ. press, 2005. – 332 p.

Сокращенный перевод Пиковской К., Коргунюка Ю.Г.

ЧОН ЁН ЦОЙ
ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
ЮЖНОЙ КОРЕИ И ИХ УЧАСТИЕ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ¹

Введение

Начавшаяся в 1987 г. демократизация дала толчок интенсивному развитию южнокорейского общества. В экономической сфере процветанию страны способствовало развитие бизнеса – в лице, прежде всего, таких крупных фирм, как «Samsung» и «Hyundai». В мире все большую популярность завоевывает корейская культура, экспансия которой получила название «корейская волна». Гражданское общество достигло уровня развитых демократий: в стране сформировались многочисленные каналы выражения социальных интересов и механизмы политического участия, включая НГО.

Тем не менее, по мнению многих экспертов, политическая сфера Южной Кореи переживает упадок и тормозит движение страны к полноценной демократии. Причину этого аналитики видят в несовершенстве политических партий, эффективность которых и уровень доверия к которым со стороны общества крайне невысоки.

Статья посвящена двум главным вопросам. Первый затрагивает отличительные особенности политических партий страны. Отвечая на него, мы сделаем общий обзор состояния корейских политических

¹ Статья представляет собой доклад автора на международном «круглом столе» «Политические партии и выборы: мировая практика и опыт Узбекистана», проходившем 25 сентября 2014 г. в г. Ташкенте. Публикуется с разрешения автора.

партий и партийной системы Южной Кореи. Второй вопрос касается участия политических партий в управлении государством и отношении к ним граждан как к посредникам между властью и обществом. В заключение мы подведем итоги опыта партстроительства в Южной Корее.

Специфика политических партий Южной Кореи

Региональный и идеологический электоральные расколы

По мнению многих аналитиков [Choi, 1995; Lee, 1999; Park, 1993; Yang, 2001], после президентских выборов 1987 г. определяющим водоразделом политической сферы Южной Кореи стал регионализм: четыре основных кандидата (Ро Дэ У, Ким Ён Сам, Ким Дэ Чжун, Ким Джон Пхиль) были родом из разных регионов, причем активно пользовались их поддержкой в предвыборной борьбе. С тех пор партийная система Южной Кореи испытывает сильное влияние регионализма, а принадлежность к той или иной территории выступает определяющим фактором электоральной политики.

Особенно заметны электоральные различия между двумя регионами: Юго-Восточным Йоннамом и Юго-Западным Хонамом. Йоннам – родина бывших президентов Чон Ду Хвана, Ро Дэ У и Ким Ён Сама, а Хонам – диссидента Ким Дэ Чжун. Вполне закономерно, что это нашло свое отражение в электоральных предпочтениях: жители Йоннама традиционно поддерживали правящую партию «Сэнури» и ее предшественниц, а избиратели Хонама – партию «Демократическая коалиция за новую политику» (New politics alliance for democracy party – NPAD).

Однако постепенно фактор региональной принадлежности в южнокорейской политике ослаб. С 2000-х годов актуализируется еще одно электоральное размежевание – идеологическое: консервативный электорат голосует в основном за «Сэнури», либеральный – за NPAD. Тем не менее, учитывая, что процесс идеологической идентификации обеих партий еще не завершен, идеология пока не стала ключевым фактором электоральной конкуренции.

Таким образом, начиная с 1987 г. на партийную систему Южной Кореи воздействуют два основных размежевания – региональное и идеологическое. Учитывая, что региональная составляющая в

межпартийной конкуренции постепенно сокращается, а идеологическая, напротив, усиливается, можно предположить, что в настоящее время корейская партийная система постепенно трансформируется из мультипартийной в двухпартийную.

Избирательная система Южной Кореи

Еще одна тенденция в развитии партийной системы Южной Кореи связана с изменением избирательного законодательства. Если правила, регулирующие президентские выборы, не менялись с начала демократизации (мажоритарное голосование в один тур), то в отношении парламентских выборов они трансформировались существенно. Реформа 2004 г. привела к появлению смешанной системы — кандидаты в Национальную ассамблею выдвигаются как по партийным спискам, так и по одномандатным округам. Пропорциональная система позволила повысить репрезентативность партийного представительства в Ассамблее.

Внутрипартийная дисциплина

Хотя после 1987 г. внутренняя дисциплина в южнокорейских партиях заметно ослабла, она по-прежнему достаточно высока. Свидетельством тому служит, например, поименное голосование в Национальной ассамблее, которое проводится строго в соответствии с партийной принадлежностью. Трудно представить, чтобы парламентарий проголосовал вопреки воле своей партии.

Причина высокой партийной дисциплины в Южной Корее коренится в большом влиянии, которое партийные лидеры оказывают на процесс выдвижения кандидатов. Маловероятно, что депутат, проигнорировавший требования партии, вновь будет выдвинут в парламент. Поэтому рядовые члены Национальной ассамблеи делают все, что от них требуют партийные лидеры, даже если они с этим не согласны.

Партийная идентичность

Теория партийной идентичности и политического поведения во многом сложилась под влиянием исследований Мичиганской

школы и классической работы «Американский избиратель». Кэмпбелл и его коллеги определяют партийную идентичность как психологическую привязанность индивида к определенной партии, развивающуюся в процессе политической социализации с самого раннего детства [Hess, Torney, 1967]. Партийная идентичность облегчает избирателю выбор кандидатов и партий, помогает распознавать программы и идеологии, способствует ретроспективной оценке предвыборных кампаний [Bartels, 2002; Gerber, Hubert, 2010; Горен, 2002; Lodge, Хэмилл, 1986]. В итоге партийная идентичность существенно влияет на электоральное поведение [Bafumi, Шапиро, 2009; Бартельс, 2000] и выступает эффективным механизмом мобилизации избирателей [Rosenstone, Хансен, 1993].

Основной фактор партийной идентификации корейского избирателя, как уже отмечалось, – региональная принадлежность. Многие исследователи отмечают, что регионализм является в Южной Корее ключевым аспектом электорального поведения и партийной идентификации. Например, по словам Х. Ли, партийную идентификацию корейских избирателей следует понимать в логике регионального размежевания; позже эта идея была поддержана А. Хваном [Lee, 2001; Hwang 2008]. Недавние исследования также подтвердили, что регион рождения сильнее влияет на партийную идентификацию избирателей, чем все остальные факторы [Park 2013; Jang, 2012; Nan, 2012].

По табл. 1 видно, что уровень партийной идентификации корейских избирателей растет, хотя и не так значительно, как в других новых демократиях. Проведенный в ходе президентских выборов 2012 г. опрос показывает, что более 50% избирателей идентифицирует себя сегодня с той или иной партией. Данный факт свидетельствует о консолидации партийной системы в Корее, хотя темпы ее, конечно же, остаются невысокими.

Таблица 1

Уровень партийной поддержки в новых демократиях

Годы	Чехия	Венгрия	Польша	Южная Корея	Тайвань
1996	48,8	35,0 (1998)	52,3 (1997)	27,3 (2000)	33,6
2004	57,9 (2002)	52,3 (2002)	37,6 (2001)	34,1	46,7
2008	41,6 (2006)	нет свед.	50,0 (2007)	37,8	49,6

Корейские политические партии и государственное управление

Одна из важнейших функций политических партий заключается в аккумуляции разнообразных, в том числе конфликтных, социальных интересов и их интеграции в процессе принятия решений – посредством межпартийного сотрудничества и дискуссий. Эффективное государственное управление в демократиях возможно только тогда, когда эта функция работает в полную силу. Однако корейские политические партии не слишком в этом преуспели. Почему?

Стабильность президентской республики, система которой основана на принципе сдержек и противовесов, обеспечивается компромиссом между конкурирующими сторонами. Конфронтация между правящей партией и оппозицией способна завести процесс принятия политических решений в тупик и тем самым осложнить государственное управление. Таким образом, для успешного функционирования президентской республики необходимо, чтобы правящая и оппозиционная партии были готовы к компромиссам при обсуждении политической повестки.

Однако в Южной Корее уровень конфронтации между конкурирующими партиями крайне высок и исключает возможность каких-либо компромиссов. С начала демократизации межпартийные конфликты явились причиной срыва более 40% заседаний Национальной ассамблеи. У такого положения вещей есть две причины.

Первая причина заключается в том, что поведенческие модели правящей и оппозиционных партий сложились еще в эпоху авторитаризма и, несмотря на более чем 20-летний опыт демократизации, до сих пор сохраняют актуальность. В условиях диктатуры правящие партии выполняли роль авангарда авторитарных лидеров, и их основная функция заключалась в исполнении властной воли последних. Кроме того, правящая партия в силу особенностей избирательной системы и прямого манипулирования результатами выборов всегда имела большинство в Национальной ассамблее. Парламентское доминирование правящей партии не способствовало налаживанию переговорного процесса, проведению консультаций и дискуссий между правящей партией и оппозицией. Вне зависимости от мнения своих оппонентов, правящая партия всегда была в состоянии получить желаемое.

Поскольку оппозиционные партии были лишены возможности добиться своих целей с помощью закона и регламента, они были вынуждены полагаться в основном на незаконные, а иногда и насильственные меры. Например, они пытались бойкотировать обсуждение законопроектов, с которыми были не согласны, оккупировав зал заседаний Национальной ассамблеи. Иногда в поисках общественной поддержки они выходили на улицу. В крайних случаях лидеры оппозиционных партий прибегали к голодовкам, рискуя собственной жизнью. Несмотря на незаконность этих действий, многие корейцы поддерживали оппозицию, признавая, что другие способы борьбы с авторитарным режимом невозможны.

Поведенческие модели правящей и оппозиционных партий пережили и период демократизации. Даже если партия получает большинство мест в парламенте на демократических выборах, она пытается полностью использовать возможности своего доминирующего положения. Правящие партии предпочитают монополизировать законодательный процесс, а не идти на компромисс с оппозицией. Если же партии не удастся получить парламентское большинство, она пытается вернуть доминирующий статус не через налаживание сотрудничества с политическими противниками, а через слияние с небольшими партиями и / или через привлечение в свои ряды независимых парламентариев.

Поскольку правящие партии стремятся монополизировать законодательный процесс, оппозиционные партии, чтобы не утратить политического влияния, вынуждены полагаться на те средства, которые выработали еще во времена военных режимов. По иронии судьбы, когда оппозиционные партии становятся партиями большинства, они перенимают мажоритарную модель выработки решения, отказываясь от переговоров с оппонентами.

Конфликтная модель межпартийной конкуренции настолько укоренилась в южнокорейской политике, что даже в кризисные периоды, например в 1997 г., партии не смогли прийти к согласию и сформировать консенсусную двухпартийную систему.

Вторая причина конфликтогенности политической сферы Южной Кореи заключается в нарастающей идеологической поляризации политических элит. Как показывают результаты исследований, количество парламентариев с умеренной идеологической ориентацией существенно сократилось – если в 16-м созыве Национальной ассамблеи (2002–2007) к умеренному идеологическому

крылу принадлежали 62% депутатов, то в 17-м (2007–2012) таких было всего 35,4%, а в 18-м (2012 – н.в.) – только 22,8%.

Если идеология определяет образ мысли и поведение политика, то маловероятно, что он будет принимать политические решения, идущие вразрез с его убеждениями. Кроме того, консерваторы сплотились в одну партию («Сэнури»), а либералы – в другую (NPAD), что еще больше затрудняет возможность компромисса между ними. Идеологическая поляризация Национальной ассамблеи – одна из главных причин, по которой корейские политики не могут найти прагматичные решения, ведущие к повышению уровня жизни народа.

В этой ситуации доверие общества к Национальной ассамблее и политическим партиям находится на очень низком уровне. В табл. 2 приведены данные по уровню доверия к Национальной ассамблее и политическим партиям начиная с 1996 г.

Таблица 2

**Количество респондентов, доверяющих
Национальной ассамблее и политическим партиям**

Годы	Национальная ассамблея, %	Политические партии, %
1996	31,1	5,3
2003	3,8	5,5
2007	3,2	2,9
2013	N/A	3,5

Низкий уровень доверия к важнейшим демократическим институтам чреват неблагоприятными последствиями для развития демократии. Представленные в табл. 2 данные свидетельствуют, что в настоящее время абсолютное большинство корейцев не доверяют ни Национальной ассамблее, ни политическим партиям. Этот печальный факт означает, что граждане не считают парламент и партии способными к нормальному политическому функционированию. Как уже упоминалось выше, постепенный рост партийной идентификации корейских избирателей может расцениваться как свидетельство консолидации корейской партийной системы. Но мы видим, что уровень доверия к партиям и парламенту становится все ниже. По иронии судьбы, консолидация партийной системы

Южной Кореи происходит одновременно с падением уровня доверия к ней со стороны общества.

Заключение

Пока писалась эта статья, главная оппозиционная партия вышла на улицы, а один из ее лидеров объявил голодовку, требуя принять специальный законопроект о расследовании гибели парома «Севоль» («Sewol»), унесшей более 300 человеческих жизней. Нет сомнений, что действующие в Южной Корее законы и процедуры соответствуют требованиям полноценной демократии. Но среди политиков по-прежнему доминирует поведенческая модель, сложившаяся еще в период авторитарного правления.

Какой урок следует извлечь из южнокорейского опыта? Одно можно сказать точно – поведение политиков, в отличие от политических институтов, не поддается краткосрочной регуляции. Корейский пример свидетельствует, что в переходный период решающая роль должна принадлежать формированию консенсусной политической культуры, побуждающей элиту к партнерскому сотрудничеству во имя общественного блага, а не к войне до победного конца. Без этого движение страны по пути демократии будет чрезвычайно сложным.

Список литературы

- Bafumi J., Shapiro R.Y.* A new partisan voter // *The journal of politics*. – Cambridge, 2009. – Vol. 71, N 4. – P. 1–24.
- Bartels L.M.* Partisanship and voting behavior, 1952–1996 // *American journal of political science*. – Hoboken, NJ, 2000. – N 44. – P. 35–50.
- Bartels L.M.* Beyond the running tally: Partisan bias in political perceptions // *Political behavior*. – Oxford, 2002. – N 24. – P. 117–150.
- Clarke H.D., Stewart M.C.* The decline of parties in the minds of citizens // *Annual review of political science*. – Palo Alto, 1998. – N 1. – P. 357–378.
- Dalton R.J.* Democratic challenges, democratic choices: The erosion of political support in advanced industrial democracies. – Oxford: Oxford univ. press, 2004. – 230 p.
- Dalton R.J.* Partisan mobilization, cognitive mobilization and the changing American electorate // *Electoral studies*. – Oxford, 2007. – N 26. – P. 274–286.

- Dalton R.J.* The apartisan American: Dealignment and changing electoral politics. – Los Angeles, CA: CQ Press, 2013. – 220 p.
- Fiorina M.P.* Retrospective voting in American national elections. – New Haven, CT: Yale univ. press, 1981. – 288 p.
- Gerber A.S., Huber G.A.* Partisanship, political control, and economic assessments // American journal of political science. – Hoboken, NJ, 2010. – N 54. – P. 153–173.
- Goren P.* Character weakness, partisan bias, and presidential evaluation // American journal of political science. – Hoboken, NJ, 2002. – N 46. – P. 627–641.
- Hess R., Torney J.* The development of political attitudes in children. – Chicago: Aldine, 1967. – 456 p.
- Jhee B.-K.* Ideology and voter choice in Korea // Korean political science review. – Seoul, 2006. – N 40. – P. 61–83.
- Kim H., Choi J.Y., Cho J.* Changing cleavage structure in new democracies: An empirical analysis of political cleavages in Korea // Electoral studies. – Oxford, 2008. – N 27. – P. 136–150.
- Lodge M., Hamill R.* A partisan schema for political information processing // The American Political Science Review. – Cambridge, 1986. – N 80. – P. 505–520.
- Rosenstone S.J., Hansen J.M.* Mobilization, participation, and democracy in America. – N.Y.: Longman, 1993. – 368 p.
- Choi H.S.* What determined the 6.27 local election?: Partisanship and Regionalism // Korean political science review. – Seoul, 1995. – N 29. – P. 141–161.
- Han J.H.* Party identification of the Korean electorates: party platforms, party leaders and party activists // Analyzing the 2012 National Assembly election in South Korea / C.W. Park, W.T. Kang. (eds.) – Seoul: Nanam, 2012. – 268 p.
- Han J.T.* Sub-regionalism of Honam district after democratization // The Korean journal of humanities and the social sciences. – Seoul, 2013. – N 37. – P. 57–77.
- Hwang A.R.* A multiple indicators approach of partisan attitudes: an analysis of the effect of partisanship on voters' choice in the 17 th presidential election in Korea // Contemporary politics. – L.: 2008. – N 1. – P. 85–110.
- Jang S.J.* The Korean voters' attitude toward political parties: ideological and psychological foundation of party support and party voting // Analyzing the 2012 National Assembly election in South Korea / C.W. Park, W.T. Kang (eds.). – Seoul: Nanam, 2012. – 236 p.
- Kang S.T., Park J.H.* The change in Korean social movement and the post-materialism // Oughtopia. – Seoul, 2011. – N 26. – P. 5–38.
- Kang W.T.* Electoral politics in South Korea: ideology, region, generation and media. – Seoul: Purungil, 2003. – 286 p.
- Lee H.C.* The voting behavior of independent voters: the case of the 16 th Congressional election // Korean political science review. – Seoul, 2011. – N 34. – P. 137–160.
- Lee K.Y.* The Korean elections and regionalism. – Seoul: Orum, 1999. – 214 p.
- Lee K.Y., Lee H.W.* A study of influence of ideological voting: scope, measurement and meaning of ideology // Contemporary politics. – L.: 2008. – N 1. – P. 137–166.
- Mah I.S., Jaung H., Kim C.H.* The social and economic origins of a newly emerging social cleavage in Korean society // Korea and world politics. – Seoul, 1997. – N 13. – P. 29–52.

- Park C.W.* Party vote in the 14 th National Assembly elections // The Korean election I / Nam Young Lee (ed.). – Seoul: Nanam, 1993. – 342 p.
- Park K.M.* A note on successor parties in Korean politics // Contemporary politics. – L., 2009. – N 2. – P. 5–30.
- Park W.H.* Reconstruction of party identification // Analyzing the 2012 presidential election in South Korea / Chan Wook Park, Won-Taek Kang (eds.). – Seoul: Nanam, 2013. – 234 p.
- Yang J.I.* Elections and voting behavior in Korea: a case study of the National Assembly elections and localism // Korea and world politics. – Seoul, 2001. – N 17. – P. 1–33.
- Yoo S.J.* National Assembly as a representative institution and public trust: gap between expectation and reality // Korean journal of legislative studies. – Seoul, 2009. – N 27. – P. 119–143.

Перевод Толпыгиной О.А.

А.М. ГРИШИНА, Е.Ю. МЕЛЕШКИНА

**МЕХАНИЗМЫ СОХРАНЕНИЯ ВЛАСТИ
ДОМИНАНТНОЙ ПАРТИИ В УСЛОВИЯХ
АВТОРИТАРНОГО РЕЖИМА В МЕКСИКЕ**

В XX в. в Мексике более 70 лет действовал режим доминирующей партии. Партийную систему Мексики часто сравнивают с современной российской. Попытаемся выяснить, насколько оправданно такое сравнение и какие механизмы позволили Институционально-революционной партии (ИРП) так долго сохранять свое доминирование.

По классификации Дж. Сартори мексиканский партийно-политический режим периода доминирования ИРП можно охарактеризовать как режим с партией-гегемоном [Sartori, 1976], в котором государство контролирует основные механизмы конкуренции, не оставляя оппозиции возможности прийти к власти. Несмотря на господствующее положение ИРП, правящие элиты Мексики были вынуждены демонстрировать наличие в стране демократических институтов и процедур, в том числе таких, как оппозиция и конкуренция на выборах. Во многом это объяснялось необходимостью признания режима на международной арене, в том числе со стороны США. В то же время система с доминирующей партией позволяла снижать издержки на сохранение власти в руках правящей группы, консолидацию режима и мобилизацию массовой поддержки [Мелешкина, 2006, с. 150–151].

Оппозиция длительное время была крайне слаба, и действовавшие правила и практики не благоприятствовали укреплению ее позиций. Выборы демонстрировали несокрушимость режима, обеспечивая доминантную партию подавляющим большинством

голосов. Потенциальные перебежчики не были заинтересованы в расколе партии, а оппозиция не имела шансов оспорить итоги голосования [Magaloni, 2006].

Партийная система Мексики, с одной стороны, демонстрировала возможности и пределы использования институтов – в первую очередь, избирательного законодательства, а также неформальных правил и практик – для поддержания стабильности политического режима и доминирования единственной партии, а с другой – подтверждала наличие в стране демократических институтов и практик. Как будет показано ниже, институциональные изменения были обусловлены необходимостью воспроизводства формальных институтов политической конкуренции и представительства. Однако эти изменения не только способствовали легитимации режима, в том числе внешней, но и постепенно вели к его либерализации.

Основные ресурсы для поддержания стабильности режима

Развитие режима с партией-гегемоном прошло через несколько этапов, каждый из которых отличался набором правил политической игры и, соответственно, нюансами в функционировании системы.

Первый этап – формирование режима «масимато» и возникновение доминирующей партии. Хронологически его можно ограничить временем после революции 1910–1917 гг. вплоть до 1940-х годов.

В Мексике, которая, как и ряд других стран Латинской Америки, заимствовала американскую конституционную модель, долгое время существовали режимы личной власти «каудильо», самым известным из которых был режим П. Диаса, правившего страной на протяжении 34 лет (1876–1910). После революции 1910–1917 гг. в Конституцию Мексики была внесена норма, запрещавшая переизбрание главы государства. Однако это не слишком ограничивало политических лидеров: в 1924 г. президента А. Обрегона сменил его соратник и преемник П. Кальес, а четыре года спустя Обрегон вновь избрался на пост главы государства при поддержке Кальеса. На банкете по случаю этой победы Обрегон был застрелен религиозным фанатиком, и мексиканская элита, едва пришедшая в себя после революции и длительного периода нестабильности, оказалась перед угрозой нового политического кризиса.

В этой ситуации Кальес, не имевший законного права снова занять пост президента, но стремившийся предотвратить внутри-элитный конфликт, пошел по нестандартному пути. Добившись от парламента назначения своего ставленника в качестве временного президента, он создал политическую коалицию, предназначенную поддерживать стабильность и преемственность режима, – Национально-революционную партию (предшественница ИРП). В нее вошли некоторые прежние партии, часть профсоюзов, аграрии, военные и политические предприятия местных боссов («каси-ков»)¹. Партия взяла под контроль важнейшие правительственные посты и, опираясь на государственный аппарат, получила подавляющее превосходство на выборах.

Важнейшим инструментом режима доминирующая партия стала в период президентства Л. Карденаса (1934–1940). Именно благодаря его усилиям НРП была реорганизована по корпоративистскому принципу. Из рыхлой коалиции она превратилась в иерархическую структуру, пронизывающую собой государственный аппарат и армию и обеспечивающую эффективный массовый патронаж. С помощью партии Карденас смог избавиться от угрозы со стороны военных и «каси-ков», установить свой контроль над профсоюзами, раздать некоторое число земельных наделов крестьянам, а также национализировать нефтяную промышленность, усилив тем самым экономические позиции правящей элиты. В 1938 г. НРП была преобразована в Партию мексиканской революции (ПМР).

Следующий этап развития партийной системы Мексики – консолидация гегемонии, длившаяся примерно до 1963 г. В 1940 г., по окончании президентского срока Карденаса, его сменил преемник – А. Камачо. В этот период правящая партия была озабочена не только борьбой с политическими противниками, но и ограничением конкуренции внутри партийной элиты, распространяемым в том числе на возможности перебежчиков. В связи с этим в законодательство были введены нормы, осложняющие регистрацию новых политических партий путем введения высоких входных

¹ Как показал О. Ройтер, торг и взаимодействие между государственным лидером и влиятельными элитными группами лежат в основе возникновения доминирующих партий [Reuter, 2006]. В федеративной Мексике к таким группам относились также региональные власти, имевшие ко времени создания ИРП высокую степень автономии, – см. об этом, например: [Гомберг, 2008].

барьеров. Одновременно предпринимались запретительные меры в отношении ряда левых партий.

Избирательная реформа 1946 г. в ущерб возможностям региональной и местной элит сконцентрировала функции организации выборов в руках федерального правительства. Она также осложнила образование внутри партии групп, на основе которых в дальнейшем могли бы возникнуть самостоятельные оппозиционные партии. В целом режим Мексики представляет яркий пример того, как манипулирование нормами права позволяет добиваться ограничения политической конкуренции. Однако эти же возможности создают для режима известные опасности, о чем свидетельствует последующее развитие событий.

К президентским выборам 1958 г. ИРП удалось поставить под контроль политических лидеров и ослабить существующую оппозицию. Созданная в 1939 г. оппозиционная Партия национального действия (ПНД) смогла провести в парламент только шестерых депутатов. Возмущенная неравенством условий политического соревнования, ПНД призвала своих депутатов покинуть конгресс и оставить ИРП в одиночестве. Четверо из шести депутатов, отказавшиеся сделать это, были исключены из партии. В связи с этим возникла реальная опасность, что ПНД совсем перестанет участвовать в выборах. Две другие политические партии, включая Социалистическую, хотя и были формально независимыми, но получали государственное финансирование и поддерживали кандидатов от ИРП. Налицо был кризис легитимности режима в целом.

Все это поставило на повестку дня необходимость введения отдельных юридических норм, демонстрировавших открытость и инклюзивность режима и повышавших тем самым его легитимность. В 1964 г. была проведена новая избирательная реформа, обозначившая начало следующего, третьего, этапа развития режима доминирующей партии, который условно можно обозначить как этап «ограниченной открытости» [Crespo, 2004, p. 3].

Реформа предполагала введение квоты для оппозиционных партий (*deputados de partido*), преодолевших на выборах по пропорциональной системе 2,5%-ный барьер (пять мест; максимум 20 для каждой партии). В 1970 г. эта планка была снижена до 1,5%, что способствовало росту парламентского представительства оппозиции. Реформа создавала больше стимулов для партийной активности и демонстрировала наличие институтов политической

конкуренции (в частности, ПНД уже не отказывалась от участия в борьбе за парламентские места), но не угрожала доминированию одной политической партии.

Таблица

Распределение мандатов в нижней палате парламента (в %)

Годы	ИРП	ПНД	СНП	Другие	Всего оппозиция
1958	94	4	1	1	6
1964	83	10	5	2	17
1967	83	10	5	2	17
1970	84	9	5	2	16
1973	73	16	4	7	27
1976	85	9	3	3	15
1979	73	12	3	12	29
1982	69	18	2	11	31

Сост. по [Выборы во всем мире, 2001, с. 596–597].

Как видно из табл., избирательные реформы способствовали росту парламентского представительства оппозиционных партий, но не позволяли им получить большинство.

Помимо этого, некоторые политические партии, например Коммунистическая, вообще были лишены возможности участвовать в избирательных кампаниях. Малые партии были неспособны длительное время играть роль оппозиции и либо поддерживали ИРП, либо поглощались ею. Единственная крупная оппозиционная партия, ПНД, периодически демонстрировала на выборах слабый результат и не всегда имела возможность выдвинуть кандидата в президенты.

В связи с этим в 1977 г. была проведена новая избирательная реформа, призванная оживить партийную систему. Была разрешена регистрация левых революционных организаций, формализовано общественное финансирование партий, предусмотрены квоты для политической рекламы последних в СМИ. Была также введена смешанная избирательная система, при которой 300 депутатов выбирались в одномандатных округах, а 100 – по партийным спискам.

Реформа сделала избирательные кампании оппозиции более эффективными и способствовала активизации ее электоральной

деятельности. Так, в президентских выборах 1982 г. участвовали уже восемь кандидатов.

Экономический кризис 1982 г. способствовал повышению популярности оппозиционных сил. Особенно это было заметно на севере страны. Конфликт в 1986 г. в Чихуахуа – вокруг победы на выборах оппозиционного кандидата – вынудил ПНД занять более радикальную позицию. В свою очередь, экономическая политика правящего режима привела к росту разногласий внутри ИРП между традиционным политическим классом и корпоративными секторами. Это привело к расколу ИРП. Оппозиционную группу возглавил К. Карденас, впоследствии выступивший в качестве оппозиционного кандидата. Эти события знаменовали наступление нового этапа – регрессии гегемонии (1987–1993).

В 1987 г. прошла новая избирательная реформа, задача которой заключалась в том, чтобы сдержать оппозицию и сохранить доминирование ИРП в парламенте. Для этого число депутатских мандатов, распределяемых по пропорциональной системе, было расширено до 200. Предполагалось, что это позволит обеспечить ИРП нужное количество мест. Изменения в законодательстве о выборах, призванные создать для ИРП дополнительные преимущества, вносились также в 1991 и 1993 гг. В результате были созданы институты, призванные гарантировать справедливость электоральной конкуренции (Федеральный избирательный институт и Федеральный избирательный трибунал). Однако власть этих организаций была ограничена, а сами они находились под контролем правящей партии.

Упомянутые изменения, а также широкая реклама проводимой в стране неолиберальной политики способствовали сохранению позиций ИРП по итогам парламентских выборов 1991 г. Но реальные результаты этой политики были неоднозначными и привели в 1994 г. к экономическому кризису, способствовав укреплению оппозиционных сил, которые в начале 1990-х годов получили два губернаторских поста.

В 1994 г. в истории Мексики начался этап демократизации. В этом году оппозиционная Сапатистская армия национального освобождения подняла в штате Чьяпас восстание, требуя демократизации страны, прекращения неолиберальной политики и проведения социальных реформ.

Экономический кризис, политические убийства и скандалы, усиление оппозиции и совместные действия ПНД и Партии демократической революции К. Карденеса способствовали созданию предпосылок для смены режима. В результате на президентских выборах 2000 г. победил кандидат от оппозиции В. Фокс, оппозиционные партии получили большинство голосов на парламентских выборах, а пост мэра столицы достался кандидату от ПДР. Режим доминирующей партии прекратил свое существование.

Сами по себе конкурентные выборы и переход к многопартийной системе не гарантировали утверждения в Мексике консолидированной демократии. Демократические институты до сих пор работают со сбоями, среди населения и политических элит отсутствует согласие по ряду базовых общественно-политических вопросов. Об этом наглядно свидетельствовало оспаривание результатов президентских выборов во время «революции кактусов» в 2006 г.

Основные инструменты сохранения режима доминирующей партии были связаны с преимуществами гиперинкубентства, предполагавшими монопольный доступ ИРП к общественным ресурсам, которые могли быть конвертированы в патронажные блага [Stokes, 2007].

Как будет показано ниже, патронаж во многом определил организационную структуру и механизмы рекрутирования политической элиты. Помимо этого, доминантная партия имела возможность использовать для решения политических задач неочевидные общественные блага. Как отмечает К. Грин, доминантные партии используют четыре способа расширения собственной ресурсной базы за счет государственного бюджета, которые обычно считаются незаконными. Во-первых, они могут перенаправлять денежные средства из бюджетов госпредприятий, во главе которых, как правило, стоят политические назначенцы. Финансы этих компаний скрыты от общественного контроля, они вовлечены в трудно выявляемые трансферты с правительством, и это создает множество возможностей для злоупотреблений. Во-вторых, обширный государственный сектор позволяет инкубенту распределять между сторонниками огромное число рабочих мест и общественных должностей, отбирая их у оппонентов. В-третьих, значимая роль государства в экономике побуждает деловые круги «платить за участие в игре», обменивая «откаты» и незаконные пожертвования в избирательный фонд на экономическую защиту и государственные контракты. Наконец, доминантные партии факти-

чески превращают государственные учреждения в свои предвыборные штабы, используя их офисное оборудование, телефоны, почту, транспорт, да и самих госслужащих для мобилизации избирателей [Greene, 2010, p. 816–817].

Эти четыре способа были характерны и для мексиканской ИРП. Административный ресурс, в том числе в части, связанной с государственным компаниями, активно использовался для информирования и мобилизации электората. ИРП регулярно присваивала государственные средства, используя их для ведения избирательной кампании, принуждала государственных служащих вносить пожертвования в партийную казну и фактически превращала государственные учреждения в собственные предвыборные штабы. Помимо этого, практиковалось «поощрение» частных инвесторов к участию в политическом предприятии.

В свою очередь, оппозиционные партии были настолько бедны, что вели агитацию через подпольную прессу, ставили своих кандидатов перед необходимостью самостоятельно финансировать собственные кампании и испытывали трудности даже с электрическим освещением своих тесных штаб-квартир [Greene, 2007].

В деятельности ИРП широко использовались методы патронажа, в том числе пожертвования на благотворительные цели. ИРП строила в отдаленных местностях поселки городского типа, предлагала их жителям медицинское обслуживание и другие формы социального обеспечения, устраивала народные аптеки, организовывала кружки (по изучению иностранных языков, кройки и шитья) и спортивные соревнования; добивалась от министерств и правительственных организаций обслуживания «народных кварталов», в том числе строительства там водопроводов, проведения электричества и т.д.

По мнению Б. Магалони, ИРП не столько вознаграждала лояльных сторонников, сколько покупала лояльность потенциальных перебежчиков. Увеличивая расходы перед выборами, она действовала в расчете на перспективу: в частности, больше всего средств направлялось в муниципалитеты, выборы в которых обещали быть конкурентными. Муниципалитеты, в которых ИРП была уверена, получали значительно меньше финансов. Наказывая перебежчиков, ИРП отзывала средства из тех муниципалитетов, где победила оппозиция [Magaloni, 2006, p. 149].

Электоральные манипуляции и репрессии занимали среди ресурсов режима второстепенное место. Как отмечалось выше,

репрессии в отношении оппозиции носили точечный характер и использовались тогда, когда другие механизмы давали сбой. Широко использовалось также включение представителей «оппозиционных» партий (типа Социалистической) в состав правящей элиты, а центристская политическая риторика ИРП затрудняла объединение правых и левых против доминантной партии [Greene, 2008].

Как уже было показано, выборы в Мексике не служили постоянным механизмом смены власти, а скорее выполняли функцию легитимации режима и правящей элиты, играли роль референдума о доверии [Greene, 2007]. Цена, которую оппозиционные силы платили за участие в них, была слишком велика – при очень невысокой вероятности успеха. И только серьезный кризис позволил оппозиции прийти к власти.

Организационное устройство и функционирование мексиканских партий в период доминантной партийной системы

Организационные основы функционирования Институционально-революционной партии и ее связей с обществом и государством играли существенную роль в обеспечении стабильности и воспроизводства политического режима.

К 1940-м годам помимо четырех секторов в партию входили автономные организации, Национальное движение революционной молодежи и Национальная женская революционная ассоциация. Это позволило обеспечить партии широкую базу поддержки, включив в нее самые крупные профсоюзные, крестьянские и др. объединения. В 1946 г., после переименования ПМР в Институционально-революционную партию, ее корпоративистская структура была практически полностью сохранена. Был только ликвидирован военный сектор, члены которого перешли в народный. Таким образом, в партии остались три сектора: рабочий, аграрный и народный. Это позволяло партии обеспечивать представительство широкого спектра интересов¹ и выполнять функцию социального патронажа.

¹ О рациональности создания больших коалиций в системах с партией-гегемоном; см.: [Magaloni, 2006].

Все сектора были представлены в партийном руководстве на общенациональном и местном уровнях. Это позволяло режиму решать три взаимосвязанные задачи. Во-первых, привлекать в сферу влияния ИРП максимально широкие слои населения, с тем чтобы она служила корпоративистским механизмом представительства интересов различных групп, обеспечивая тем самым единство мексиканских элит [Stevens, 1977]. Во-вторых, ограничивать влияние на ИРП губернаторов и «касиков», способствуя большей централизации управления как партией, так и страной. В-третьих, брать под контроль президента организационно раздробленный партийный аппарат, политическое влияние которого удавалось снижать благодаря внутрипартийной конкуренции (принцип «разделяй и властвуй»).

Помимо этого партия распределяла государственные посты, работа на которых хорошо оплачивалась и открывала различные возможности. Особое значение в отношениях партии и общественных организаций занимает типичное мексиканское явление — «чарризм», представляющий собой систему подкупа и расстановки через ИРП лидеров профсоюзных объединений. Эти коррумпированные лидеры сами становились крупными буржуа и одновременно членами верхушки ИРП, входящими в политическую «эли-ту» [Лапшев, 1990, с. 140].

Выполнение патронажной функции сказывалось также на механизме отбора кандидатов в депутаты и на выборные должности в исполнительной власти. В ИРП действовала иерархическая система, поэтому процесс номинирования кандидатов строго контролировался сверху еще на стадии выдвижения. Как правило, это делалось на уровне губернатора или депутата федерального собрания. Каждому из секторов партии гарантировался в списках определенный процент кандидатов. Кандидаты в президенты определялись действующим главой государства — как правило, из ближайшего окружения, членов кабинета, которые зачастую не имели опыта предвыборной борьбы. Участие рядовых членов в этом процессе сводилось к одобрению принятых решений [см. об этом: Wayne, 1991].

Кандидатство рассматривалось как вид патронажа, ориентированный на членов партии, услуги которых казались лидерам ценными, и на лидеров общественных организаций. Среди кандидатов было много друзей лидеров ИРП или людей, связанных с ними бизнес-интересами и не имеющих особого опыта участия

в партийной жизни. Нередко это порождало недовольство деятельностью депутатов и должностных лиц, избранных от партии, особенно когда дело касалось местных проблем.

Оппозиционные партии, противопоставляя себя ИРП, напротив, подчеркивали свою демократичность и ориентацию на интересы рядовых членов. Например, чтобы стать кандидатом от ПНД, нужно было принять участие в праймериз и набрать не менее 60% голосов участников съездов. Как правило, кандидатство даже на федеральном уровне предполагало длительный опыт партийной работы. Оппозиционные кандидаты местного уровня чаще всего были местными партийными лидерами, готовыми тратить время на политическую борьбу и имеющими соответствующие навыки. С целью повышения популярности ПНД в районы с высоким уровнем конкуренции или невысоким уровнем поддержки партии часто посылались ее наиболее известные кандидаты.

Кандидаты на пост президента от ПНД и незарегистрированной Компартии выбирались из числа политических (и) интеллектуальных лидеров партий. Яркие, но, как правило, догматично и идеалистически настроенные лидеры этих организаций выдвигались не столько для победы на выборах, сколько для популяризации партий.

Демократизация в значительной степени повлияла на функционирование политических партий Мексики, в том числе на механизм отбора кандидатов. Это коснулось в первую очередь ИРП, в которой были модифицированы правила такого отбора. Был также открыт доступ к участию в выборах от партии людям, не являющимся ее членами. Основным критерием при этом выступала их потенциальная избираемость; среди кандидатов ИРП – также техническая компетентность, молодость и популярность на местном уровне. Результатом этого стало усиление борьбы между фракциями внутри ИРП, особенно за места в начале партийного списка.

В целом пример Мексики показывает, как применение определенных институциональных фильтров, организационных механизмов и неформальных практик может использоваться для поддержания неконкурентного режима доминирующей партии. Он также демонстрирует, как институциональное наследие, связанное с режимом партии-гегемона, в частности патронажные связи и клиентелизм, осложняет становление современных демократических институтов и консолидацию демократии на новом этапе развития страны.

Список литературы

- Выборы во всем мире: Электоральная свобода и общественный прогресс: Энциклопедический справочник / Сост. А.А. Танин-Львов. – М.: РОССПЭН, 2001. – 1112 с.
- Гомберг А. Эволюция в условиях диктатуры // *Pro et Contra*. – М., 2008. – № 1. – С. 46–61.
- Мексика: капитализм и общество. Противоречия развития / Е. Лапшев и др. – М.: Наука, 1990. – 191 с.
- Мелешикина Е.Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен // *Политическая наука*. – М., 2006. – N 1. – С. 135–161.
- Crespo J. The party system and democratic governance in Mexico // *Policy papers on the Americas*. – Washington, DC, 2004. – Vol. 15. – P. 1–44.
- Greene K. Why dominant parties lose: Mexico's democratization in comparative Perspective. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2007. – 350 p.
- Greene K. Dominant party strategy and democratization // *American journal of political science*. – Hoboken, NJ, 2008. – Vol. 52, N 1. – P. 16–31.
- Greene K. The political economy of authoritarian single party dominance // *Comparative political studies*. – Beverly Hills, DC, 2010. – Vol. 43, N 7. – P. 807–834.
- Magaloni B. Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 296 p.
- Reuter O. The politics of dominant party formation: United Russia and Russia's governors // *Europe-Asia studies*. – L., 2010. – Vol. 62, N 2. – P. 293–327.
- Sartori G. Parties and party systems: A framework for analysis. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1976. – 383 p.
- Stevens E. Mexico's PRI: The institutionalization of corporatism? // *Authoritarianism and corporatism in Latin America* / J.M. Malloy (ed.). – Pittsburgh, 1977. – P. 227–258.
- Stokes S. Political clientelism // *The Oxford handbook of political science*. – Oxford: Oxford univ. press, 2007. – P. 604–627.
- Wayne C., Craig A. The Mexican political system in transition. – La Jolla, CA: Center for U.S.-Mexican studies; Univ. of California; San Diego, 1991. – 124 p.

С.Н. ШКЕЛЬ

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В УСЛОВИЯХ
АВТОРИТАРНОЙ РЕЖИМНОЙ СРЕДЫ:
ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКОГО КАЗАХСТАНА**

Опыт постсоветских стран позволяет проверить ряд гипотез относительно закономерностей развития партий и других политических институтов в условиях авторитаризма. Если ранее большинство политологов рассматривали выборы и партийную конкуренцию в условиях авторитаризма лишь как имитацию, имеющую целью сформировать привлекательный имидж режима на международной арене, то сегодня широкое распространение получили концепции Дж. Ганди и А. Пшеворского, согласно которым авторитарные лидеры вполне сознательно используют эти институты для укрепления собственной власти. С точки зрения исследователей, диктаторам выгодно кооптировать потенциальных оппонентов посредством электоральных процедур, сокращая пространство для своих принципиальных противников. Интегрируя потенциальных соперников в представительные институты, режим ставит их в положение лояльной полуоппозиции, сокращая риски открытого политического противостояния [Gandhi, Przeworski, 2007; Gandhi, 2008]. Кроме того, успехи оппозиции и падение рейтингов «партии власти» в отдельных регионах позволяют вовремя выявить насущные проблемы и принять соответствующие меры [Gandhi, Reuter, 2013].

Таким образом, выборы выполняют роль мониторинга слабых мест авторитарных режимов и позволяют им заблаговременно применять меры по интеграции элиты. Наличие оппозиции и сохранение хотя бы отчасти конкурентных выборов выгодны авторитарной элите, поскольку объективно укрепляют ее власть, леги-

тимизируют режим и кооптируют в него потенциальных соперников. Как указывает Й. Герчевски, наряду с репрессиями данные функции являются важнейшими «столпами» устойчивости и стабильности современных авторитарных режимов [Gerschewski, 2013].

С другой стороны, существует альтернативная точка зрения, согласно которой установившиеся институты – это лишь следствие баланса сил в рамках авторитарной элиты: они не являются причиной усиления или устойчивости авторитаризма, а, скорее, служат маркером, указывающим на уже произошедшую авторитарную консолидацию [Levitsky, Way, 2010, p. 183]. Развивая тезисы У. Рикера и Т. Пепински, Г. Голосов рассматривает институты авторитарных режимов как «эпифеномены», т.е. скорее как следствие, нежели причину устойчивости автократий [Golosov, 2013]. Не случайно опыт развития ряда авторитарных стран, в том числе на постсоветском пространстве, свидетельствует о том, что при определенных условиях электоральные процедуры, оппозиция и другие политические институты способны подорвать устойчивость власти и запустить процесс «опрокидывающих выборов» [Хантингтон, 2003, с. 178–181].

«Электоральные революции» [McFaul, 2006] в ряде стран постсоветского пространства эмпирически подтвердили предположения о том, что партийные, парламентские и избирательные институты могут служить не только механизмами укрепления власти автократов, но и триггерами крушения недемократических режимов [McFaul, 2005; Kuzio, 2008; Bunce, Wolchik, 2011; *The Colour Revolutions...*, 2010; Гилев, 2010].

Последние исследования позволяют предположить, что устойчивость инкумента во многом зависит от типа авторитарного режима. Статистика свидетельствует, что персоналистские авторитарные режимы в целом хуже справляются с поствыборными протестами, чем однопартийные или военные [Завадская, 2014]. Тем не менее, как показывает опыт постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа, ряд персоналистских режимов оказываются вполне устойчивыми и успешно справляются с разного рода дестабилизирующими факторами. Вероятно, на устойчивость режима влияют не только сам его тип, но и способность авторитарного лидера эффективно осуществлять стратегию кооптации [Bueno De Mesquita, Smith, Siverson, Morrow, 2003], создающую предпосылки для его политического долгожительства. Эти возможности связа-

ны как с экономическими основами авторитарного господства, так и с доминированием неформальных практик, а также с институциональной инженерией.

Механизмы и функции кооптации

Согласно теории селектората [Bueno De Mesquita, Smith, Siverson, Morrow, 2003], стабильность недемократического режима во многом зависит от способности автократа сформировать лояльную властвующую коалицию из основных сегментов элиты (инсайдеры), от лояльности основных социальных групп (электората), а также от степени маргинализации оппозиции и слабости элитных сегментов, не включенных в состав властвующей коалиции (аутсайдеры).

Кооптацию можно определить как пакет стратегических мер, принимаемых авторитарным лидером для формирования устойчивых связей с элитами и социальными группами с целью сохранения их лояльности.

По отношению к аутсайдерам стратегия кооптации состоит в поддержании раскола и маргинального состояния оппозиции. Именно для этого используются такие формальные каналы, как партии, легислатуры и выборы [Gandhi, Przeworski, 2007]. С их помощью режим кооптирует часть оппозиционных акторов в состав властвующей коалиции. В условиях электорального авторитаризма [Schedler, 2006] ключевой проблемой инкумбента является способность оппозиции к выступлению единым блоком [Bunce, Wolchik, 2011]. Ее частичное кооптирование в представительные органы власти приводит к разделению оппозиции на принципиальную (несистемную) и лояльную (системную, полуоппозицию) [Linz, 1978, p. 191]. В результате режим добивается маргинализации своих противников, которые, утратив стимулы к координации, не могут составить электоральную конкуренцию инкумбенту. Вследствие раскола и фрагментации «несистемная» оппозиция ограничена в возможностях массовой мобилизации, а попытки создать угрозу режиму посредством акций прямого действия легко купируются точечными репрессиями.

Более того, интеграция части оппозиции во властвующую коалицию порождает ситуацию, при которой противники власти

конкурируют друг с другом, а не с инкубентом. Члены лояльной полуоппозиции, получившие благодаря картельным договоренностям с властью места в легислатуре, не заинтересованы в расширении конкуренции и демократизации, которые создают угрозу их положению и в результате становятся верной опорой режима, выступая против расширения политических свобод и конкуренции.

Одной из главных проблем недемократических режимов является их слабая обратная связь с обществом. В отсутствие конкурентных выборов и ротации элит режим теряет чувствительность к изменению общественных настроений и способность к объективной оценке целевых ориентиров различных социальных групп. Частично эти проблемы может решить кооптация более широких слоев населения в разнообразные формальные структуры. Для этого режим создает различные организации – от подконтрольных политических партий до общественных палат и ассамблей народов, призванных налаживать контакты и обмен информацией между широкими слоями населения и государственными органами. Власть также создает разного рода механизмы рекрутирования и селекции (молодежные парламенты и движения, кадровые резервы), призванные решать задачу отбора кадров и восполнения элит. Все эти органы, не будучи автономными от властвующих субъектов и не конкурируя с ними, носят корпоративный, а не демократический характер.

Таким образом, важную роль в устойчивости и долговременности авторитарных режимов играет институциональное закрепление доминирующего положения автократа, в том числе с помощью партий, обеспечивающих интеграцию и кооптацию элит.

Пример постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа во многом подтверждает этот тезис. Например, в Азербайджане инкубент сделал ставку на партию «Новый Азербайджан», с каждым избирательным циклом наращивающую свое электоральное преимущество. Подобным же образом функцию кооптации и интеграции элит, а также контроля за легислатурой выполняет Народно-демократическая партия Таджикистана. В Туркменистане и Узбекистане инкубент использует для монополизации политического рынка как экс-коммунистические партии, так и новые проекты-спойлеры.

Вместе с тем опыт постсоветских стран демонстрирует, что конкретные механизмы институциональной инженерии, призван-

ные сохранить авторитарное равновесие, не универсальны и имеют специфику, обусловленную внутриполитическими особенностями. Так, если в Казахстане и России инкумбенты пошли по пути повышения статуса партийных институтов и инвестиций в «партию власти», то в Азербайджане или Узбекистане властвующая элита, скорее, минимизирует роль партий, предпочитая опираться на персональные патронажные связи [Guliyev, 2013; Добронравин, 2007].

Более того, стратегии авторитарных лидеров в области институционального строительства и использования политических партий могут претерпевать изменения в зависимости от экономической ситуации, изменения структуры элиты и других факторов. Интересный пример в этом плане представляет собой постсоветский Казахстан, демонстрирующий логику трансформации кооптационной стратегии авторитарного лидера и эволюцию функциональной природы политических партий.

Политические клиенты и партийные картели в Казахстане на этапе «плюрализма по умолчанию» (1989–1998)

Среди постсоветских стран Казахстан выделяется минимальной долей титульного этноса. К моменту распада СССР казахи не являлись доминирующей этнической группой в республике, составляя только 40% населения [Dawisha, Parrott, 1994, p. 131–141]. Большая доля русских и других этносов создавала «естественные» расколы, затрудняя консолидацию моноцентрической власти. Кроме того, оставалась незавершенной национальная консолидация самих казахов — продолжали сохранять устойчивость субэтнические идентичности, делящие автохтонное население на три жуза (старший, средний и младший) [Амеркулов, 2000]. Поэтому политическое поле оставалось в состоянии «плюрализма по умолчанию» [Way, 2002].

В период перестройки массовую поддержку в Казахстане получили неформальные организации националистической и экологической направленности [Дьяченко, Кармазина, Сейдуманов, 2000], которые, однако, в отличие от стран Балтии, не актуализировали проблему сепаратизма, а ограничивались требованиями культурного и экономического суверенитета [Olcott, 1997, p. 209]. Глава республики Н. Назарбаев умело использовал популярные националистические лозунги, взяв курс на умеренную изоляцию

от центра, но отвергая радикальные крайности [Sarsembayev, 1999]. Это позволило ему балансировать на противоречиях между казахским и русским этносами, составляющими две почти равные численно культурные общности. Умеренность в национальном вопросе позволила Н. Назарбаеву позиционировать себя как лучшую из имеющихся альтернатив – как для русских, так и для казахов [Ларюэль, Пейроз, 2007, с. 66]. Он смог также кооптировать в созданный при правительстве Совет по религиозным делам мусульманских лидеров, поставив под государственный контроль развитие ислама и минимизировав стимулы к политизации религиозных идей [Tazmini, 2001, p. 71].

Поддержку казахской элиты Н. Назарбаев обеспечил увеличением доли ее представителей в составе парламента. Посредством нормы, согласно которой кандидаты в депутаты Верховного совета 1990 г. выдвигались от территориальных округов и общественных организаций, доля казахов в составе ВС увеличилась с 46,7 до 54,7%, а доля русских сократилась с 41 до 28,8% [Khazanov, 1995, p. 255].

Н. Назарбаев также смог использовать стратегию кооптации в отношении экологических движений, которые не ставили вопроса о монополии власти КПСС и в своих взглядах на стоящие перед Казахстаном задачи во многом совпадали с республиканской элитой. Н. Назарбаев поддержал движение «Невада – Семипалатинск», дав санкцию на расширение его деятельности. В марте 1989 г. в ходе своей рабочей поездки в Семипалатинскую область он признал заслуги движения в актуализации экологических проблем [Ертысбаев, 2001, с. 206].

Таким образом, при всей своей массовости экологические и националистические движения не представляли опасности для республиканской партийной элиты [Brown, 1990]. Н. Назарбаев удачно использовал их протестный потенциал в отстаивании интересов республики и тем самым укрепил свой авторитет внутри Казахстана. В целом ему удалось перехватить основные оппозиционные лозунги и минимизировать реальное политическое влияние общественных движений.

Ограниченный политический потенциал аутсайдеров наглядно проявился по итогам выборов республиканского Верховного совета 1990 г., на которых коммунисты сохранили свои доминирующие позиции [Выборы в Верховные советы республик СССР, 1990,

с. 1–2]. Депутаты избрали Н. Назарбаева председателем Верховного совета, а позже – по союзной модели – и президентом [Фурман, 2004, с. 187]. После провала августовского путча Н. Назарбаев укрепил свою легитимность посредством всенародных президентских выборов. Альтернативу действующему президенту пытался составить казахский диссидент, лидер партии «Желтоксан» Х. Кожахметов [Известия, 1991, с. 2], однако его не допустили до выборов, которые прошли на безальтернативной основе. При явке в 88,23% избирателей Н. Назарбаев получил 98,78% поддержки электората [Казахстанская правда, 1992, с. 1].

Основную проблему для утверждения режима личной власти Н. Назарбаева создавали региональные элиты, опирающиеся на патрональные сети локального уровня. Мажоритарная система выборов позволяла им, используя свои политические машины для избрания в Верховный совет, ограничивать полномочия президента.

Н. Назарбаев пытался ослабить их влияние с помощью инвестиций в «партию власти», но реализовать эту задачу смог не сразу. Сначала он продолжил коалиционное сотрудничество с коммунистами. В 1991 г. он собрал последний съезд Коммунистической партии с целью ее самороспуска и переименования в Социалистическую партию Казахстана. Однако инициированные правительством рыночные реформы противоречили интересам многих региональных элит, составлявших ядро бывших коммунистов. Поэтому вскоре партия перешла в оппозицию к президенту. В итоге Н. Назарбаеву пришлось создавать новую партию, кооптируя в нее на патронажно-клиентистской основе часть лояльных коммунистов, членов правительства, бюрократического аппарата, а также привлекая новых сторонников. Таким способом в 1993 г. была создана партия «Союз народного единства Казахстана» (СНЕК) [Isaacs, 2010, p. 13].

Кроме того, Н. Назарбаев активно создавал спойлеров, призванных расширить властную коалицию за счет части оппозиционеров. С этой целью администрация президента поддержала партию «Народный конгресс Казахстана» (НКК) во главе с популярным поэтом и экологом О. Сулейменовым. В 1993–1994 гг. он стал лидером оппозиции и мог составить существенную конкуренцию Н. Назарбаеву на президентских выборах. Нейтрализовать его удалось, предложив пост посла Казахстана в Италии [Isaacs, 2010, p. 13]. Таким образом,

маргинализация оппозиции осуществлялась не столько с помощью репрессий, сколько кооптацией в патронажную сеть президента.

В полной мере сила региональных элит проявилась в ходе принятия новой Конституции страны. Н. Назарбаев, который был еще недостаточно силен для отпора удерживающейся в советах номенклатуре, пошел на ряд компромиссов, в результате чего первая Конституция независимого Казахстана, принятая Верховным советом 28 января 1993 г., сохранила довольно значимые полномочия за депутатским корпусом.

В условиях социально-экономического кризиса, когда исполнительной власти было необходимо идти на непопулярные меры, право Верховного совета блокировать решения президента и правительства привело к обострению конфликта между ветвями власти. Противоречие между Н. Назарбаевым и председателем Верховного совета С. Абдильдиным было похоже на противостояние Б. Ельцина и Р. Хасбулатова в России, однако в Казахстане разрешилось принципиально иным образом.

Н. Назарбаев использовал не силу, а патронажные практики. В ходе неформальных переговоров с частью депутатов районных Советов он предложил им государственные посты в обмен на инициирование процедуры самороспуска Советов [Isaacs, 2010, p. 12]. Власть удачно облекла свою волю в форму «народной инициативы». В ноябре 1993 г. пять районных Советов народных депутатов г. Алма-Аты неожиданно приняли решение о досрочном прекращении своих полномочий и призвали другие Советы последовать их примеру, обосновывая свой шаг необходимостью «избавления от порочной практики полновластия Советов» [Куртов, 2000]. Н. Назарбаев приложил максимум усилий, чтобы провалить в Президиуме Верховного совета решение о роспуске парламента [Куртов, 2000, с. 10].

Самороспуск ВС позволил ему получить дополнительные временные полномочия, но не сопровождался установлением новых политических институтов. «Компромиссная» Конституция 1993 г. продолжала действовать, и новые выборы Верховного совета (март 1994 г.), проводимые с явно антидемократическими ограничениями [Куртов, 2000, с. 10], воспроизвели тем не менее исходный конфликт законодательной власти с президентом [Олкотт, 2003, с. 125–127]. Хотя президент добился, чтобы 42 из 177 депутатов назначались им лично в рамках «государственного списка» [Bremmer, 1996, p. 188], а

большинство мест в ВС получила пропрезидентская партия СНЕК, в парламент прошли представители еще 13 партий и 59 независимых кандидатов, многие из которых составили оппозиционную фракцию. В результате новый парламент оказался еще более нелояльным, чем предыдущий [Isaacs, 2010, p. 15]. Депутаты из оппозиционных блоков оказывали постоянное давление на правительство [Olcott, 1997, p. 222–223].

Политические акторы вновь попали в институциональную ловушку, выбраться из которой можно было либо силой, либо путем взаимных компромиссов. Однако Н. Назарбаев, как и раньше, нашел третий путь, распустив парламент с помощью более «тонкой» стратегии.

Он снова использовал неопатримониальные практики и личные связи, войдя в неформальную сделку с Т. Кватковской – одним из проигравших выборы кандидатов, которая согласилась подать в Конституционный суд иск о признании выборов в ее округе недействительными [Isaacs, 2010, p. 16]. Лоббированием «правильного» решения в Конституционном суде занимался К. Сулейменов [Isaacs, 2010, p. 16]. В итоге 6 марта 1995 г. Конституционный суд признал Верховный совет нелегитимным [Куртов, 1995, с. 214–219]. Президент распустил Верховный совет, а также добился от Конституционного суда признания действующим закона от 10 декабря 1993 г. «О временном делегировании Президенту Республики Казахстан и главам местных администраций дополнительных полномочий» [Казахстанская правда, 1995, 16 марта, с. 3]. В результате глава государства получил всю полноту как исполнительной, так и законодательной власти.

Впоследствии Т. Кватковская и К. Сулейменов были вознаграждены за свою лояльность: первая в 1999 г. возглавила список «партии власти» «Отан» и стала депутатом парламента, второй уже в 1995 г. получил пост министра внутренних дел [Isaacs, 2010, p. 17].

Вполне возможно, что неформальные сделки были заключены и с рядом оппозиционных депутатов. По крайней мере, если в первый день после издания президентского указа о роспуске парламента группа протестующих депутатов составляла 72 человека, то уже на следующий день она сократилась до 22 [Bremmer, Welt, 1996, p. 192].

В условиях прямого президентского правления в течение 1995 г. были проведены два референдума, один из которых про-

длил президентские полномочия Н. Назарбаева до 2000 г. [Сообщение об итогах голосования на республиканском референдуме 29 апреля 1995 года, 1995, с. 1–3], а второй принял разработанную лично президентом и его командой новую Конституцию Республики Казахстан [Казахстанская правда, 1995, с. 2].

Конституция вводила двухпалатный парламент с меньшим составом представителей, чем в прежнем Верховном совете. Верхняя палата, Сенат, насчитывала 47 человек, причем семь из них назначались лично президентом. Сенаторы должны были избираться на основе не прямого, а косвенного голосования – депутатами областей, городов республиканского значения и столицы. Половина из них подлежала переизбранию через каждые два года. Данную норму можно считать уступкой президента по отношению к региональным элитам, которые сохранили гарантии своего представительства. Фактически верхняя палата выполняла функции кооптации региональных элит в правящую коалицию, в которой теперь безусловно доминировал президент. Мажилис (нижняя палата парламента Казахстана) включал 67 депутатов, избираемых на четыре года по мажоритарной системе. Мажоритарные правила также отвечали интересам региональных и локальных элит.

В целом, однако, порядок выборов парламента практически исключал его независимость от президента. Это подтвердили выборы декабря 1995 г. [Сообщения ЦИК Республики Казахстан, 1995, с. 1–3]. Их результатом стало избрание полностью лояльного президенту парламента.

Эта лояльность гарантировалась не только коалицией с региональными элитами, но и начатым администрацией президента партийным строительством. Для кооптации провластных кандидатов были созданы две партии: Партия народного единства Казахстана (ПНЕК), получившая 24 из 67 мест, и Демократическая партия Казахстана (12 мест). Таким образом, картель из двух «партий власти» контролировал 36 из 67 мест в парламенте. Три оппозиционные партии имели в сумме только 12 мест [Олкотт, 2003, с. 286]. Всего же в парламент прошли представители 15 партий, сделав его крайне фрагментированным. 12 мест получили независимые кандидаты, которые по большей части поддерживали президента [Olcott, 1997, p. 232].

От «плюрализма по умолчанию» к партийной монополии

В конце 1990-х годов правящая элита Казахстана перешла от партийных картелей к формированию единой «партии власти». В силу как наследия прошлого, так и издержек рыночного реформирования острота элитных расколов заметно выросла. В этих условиях «партия власти» должна была стать механизмом кооптации сегментов элиты, минимизировав риски прорыва межэлитной конкуренции в публичное политическое пространство.

В преддверии очередных парламентских выборов 1999 г. ПНЕК была распущена, а ее место заняла «Отан». Новая президентская партия существенно отличалась от предыдущих партийных проектов. Основной ее целью было ограничить фрагментацию и конкуренцию элит. Если СНЕК и ПНЕК аккумулировали людей, лично лояльных президенту и формирующих его патронажную сеть, то партия «Отан» была призвана не только интегрировать разные сегменты элит, но и ограничить формальными рамками их соперничество, поставив таким образом межэлитную борьбу под контроль президентской администрации [Isaacs, 2013, p. 1068–1070].

В постсоветской истории Казахстана контрэлиты несколько раз пытались составить конкуренцию президенту, используя политические организации, а также опираясь на этнические или субэтнические социальные расколы. Например, в 1996 г. бывший посол в Китае М. Ауезов и глава Антимонопольного комитета П. Своик создали движение «Азамат», аккумулировавшее поддержку элит среднего жуза и русских из северных областей. Еще одна попытка мобилизовать элиты и массы на основе племенной идентичности среднего жуза была предпринята бывшим премьером А. Кажегельдиным [Junisbai, 2010, p. 252].

В отношении переходивших в лагерь оппозиции инсайдеров Н. Назарбаев использовал как репрессии, так и кооптационную тактику. Так, в отношении А. Кажегельдина было начато судебное преследование. А коалицию бизнесменов и ряда политических инсайдеров, объединившихся в 2001–2002 гг. в партию «Демократический выбор Казахстана» (ДВК), удалось нейтрализовать посредством раскола. Бывший вице-премьер и один из лидеров партии О. Жандосов вышел из этой организации, сформировав умеренную партию «Ак Жол», которая фактически выполнила роль спойлера. Вскоре О. Жандосов был назначен на должность президентского

советника, что означало интеграцию партии в патронажную сеть Н. Назарбаева. Два других лидера ДВК, Г. Жакиянов и М. Аблязов, не согласившись на сотрудничество с властью, были обвинены в коррупции и подвергнуты судебным репрессиям [Ipek, 2007, p. 1194–1195].

Создание ДВК стало одним из первых проявлений внутреннего соперничества среди элит Старшего жуза, что говорило о постепенном исчезновении клановых расколов. Большинство лидеров этой партии входили в патронажную сеть Н. Назарбаева, и их оппозиционность была обусловлена не племенной солидарностью, а конфликтом бизнес-интересов [Junisbai, 2010, p. 252].

Развитие рыночных отношений и распределение экономических активов между элитными сегментами стимулировало выстраивание межклановых альянсов и коалиций, скрепленных не родо-племенной идентичностью и традициями родственной взаимопомощи, а общностью экономических интересов. В связи с этим тактика президента претерпела изменения. Если раньше он использовал в кооптационной стратегии межклановые противоречия, то теперь от него требовался больший прагматизм, нередко входивший в противоречие с архаичными нормами родственной солидарности.

Наиболее показательным примером стали события вокруг зятя (мужа старшей дочери) президента Р. Алиева, который к 2001 г. стал лидером одной из наиболее влиятельных элитных группировок. К этому времени он был не только крупным бизнесменом, но и главой налоговой полиции, а также заместителем председателя Комитета национальной безопасности. Его патронажная сеть держалась на контроле за силовыми министерствами, а также на доминировании в СМИ, принадлежавших Д. Назарбаевой.

В 1999 г., во время очередных выборов в парламент, Р. Алиев и Д. Назарбаева сыграли ключевую роль в нейтрализации А. Кажегельдина. Руководимые Р. Алиевым силовые ведомства инициировали против него уголовные обвинения, а Д. Назарбаева уничтожила его репутацию, опираясь на ресурсы медиахолдинга «Хабар». В 2000–2001 гг. Р. Алиев попытался начать перераспределение ресурсов, чтобы обеспечить себе более выгодные стартовые возможности в борьбе за власть после ухода Н. Назарбаева, он стал предпринимать попытки шантажа в отношении своих оппонентов [Schatz, Maltseva, 2012, p. 57]. Это привело к консолидации его противников и созданию ДВК. До сих пор фрагментированная элита стала разбиваться на два лагеря.

Н. Назарбаев принял сторону зятя, уволив ряд госчиновников и возбудив уголовные дела на основных лидеров ДВК. Однако, разгромив бизнес-элиту, вставшую под знамена этой партии, президент не допустил дальнейшего усиления Р. Алиева. Последний был снят с поста заместителя председателя Комитета национальной безопасности и в 2002 г. отправлен в «почетную ссылку» в Вену – на должность посла Казахстана в Австрии и представителя страны в ОБСЕ [Фурман, 2004, с. 221]. В дальнейшем он был подвергнут уголовному преследованию и эмигрировал, Д. Назарбаевой пришлось с ним развестись. Президент также предпринял ряд шагов, направленных на ослабление политического влияния своей дочери. Принадлежавшая ей медиаимперия «Хабар» перешла под управление администрации президента, а сама она была исключена из партийных списков «партии власти» «Нур Отан» и на выборах 2007 г. лишилась депутатского кресла. Одновременно президент увеличил влияние другого своего зятя – Т. Кулебаева, получившего пост главы государственного холдинга «Самрук», который контролирует большую часть нефтегазового комплекса государства [Junisbai, 2010, p. 254].

Хотя партия «Отан» позиционировала себя как партия президента, другие элитные группы влияния предпочитали создавать свои партийные проекты. Они поддерживали Н. Назарбаева, но вступали в конкурентную борьбу с членами «Отан». Так, при патронаже Р. Алиева и Д. Назарбаевой была создана партия «Азар», группа бизнесменов под руководством А. Машкевича сформировала Гражданскую партию Казахстана (ГПК), элитная фракция М. Аблязова выступила под лейблом партии «Демократический выбор Казахстана» (ДВК). На парламентских выборах 2004 г. конкуренция между этими партиями была достаточно интенсивной, и в 2006 г. Н. Назарбаев решил ограничить это соперничество, добившись слияния «Отан», «Азар» и ГПК в единую «партию власти» «Нур Отан» [Isaacs, 2013, p. 1071].

Почти одновременно с формированием новой «партии власти» государственным служащим было разрешено вступать в партии. Это дало элитам всех уровней сигнал, что отныне доступ к властным позициям зависит от членства в «Нур Отан». Название партии стало синонимом государственной службы [Isaacs, 2013, p. 1072].

После принятия нового закона о партиях, ужесточившего условия их создания, а также введения пропорциональной избира-

тельной системы с высоким отсекающим порогом (7%) «Нур Отан» оказалась вне конкуренции. Это показали парламентские выборы 2007 г., на которых установленный барьер смогла преодолеть только «партия власти», получившая все депутатские места.

Новая ситуация резко снизила уровень политической конкуренции, ограничив возможности элит создавать собственные политические проекты и отстаивать собственную политическую линию. После установления доминирующего положения «Нур Отан» ряд бизнесменов из ГПК, включая А. Машкевича, потеряли интерес к политике и покинули Казахстан [Isaacs, 2013, p. 1073].

От предыдущих проектов «Нур Отан» отличает развитая административная инфраструктура по всей стране. Внешне она напоминает КПСС, однако на самом деле представляет классический пример патрон-клиентской организации, призванной интегрировать элиту на основах взаимного обмена ресурсами. Бюрократическая и бизнес-элита используют партию как инструмент рентоискательства и гарантии доступа к административным позициям. В обмен она обеспечивает электоральную поддержку, используя свои региональные и местные патронажные сети [Isaacs, 2013, p. 1060].

В отличие от КПСС «партия власти» в Казахстане является не самостоятельным игроком, а механизмом реализации решений администрации президента. Ее доминирование во многом обусловлено личной поддержкой президента – как символическо-имиджевой, так и ресурсно-финансовой [Isaacs, 2013, p. 1060]. Используя терминологию В. Гельмана, можно сказать, что «Нур Отан» больше похожа на организацию с внешним управлением [Гельман, 2008].

Вместе с тем разветвленная структура партии расширяет ее функции. Теперь это не просто патронажная сеть, призванная консолидировать голоса избирателей. Посредством массового привлечения молодежи «Нур Отан» выполняет функцию поиска кадров для ротации элит нижнего и среднего звена. Через разного рода социальные проекты партия ведет идеологическую работу, формируя лояльность по отношению к режиму и легитимируя его среди широких социальных слоев.

Оглушительные победы «Нур Отан» и президента, который получил на очередных выборах в 2011 г. 95,5% голосов, формируют образ непобедимой правящей коалиции, удерживающей потенциальных патронажных брокеров от соперничества и замыкающей патронажные сети на себя. Это также формирует апатию в лагере

противников власти и массовое представление о слабости и бесперспективности любой оппозиционной деятельности [Magaloni, Kricheli, 2010].

Рост организационных возможностей «партии власти» и более высокий уровень партизации политического процесса теоретически может создать в перспективе угрозу для президентской власти. Однако Н. Назарбаеву удастся успешно купировать эти риски посредством регулярной ротации бюрократической и партийной элит, целью которой является не столько повышение компетенции руководящего состава, сколько ослабление аппаратного веса и ресурсной клиентской базы. Исследование Б. Джунисбэй показало, что в 1992–2009 гг. в каждой из областей страны аким (региональный глава) в среднем менялся шесть раз, в некоторых областях – до десяти раз. Средняя продолжительность занятия поста акима не превышает три года [Junisbai, 2010, p. 257–258].

Подобным же образом депутаты парламента из-за контроля со стороны администрации президента лишены возможности выстраивать собственные патронажные сети. До 2007 г. функции патронажа и отсека не лояльных кандидатов выполняли региональные главы, которые, в свою очередь, контролировались президентом. С переходом на выборы исключительно по партийным спискам процедура выдвижения кандидатов ужесточилась. Теперь возможность получить место в парламенте зависит от включения в список «Нур Отан», который формируется под контролем президента. Этот контроль направлен на обновление депутатского корпуса, что также не дает депутатам возможности нарастить политический капитал и выйти из-под контроля. Так, в рамках четырех созывов нижней палаты легислатуры в 1995–2007 гг. депутатский корпус обновился почти на 100%. По итогам выборов 2007 г. в парламенте остался только один депутат (Е. Рамазанов), который может похвастаться своим членством во всех четырех парламентских созывах. Интенсивность ротации в верхней палате несколько ниже, но также отражает тенденцию к обновлению. К 2007 г. в Сенате осталось только восемь «старожилов», что составляет 6,8% от состава 1995 г. [Junisbai, 2010, p. 261].

Сегодня в Казахстане в связи с естественным старением элит и сокращением кадрового резерва из числа «старой гвардии» отмечается тенденция к формированию более масштабных молодежных проектов, которые также начинают выступать в качестве

механизмов кооптации. Наиболее заметной в этом плане стала созданная в 2005 г. общественная организация «Ак Орда», возглавляемая племянником Н. Назарбаева К. Сатыбылды [Ziegler, 2010, p. 814].

Таким образом, опираясь на новую структуру «партии власти», казахстанский режим приобретает устойчивость, расширяя взаимодействие между государственным аппаратом, бизнесом и широкими социальными слоями. Представляя собой расширенный механизм патронажной сети, «Нур Отан» и другие провластные организации увеличивают возможности для поддержки режима, интегрируя не только политическую и экономическую элиту, но и массовые слои населения.

Заключение

Постсоветский опыт Казахстана и других государств бывшего СССР позволяет сделать ряд выводов о роли партий и других политических институтов в авторитарной режимной среде.

В дискуссиях о влиянии институтов на динамику режимов данный опыт подтверждает тезис, согласно которому сами по себе институты не влияют на авторитаризацию или демократизацию режима, а являются лишь механизмами, с помощью которых политический лидер может закрепить достигнутый уровень доминирования и обезопасить себя от рисков. В этом смысле институты лишь отражают степень консолидации авторитаризма, но не обуславливают его. Долгое время функционировавшая в Казахстане мажоритарная избирательная система не препятствовала расширению политической монополии президента, равно как и переход на пропорциональную систему не стал предвестником разрушения авторитарного равновесия. Напротив, наряду с инвестициями в «партию власти» пропорциональная несвязанная система расширила кооптационные возможности режима и создала основы для его дальнейшей консолидации.

Это справедливо и в отношении степени партизации политического процесса. Как показывает опыт постсоветских стран, в условиях прочных патронажных связей президенты способны сохранять доминирование без создания мощных партийных проектов, опираясь на партийные картели или личные клиентелы – как

это происходит в Азербайджане и Узбекистане. В то же время современный Казахстан демонстрирует, что формирование широкой властной коалиции, а также интеграция элит и более широких социальных слоев в рамках единой «партии власти» не ограничивают, а, скорее, укрепляют персоналистскую власть, сокращая пространство для несанкционированных межэлитных столкновений и ставя элитное противоборство под более жесткий контроль.

Таким образом, институты более логично рассматривать в качестве зависимых переменных, эффекты которых обусловлены другими процедурными факторами, влиянием неформальных практик и самой логикой развития режима.

Список литературы

- Амрекулов Н.* Жузы в социально-политической жизни Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. – Стокгольм, 2000. – № 3. – С. 131–146. – Режим доступа: <http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/16.Amrek.shtml> (Дата посещения: 15.02.2013.)
- Выборы в Верховные Советы республик СССР // Известия. – М., 1990. – 14 марта. – С. 1–2.
- Гельман В.* Политические партии в России: от конкуренции к иерархии // Полис. – М., 2008. – № 5. – С. 135–152.
- Гилев А.* Политические трансформации на постсоветском пространстве: имеют ли значение «цветные революции»? // Полития. – М., 2010. – № 2. – С. 107–121.
- Добронравин Н.А.* Узбекистан: центр Центральной Азии – все под контролем // СССР после распада / Ред. О.Л. Мргания. – СПб.: Экономическая школа, 2007. – С. 387–408.
- Дьяченко С., Кармазина Л., Сейдуманов С.* Политические партии Казахстана. 2000 год: Справочник. – Алма-Ата: ИПК, 2000. – 289 с.
- Ертысбаев Е.* Казахстан и Назарбаев: логика перемен. – Астана: Елорда, 2001. – 576 с.
- Завадская М.А.* Электоральные циклы в соревновательных авторитарных режимах // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – Пермь, 2014. – № 3. – С. 5–21.
- Известия. – М., 1991. – 1 ноября. – С. 2.
- Известия. – М., 1991. – 2 ноября. – С. 2.
- Казахстанская правда. – Алма-Ата, 1992. – 1 января. – С. 1.
- Казахстанская правда. – Алма-Ата, 1995. – 16 марта. – С. 3.
- Казахстанская правда. – Алма-Ата, 1995. – 8 сентября. – С. 2.
- Куртов А.* Демократия выборов в Казахстане: авторитарная эволюция // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – М., 2000. – № 2. – С. 2–10.

- Куртов А.А.* Партии Казахстана и особенности развития политического процесса в республике // Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. – М.: Российский институт стратегических исследований, 1995. – С. 214–219.
- Ларюэль М., Пейроз С.* «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность / Пер. с фр. Т. Григорьевой. – М.: Наталис, 2007. – 359 с.
- Назарбаев Н.* Казахстанский путь. – Караганда: ТОО «Арко», 2006. – 372 с.
- Олкотт М.Б.* Казахстан: непройденный путь. – М.: Гендальф, 2003. – 354 с.
- Сообщение об итогах голосования на республиканском референдуме 29 апреля 1995 года // Казахстанская правда. – Алма-Ата, 1995. – 4 мая. – С. 1–3.
- Сообщения ЦИК Республики Казахстан «Об итогах выборов депутатов Мажилиса парламента Республики Казахстан» // Казахстанская правда. – Алма-Ата, 1995. – 30–31 декабря. – С. 1–3.
- Фурман Д.* Постсоветский политический режим Казахстана // Казахстан и Россия: общество и государство. – М.: Права человека, 2004. – С. 178–271.
- Хантингтон С.* Третья волна: демократизация в конце XX в. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.
- Bremmer I., Welt C.* The trouble with democracy in Kazakhstan // Central Asian survey. – L., 1996. – Vol. 15, N 2. – P. 179–199.
- Brown B.* The public role in perestroika in Central Asia // Central Asian survey. – L., 1990. – Vol. 9, N 1. – P. 87–96.
- The Logic of Political Survival / B. Bueno De Mesquita, A. Smith, R. Siverson, J.M. Morrow. – Cambridge: The MIT Press, 2003. – 536 p.
- Bunce V., Wolchik S.* Defeating authoritarian leaders in postcommunist countries. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2011. – 373 p.
- Dawisha K., Parrott B.* Russia and the New States of Eurasia: The Politics of Upheaval. – Cambridge: Press Syndicate of the univ. of Cambridge, 1994. – 437 p.
- Gandhi J.* Political institutions under dictatorship. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2008. – 258 p.
- Gandhi J., Przeworski A.* Authoritarian institutions and survival of autocrats // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2007. – Vol. 40, N 11. – P. 1279–1301.
- Gandhi J., Reuter O.J.* The incentives for pre-electoral coalitions in non-democratic elections // Democratization. – L., 2013. – Vol. 20, N 1. – P. 137–159.
- Gerschewski J.* The three pillars of stability: legitimation, repression, and co-optation in autocratic regimes // Democratization. – L., 2013. – Vol. 20, N 1. – P. 13–38.
- Golosov G.* Authoritarian Party Systems: Patterns of Emergence, Sustainability and Survival // Comparative sociology. – Leiden, 2013. – N 12. – P. 617–644.
- Guliyev F.* Oil and Regime Stability in Azerbaijan // Demokratizatsiya. – Washington, DC, 2013. – Vol. 21, N 1. – P. 113–147.
- İpek P.* The role of oil and gas in Kazakhstan's foreign policy: Looking east or west? // Europe-Asia studies. – Glasgow, 2007. – Vol. 59, N 7. – P. 1179–1199.
- Isaacs R.* Nur Otan, informal networks and the countering of elite instability in Kazakhstan: Bringing the «formal» back In // Europe-Asia studies. – Glasgow, 2013. – Vol. 65, N 6. – P. 1055–1079.

- Isaacs R.* Informal politics and the uncertain context of transition: revisiting early stage nondemocratic development in Kazakhstan // *Democratization*. – L., 2010. – Vol. 17, N 1. – P. 1–25.
- Junisbai B.A* Tale of two Kazakhstans: Sources of political cleavage and conflict in the Post-Soviet period // *Europe-Asia studies*. – Glasgow, 2010. – Vol. 62, N 2. – P. 235–269.
- Khazanov A.* The ethnic problems of contemporary Kazakhstan // *Central Asian survey*. – L., 1995. – Vol. 14, N 2. – P. 243–264.
- Kuzio T.* Democratic breakthroughs and revolutions in five Postcommunist countries: Comparative perspectives on the fourth wave // *Demokratizatsiya*. – Washington, DC, 2008. – Vol. 16, N 1. – P. 97–109.
- Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2010. – 517 p.
- Linz J.* Opposition to and under an Authoritarian Regime: The Case of Spain // *Regimes and Oppositions*. / R. Dahl (ed.). – New Haven, L., 1978. – P. 171–259.
- Magaloni B., Kricheli R.* Political Order and One-Party Rule // *The Annual Review of Political Science*. – Palo Alto, 2010. – N 13. – P. 123–143.
- McFaul M.* The orange revolution in a comparative perspective // *Revolution in orange: The origins of Ukraine's democratic breakthrough* / A. Aslund, M. McFaul (eds). – Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2006. – P. 165–197.
- McFaul M.* Transitions from Postcommunism // *Journal of democracy*. – Wanington, DC, 2005. – Vol. 16, N 3. – P. 5–19.
- Olcott M.B.* Democratization and growth of political participation in Kasakstan // *Conflict, cleavage and change in Central Asia and Caucasus* / K. Dawisha, B. Parrott (eds). – Cambridge, 1997. – P. 201–241.
- Sarsembayev A.* Imagined communities: Kazak nationalism and Kazakification in the 1990 s // *Central Asian survey*. – L., 1999. – Vol. 18, N 3. – P. 319–346.
- Schatz E., Maltseva E.* Kazakhstan's authoritarian «persuasion» // *Post-Soviet affairs*. – Berkeley, 2012. – Vol. 28, N 1. – P. 45–65.
- Schedler A.* The logic of electoral authoritarianism // *Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition* / A. Schedler (ed.). – Boulder: Lynne Rienner publishers, 2006. – P. 1–23.
- Tazmini G.* The Islamic revival in Central Asia: A potent force or a misconception? // *Central Asian survey*. – L., 2001. – Vol. 20, N 1. – P. 63–83.
- The colour revolutions in the former Soviet Republics: Success and failures* (Routledge contemporary Russia and Eastern Europe series) / D. Beachar, A. Polese (eds). – Abingdon, NY: Routledge, 2010. – 248 p.
- Way L.* Pluralism by default in Moldova // *Journal of democracy*. – Washington, DC, 2002. – Vol. 13, N 4. – P. 127–141.
- Ziegler Ch.* Civil society, political stability, and state power in Central Asia: cooperation and contestation // *Democratization*. – L., 2010. – Vol. 17, N 5. – P. 795–825.

М.В. ИВАНОВА

**ЭФФЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПАРТИЙНОЕ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО: РЕГИОНАЛЬНЫЕ,
НАЦИОНАЛЬНЫЕ И БИЗНЕС-ЭЛИТЫ**

Избирательные реформы в развитых демократиях обычно рассматриваются как результат электоральной инженерии, не препятствующей свободному волеизъявлению граждан. Арендт Лейпхарт описывает такие реформы как изменение «правил игры», направленное на их «улучшение» и при этом не меняющее их результат [Lijphart, 1994, p. 139]. Отмечая высокую внутреннюю однородность избирательных систем в развитых демократиях, он доказывает, что их модификации не влияют на диспропорциональность партийной системы или эффективное число партий [Lijphart, 1994, p. 94]. Можно сказать, что в развитых демократиях избирательные системы изменяются редко, и при этом не искажаются результаты выборов [Lijphart, 1994, p. 94].

Исследователи электоральных реформ в условиях демократического транзита [Schedler, 2002, p. 37; Schedler, 2010, p. 69] традиционно относят Россию к странам «серой зоны», или «зоны тумана», т.е. к государствам, которые переживают «рецессию» демократических институтов либо предпринимают первые попытки построить демократию. В таких государствах существуют институты, характерные для демократии, включая выборы, но результаты этих выборов не соответствуют предъявляемым демократиям требованиям [Schedler, 2002, p. 37]. Часто такие государства называют гибридными режимами или странами электорального авторитаризма. Можно встретить и другие определения: соревновательный авто-

ритаризм, псевдодемократия, электоральная демократия [Schedler, 2002, p. 37; Levitsky, Way, 2002, p. 51].

Для этих государств характерна высокая степень волатильности избирательных и партийных систем [Coppedge, 1998, p. 563; Birch, 2001, p. 13; Mainwaring, 1998, p. 71; Mozaffar, Scarritt, 2005, p. 416; Sikk, 2005, p. 409]. В 1990–2000-е годы такие государства переживали либо «стагнацию», либо «рецессию» институтов демократии. Регулярные выборы не приводили там к демократизации [O'Donnell, Schmitter, 1986, p. 70; Pye, 1997, p. 228]. Тем не менее сформулированная Лейпхартом повестка электоральных реформ используется и в отношении них.

Основные подходы в исследовании избирательных реформ при электоральном авторитаризме

Исследования реформ избирательного законодательства в странах электорального авторитаризма можно разделить на две группы.

К первой группе относятся исследования в рамках теории «демократического транзита», фокусирующие интерес на поиске причин, приводящих к формированию демократий в развивающихся государствах. Авторы этого направления связывают поведение элит в процессе демократизации с зависимостью от факторов исторического развития, в том числе от разрушения колониального правления [Mozaffar, Scarritt, Galaich, 2003, p. 388] и формирования авторитарных режимов [Mozaffar, Scarritt, 2005, p. 400]. Незавершенность национального строительства или общий кризис социальной системы вызывают необходимость стабилизировать политическую систему в целом [Hood, 1998, p. 863], поэтому избирательные реформы нацелены на консолидацию политического режима. Среди факторов, ускоряющих демократизацию, упоминаются также экономические кризисы, массовые протесты, смерть диктатора и раскол внутри правящей партии или группы [Geddes, 1999, p. 140].

Считается, что в Восточной Европе демократизация происходила в результате массовых протестов, а в Латинской Америке – вследствие раскола правящих групп [Geddes, 1999, p. 137]. Есть и альтернативные объяснения, указывающие на роль ошибок правящих элит. В действительности же авторитарные режимы обычно

плохо информированы о нуждах общества и именно поэтому допускают создание демократических институтов. Эти режимы не в состоянии предсказывать результаты реформ, так что демократизация происходит против воли элит [Petrov, Lipman, Hale, 2014, p. 22].

Исследования данного направления чаще всего оперируют качественными данными, акцентирующими особенности каждого конкретного случая. Авторы, как правило, исходят из представления о неразрывной связи между электоральными реформами и реформами политической системы в целом. Кроме того, в этой группе исследователей чаще допускают, что институты демократии, включая выборы, способны содействовать демократизации, даже несмотря на волю правящей группы – в силу слабой информированности последней о потребностях общества. Одновременно в рамках данного подхода принято исходить из того, что движение к демократии возникает прежде всего в силу осознанного выбора правящей группы.

Вторая группа исследователей видит причины электоральных реформ в стремлении элит к обеспечению «нужного» результата на выборах. Данный тезис укладывается в повестку Лейпхарта для развитых демократий. Используя институты, характерные для демократии, правящие группы изменяют избирательное законодательство с целью сохранения власти, в том числе через формирование партийной системы с доминирующей партией. Такие системы позволяют автократиям существовать достаточно долго, не демократизируя всерьез политическую жизнь.

Проводя электоральные реформы, правящая группа нередко прибегает к распределению экономических трансферов и ренты с целью кооптации потенциальных соперников [Wintrobe, 1998, p. 610], она дробит оппозицию и повышает для нее координационные издержки [Magaloni, Diaz-Cayeros, 2001, p. 291; Golosov, 2013, p. 93], создает возможности для более активного привлечения на избирательные участки лояльных избирателей [Frye, Reiter, Skazoni, 2014, p. 224]. При этом проведение реформ более вероятно в случае уверенности элит в своей способности удержать власть [Boix, Svolik, 2013, p. 314; Golosov, 2013, p. 93].

Авторы данного направления исследуют влияние изменений избирательного законодательства на политические процессы. Они значительно чаще используют количественные методы, ориентируясь, как правило, на теорию рационального выбора и различные

разновидности неоинституционального подхода. Эти исследователи обычно исходят из того, что электоральные реформы не обязательно приводят к демократизации, поскольку правящая группа способна хорошо предсказывать результаты своих действий и создавать «замещающие» институты, призванные служить своеобразным тормозом демократизации. Часто такие субституты становятся конкурентами политических партий и успешно вытесняют их с «электорального рынка» [Hale, 2005, p. 152; Mozaffar, Scarritt, 2005, p. 400; Gel'man, 2008, p. 927].

Постановка исследовательской задачи

В настоящей работе предпринята попытка объединить оба подхода. Главные вопросы заключаются в том, что именно является результатом изменений избирательного законодательства в странах электорального авторитаризма и как его можно измерить, не прибегая к индексам диспропорциональности Лейпхарта.

Первый подход предполагает рассматривать данный вопрос через анализ отдельных случаев, в абсолютном большинстве которых результат реформ – это сохранение статус-кво. Второй видит причину проведения реформ в рациональном стремлении правящей группы получить максимально выгодные для себя результаты. Объединив оба подхода, можно сделать вывод, что, изменяя избирательное законодательство, правящая группа стремится стабилизировать политическую систему и формирует с этой целью условия проведения выборов. Прежде всего, это означает, что стремление сохранить статус-кво подавляет стремление правящей группы или диктатора максимизировать свое политическое влияние, а политические элиты, стабилизируя режим, получают возможность упрочить свое положение.

Главный тезис, отстаиваемый в данном исследовании, заключается в том, что «автократы» стремятся «улучшить» работу системы в том смысле, в каком они это понимают. Электоральный авторитаризм иным образом, нежели развитые демократии, интерпретирует результат изменений избирательного законодательства. Автократам не имеет смысла бороться за власть, поскольку она уже находится в их руках. Однако укрепить свое положение они могут, только сохранив статус-кво. В этом смысле рациональное

поведение правящей группы заключается в распределении ресурсов таким образом, чтобы это способствовало стабилизации политического режима.

Одним из механизмов, позволяющих электоральному авторитаризму достигать данной цели, традиционно является формирование доминирующей партии или создание субститутов, вытесняющих политические партии и не дающих сформировать партийную систему [Hale, 2005, p. 152; Mozaffar, Scarritt, 2005, p. 400; Gel'man, 2008, p. 927]. В таких режимах существует множество малых партий, которые препятствуют формированию крупной оппозиционной партии, способной одержать победу на выборах [Gel'man, 2008, p. 927]. Сочетание избирательной системы простого большинства с пропорциональностью, смешанные избирательные системы на региональном и общенациональном уровнях призваны установить и укрепить доминирование «партии власти» [Magaloni, Diaz-Cayeros, 2001, p. 291; Golosov, 2013, p. 93; Panov, Ross, 2013, p. 750]. На региональном уровне политические акторы фактически «играют» в навязанную им игру, встраивая свои стратегии в иерархическую систему, контролируемую монопольным национальным лидером [Golosov, 2013, p. 93].

Элиты стран «серой зоны» проводят реформы, чтобы укрепить собственное положение. Это вовсе не означает, что «правящая группа» будет стремиться исключить из политической борьбы оппонентов. Как и в странах развитой демократии, она стремится к «улучшению» системы, однако видит его не в изменении результатов голосования, а в стабилизации политической системы. В таких условиях результаты выборов всегда будут диспропорциональными, поскольку изменения в избирательном законодательстве не направлены на их соответствие выбору избирателей.

В данной работе предполагается на примере изучения баланса сил внутри нижней палаты российского парламента эмпирически проверить, как изменение избирательного законодательства помогает сохранить статус-кво и стабилизировать систему.

Кроме того, предполагается исследовать, к чему стремятся элиты в странах электорального авторитаризма и в чем они видят результаты избирательной реформы. В частности, ставится задача проверить гипотезу о стремлении режима сохранить с помощью реформы баланс элит в представительных институтах – «заморозить» их состояние и «подогнать» под него голосование избирате-

лей, используя для этого электоральные машины, телевидение, финансовые ресурсы и т.д.

Таким образом, исследовательская гипотеза может быть сформулирована следующим образом: *изменения избирательного законодательства в России приводят к сохранению пропорций представительства внутри элит.*

Обычно выделение различных категорий элит производится на основе ресурсов, используемых в ходе избирательных кампаний [Hale, 2005]. Логично предположить, что бизнес-элиты конвертируют финансовый ресурс в представительство своих интересов в органах власти, региональные элиты обменивают контроль над электоральными машинами на места в партийных списках, представители органов государственной власти (чиновники) – административный ресурс на возможность принятия решений. При этом региональные элиты стремятся получить представительство в общенациональном парламенте, а общенациональные элиты – сохранить там свое представительство.

Эмпирической базой исследования являются данные на 1337 депутатов Государственной думы 2003, 2007 и 2011 гг. избрания. Депутаты классифицированы на основании экспертных оценок в соответствии с теми характеристиками, которые даются им в средствах массовой информации.

Реформы избирательного законодательства в РФ

Начало избирательных реформ в России принято датировать осенью 1999 г., когда перед самым стартом думской кампании Центральной избирательной комиссии было позволено контролировать источники поступления средств в избирательные фонды. После этого изменения в избирательное законодательство стали вноситься регулярно, и все они так или иначе меняли условия проведения выборов и влияли на ресурсы участников кампаний. На протяжении последующих лет нарастала административная экспансия в сферу публичной политики [Коргунюк, Ахременко, 2012, с. 188], ограничивалась конкуренция [Подвинцев, Панов, Иванова, 2012, с. 256], с помощью методов электоральной инженерии формировались нужные результаты [Голосов, 2003, с. 119], унифицировались «правила игры» на региональном уровне [Кынев, 2006, с. 158].

Впервые выборы в нижнюю палату парламента по смешанной несвязанной избирательной системе были проведены в 1993 г. Указом Президента, утверждавшим порядок их проведения, к выдвижению списков были допущены все потенциальные участники, в том числе субституты. При этом требования к выдвижению усиливали позиции субститутов с локализованной поддержкой. Правила перевода голосов в мандаты (метод Хэра), порог для прохождения партий, порог явки и нарезка округов предоставляли кандидатам относительно равные условия конкуренции.

Принятый в 1995 г. рамочный закон о выборах депутатов Государственной думы подтвердил положения ельцинского указа, а также определил, что общенациональная часть списка избирательного объединения не должна включать более 12 кандидатов. Требования к избирательному залогу и сбору подписей значительно сократили число потенциальных участников выборов и субститутов. Таким образом, впервые были использованы возможности воздействия на структуру партийных списков через изменение избирательного законодательства и тем самым на трансляцию ресурсов элит политическим партиям.

В 1997 г. число потенциальных участников выборов было ограничено так называемыми политическими общественными организациями, при этом были введены нормы, направленные на формирование условий для институционализации партий. Впервые из бюллетеней начали вытесняться конкуренты политических партий. Но возможности субститутов с локализованной электоральной базой пока еще не ограничивались. Введение голосования по открепительным удостоверениям расширило возможности для манипуляций в день голосования.

В 1999 г. процесс трансляции ресурсов элит политическим партиям был продолжен: общенациональную часть списков расширили с 12 до 18 кандидатов. Это создало возможности для привлечения ресурсов малыми партиями. Кроме того, был введен залог на выборах по партийным спискам, что в значительной степени облегчило процедуру регистрации избирательных объединений. Новые требования к предоставлению итоговой финансовой отчетности поставили под государственный контроль финансирование «белых касс» участников кампании.

В 2002 г. партиям и созданным ими избирательным блокам были предоставлены преференции. В частности, их освободили от

сбора подписей и внесения залога – введенная годом ранее сложная процедура регистрации в Министерстве юстиции сделала эти процедуры избыточными. Конкретизация процедур заполнила ниши «неопределенности» на выборах, а повышение заградительного барьера значительно сократило число потенциальных участников кампании. Важным новшеством стал запрет на участие общественных организаций в создании избирательных блоков (2004).

Принятый в 2005 г. новый рамочный закон полностью перевел выборы в Госдуму на пропорциональную систему. Жесткая регламентация структуры партийных списков, в частности ограничение общенациональной части списка тремя кандидатами и повышение минимального числа региональных групп до 100¹, сократили возможности партий привлекать ресурсы элит. Перед выборами 2007 г. число региональных групп было сокращено до 80, в результате чего уровень неопределенности для кандидатов партийных списков несколько сократился. Отмена избирательных блоков и одновременно запрет на участие общественных организаций в наблюдении за выборами уменьшили число участников избирательного процесса. В 2006 г. была отменена графа «против всех», через полтора года отменен порог явки, позволявший признавать недействительными выборы в одномандатных округах. Тогда же были ужесточены требования к финансовой отчетности политических партий перед ЦИК. В 2007 г., перед самым стартом кампании, были еще раз откорректированы нормы, касавшиеся конверсии голосов. В частности, кандидатам в случае отказа от мандата была предоставлена возможность в будущем изменить свое решение. Данные ограничения оказывали серьезное влияние на трансляцию ресурсов элит политическим партиям.

В 2009 г. партиям, набравшим от 5 до 7% голосов, было гарантировано предоставление одного (при получении 5–6%) или двух мандатов (6–7%) в Госдуме. Партии, получившие менее 3%, были лишены права на бесплатное эфирное время в будущем, но одновре-

¹ Согласно ФЗ-54 «О выборах депутатов Государственной Думы» в редакции от 21.07.2007 № 188-ФЗ, ст. 36. п. 10, численность избирателей в одной группе не могла составлять менее 650 тыс. человек. При этом если численность избирателей в одном регионе превышала 3 млн человек, то там могла быть создана единая территориальная группа.

менно освобождены от долгов по его оплате в настоящем. Данная норма ограничила доступ малых партий к медийному ресурсу.

В 2010 г. число кандидатов в общенациональной части списка было увеличено до 10 человек, а минимальное количество региональных групп в 2011 г. было сокращено до 70. В 2012 г. партии были избавлены от необходимости собирать подписи в поддержку своего списка, а порог прохождения в Госдуму был сокращен с 7 до 5%, что незначительно увеличило шансы малых партий. Подобная «либерализация» партийного законодательства открыла возможности для участия в кампании субституты, хотя требование иметь отделения в половине субъектов РФ по-прежнему ограничивало шансы малых и локализованных на отдельных территориях партий.

В 2014 г. новый рамочный закон вернул смешанную несвязанную избирательную систему, однако ограничение на количество территориальных групп осталось прежним. При этом для партий, не представленных в федеральном и региональных парламентах, было возвращено требование собирать подписи в поддержку своих списков, что можно трактовать как ограничение на участие в выборах.

Таким образом, внесение в законодательство все новых норм последовательно сокращало число потенциальных участников избирательных кампаний, серьезно ограничивая потенциальным кандидатам возможность выбрать, по списку какой партии идти. С 1999 по 2011 г. ужесточались требования к партиям со стороны ЦИК, Министерства юстиции и налоговой инспекции. Законодательные новации вели ко все большей формализации отношений между кандидатами, включенными в партийные списки, и избирательными объединениями (политическими партиями), прямым образом воздействуя на ресурсную базу последних.

Результаты частотного анализа

Частотный анализ показал, что, несмотря на изменение избирательного законодательства, пропорции представительства основных категорий элит в составе депутатского корпуса Госдумы кардинально не изменились. Разница колеблется в пределах от 0 до 4,4%.

В частности, в 2003 г. представительство региональных элит составляло 62%, в 2007 г. — 64,5, в 2011 г. — 65,1% (см. Приложение 1). Представительство общенациональных элит в 2003 г. соста-

вило 68,8%, в 2007 г. – 66,3, в 2011 г. – 64,4% (см. Приложение 2). Представительство бизнес-элит в 2003 и 2007 гг. равнялось 44%, в 2011 – 44,6% (см. Приложение 3).

Поскольку для анализа доступна вся генеральная совокупность, в проверке значимости каждого распределения нет необходимости. Результаты частотного анализа показывают, что уровень пропорции представительства элит не меняется. Таким образом, результаты статистического замера подтверждают теоретические положения обоих подходов, согласно которым представители «правлящей группы» стремятся к сохранению статус-кво и стабилизации политического режима.

Меня избирательное законодательство, «правлящая группа», как и в развитых демократиях, стремится «улучшить» правила игры, однако главным для нее остается сохранение власти, поэтому ее вполне удовлетворяет статус-кво и она согласна «заморозить» существующие пропорции представительства. Сохранение пропорции элит внутри представительных органов власти подтверждает этот тезис.

В данном случае очевидна ограниченность повестки Роккана как одного из важнейших допущений при исследовании электоральных реформ в развитых демократиях. Эта повестка рассматривает в качестве политических акторов партию или их коалицию, для которых характерно рациональное использование законодательных возможностей с целью увеличения своих шансов на переизбрание. Именно регулярность повторения выборов по старым правилам игры гарантирует им положение внутри системы. Кроме того, оппозиция всегда имеет возможность повлиять на принятие решений относительно изменения «правил игры».

В странах «серой зоны» бенефициаром реформ выступает правящая группа, поэтому логично связывать результат кампании именно с ней. Логично предположить, что правящая группа заинтересована в сохранении существующей конфигурации элит, которая поддерживает статус-кво. Причем в отличие от развитых демократий при электоральном авторитаризме правящая группа выступает единственной силой, способной проводить реформы.

Выводы

Частотный анализ эмпирически подтвердил теоретические положения о стремлении правящей группы стабилизировать суще-

ствующий статус-кво. Отсутствие изменений в пропорциях элит в составе депутатского корпуса Госдумы демонстрирует, что, несмотря на постоянную трансформацию избирательного законодательства, социальная структура правящего слоя остается прежней.

Объединение двух теоретических подходов при анализе случаев, аналогичных российскому, сформировало определенные ожидания. Правящая группа в странах электорального авторитаризма использует изменение избирательного законодательства для сохранения статус-кво. Таким образом, электоральные реформы служат инструментом для обеспечения нужного правящей группе результата, который заключается в стабилизации политического режима. Мотивы проведения избирательных реформ рациональны: правящая группа в условиях электорального авторитаризма уже обладает властью, поэтому борьба ведется не за овладение ею, а за ее укрепление. Стандартным объяснением в данном случае является распределение ресурсов среди потенциальных противников режима. Укрепив консенсус элит, автократы получают возможность максимизировать свое влияние на политический режим.

Таким образом, как и в развитых демократиях, реформы проводятся с целью «улучшить» правила игры. Однако их результат интерпретируется в соответствии не с тем, как влияет на политику голо-сование избирателей, а с тем, насколько состав элит соответствует показателям, представленным в формальных институтах.

Приложение 1

Частотность представительства региональных элит в депутатском корпусе Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации созывов 2003, 2007 и 2011 гг.

	2003 г.		2007 г.		2011 г.	
	кол-во депутатов	проценты	кол-во депутатов	проценты	кол-во депутатов	проценты
Не представи- тель регио- нальных элит	169	38,0	159	35,5	155	35,6
Представитель региональных элит	276	62,0	289	64,5	289	65,1
Всего	445	100	448	100	444	100

Приложение 2

**Частотность представительства общенациональных элит
в депутатском корпусе Государственной думы Федерального
Собрания Российской Федерации созывов
2003, 2007 и 2011 гг.**

	2003 г.		2007 г.		2011 г.	
	кол-во депутатов	проценты	кол-во депутатов	проценты	кол-во депутатов	проценты
Не представитель общенациональных элит	139	31,2	151	33,7	158	35,6
Представитель общенациональных элит	306	68,8	297	66,3	286	64,4
Всего	445	100	448	100	444	100

Приложение 3

**Частотность представительства бизнес-элит в депутатском
корпусе Государственной думы Федерального Собрания
Российской Федерации созывов 2003, 2007 и 2011 гг.**

	2003 г.		2007 г.		2011 г.	
	кол-во депутатов	проценты	кол-во депутатов	проценты	кол-во депутатов	проценты
Не представитель бизнеса	249	56,0	251	56,0	246	55,4
Представитель бизнеса	196	44,0	197	44,0	198	44,6
Всего	445	100	448	100	444	100

Список литературы

- Голосов Г.В.* Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // Полис. – М., 2005. – № 1. – С. 108-119.
- Коргунок Ю.Г., Ахременко А.С.* Трансформация структуры электоральных размежеваний в постсоветской России и изменение роли идеологической мотивации в поведении избирателей // Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических режимах» / Под ред. Ю.Г. Коргунока, Е.Ю. Мелешкиной, О.Б. Подвинцева. – М.: РАПН: РОССПЭН, 2012. – С. 188-217.

- Кынев А. В.* Политические партии в российских регионах: взгляд через призму региональной избирательной реформы // Полис. – М., 2006. – № 6. – С. 145–160.
- Подвинцев О.Б., Панов П.В., Иванова М.В.* Выборы регионального и местного уровня: пределы политики доминирования // Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических режимах» / Под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, О.Б. Подвинцева. – М.: РАПН; РОССПЭН, 2012. – С. 217–258.
- Birch S.* Electoral systems and party system stability in Post-Communist Europe // The 97 th annual meeting of the American Political Science Association. – San Francisco, 2001. – 30 August – 2 September. – Mode of access: <http://www2.essex.ac.uk/elect/database/papers/sbvolatility.pdf> (Дата посещения: 01.11.2014.)
- Boix C., Svolik M.* The foundations of limited authoritarian government: Institutions, commitment, and power-sharing in dictatorships // Journal of politics. – Cambridge, 2013. – Vol. 75, N 2. – P. 300–316.
- Coppedge M.* The dynamic diversity of Latin American party systems // Party politics. – L., 1998. – N 4. – P. 547–568.
- Diaz-Cayeros A., Magaloni B.* Party dominance and the logic of electoral design in Mexico's transition to democracy // Journal of theoretical politics. – L., 2001. – Vol. 13, N 3. – P. 271–293.
- Frye T, Reuter O., Skazonyi D.* Political machines at work: voter mobilization and electoral subversion in the workplace // World politics. – Cambridge, 2014. – Vol. 66, N 2. – P. 195–228.
- Geddes B.* What do we know about democratization twenty years later // Annual review of political science. – California, 1999. – Vol. 2. – P. 115–144.
- Gel'man V.* Party politics in Russia: From competition to hierarchy// Europe-Asia studies. – L., 2008. – Vol. 60, N 6. – P. 913–930.
- Golosov G.V.* Proportional representation and authoritarianism: evidence from russia's election law reform // Representations. – California, 2013. – Vol. 49, N 1. – P. 83–95.
- Hale H.* Why not parties? Electoral markets, party substitutes, and stalled democratization in Russia // Comparative politics. – N.Y., 2005. – Vol. 37, N 2. – P. 147–166.
- Levitsky S., Way L.* The rise of competitive authoritarianism // Journal of democracy. – Baltimore, 2002. – Vol. 13, N 2. – P. 51–65.
- Lijphart A.* Electoral systems and party systems: A study of twenty-seven democracies, 1945–1990. – Oxford: Oxford univ. press, 1994. – 209 p.
- Mainwaring S.* Party systems in the third wave // Journal of democracy. – Baltimore, 1998. – Vol. 9, N 3. – P. 67–81.
- Mozaffar S., Scarritt J., Galaich G.* Electoral institutions, ethnopolitical cleavages, and party systems in Africa's emerging democracies // American political science review. – Cambridge, 2003. – Vol. 97, N 3. – P. 379–390.
- Mozaffar S., Scarritt J.* The puzzle of African party systems // Party politics. – L., 2005. – Vol. 11, N 4. – P. 399–421.
- O'Donnell G., Schmitter P.* Transitions from authoritarian rule: Tentative Conclusions about uncertain democracies. – Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 1986. – P. 40–41.

-
- Panov P., Ross C.* Sub-National elections in Russia: Variations in united Russia's Domination of Regional Assemblies // *Europe-Asia studies*. – L., 2013. – Vol. 65, N 4. – P. 737–752.
- Petrov N., Lipman M., Hale H.* Three dilemmas of hybrid regime governance: Russia from Putin to Putin // *Post-Soviet affairs*. – Washington, DC, 2014. – Vol. 30, N 1. – P. 1–26.
- Pye L.* Money politics and transitions to democracy in East Asia // *Asian survey*. – California, 1997. – Vol. 37, N 3. – P. 213–228.
- Schedler A.* Authoritarianism's last line of defense // *Journal of democracy*. – Baltimore, 2010. – Vol. 21, N 1. – P. 69–80.
- Schedler A.* The menu of manipulation // *Journal of democracy*. – Baltimore, 2002. – Vol. 13, N 2. – P. 36–50.
- Sikk A.* How unstable? Volatility and the genuinely new parties in Eastern Europe // *European journal of political research*. – L., 2005. – Vol. 44. – P. 391–412.
- Wintrobe R.* The political economy of dictatorship. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1998. – 390 p.

РАКУРС: ФУНКЦИИ И «ДИСФУНКЦИИ» ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Г.В. ГОЛОСОВ, В.С. ГРИГОРЬЕВ НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

Введение

Одна из важнейших функций партий и партийной системы – интеграция общества не только в политическом, но и сугубо территориальном смысле этого слова. С этой точки зрения особый интерес политологов представляет процесс национализации партийных систем, под которой обычно понимается унификация электоральной поддержки политических партий в различных территориальных единицах государства.

Партийная система целиком национализирована, когда доли голосов, полученных каждой отдельной партией в различных территориальных единицах, одинаковы. Когда каждая из партий получает электоральную поддержку только в одном из округов, говорят о ненационализированной партийной системе.

Основоположников исследований в области национализации интересовали главным образом исторические предпосылки формирования общенационального электората в Соединенных Штатах и современные особенности этого процесса [Stokes, 1967; Cain, Ferejohn, Fiorina, 1987; Vertz, Frendreis, Gibson, 1987]. Для ранней компаративистики характерен также акцент на возникновении общенациональных паттернов партийного соревнования [Rose, Urwin, 1975; Jones, Mainwaring, 2003; Caramani, 2004], когда национализа-

ция рассматривалась в первую очередь как один из аспектов формирования партийной системы, ее созревания и консолидации.

С тех пор интерес исследователей явно сместился в сторону изучения общественных, политических и институциональных факторов, на долгую перспективу обуславливающих низкий уровень национализации даже в зрелых партийных системах. К факторам низкой национализации относятся этническая фрагментация, федерализм, мажоритарная избирательная система [Chhibber, Kollman, 2004; Brancati, 2008; Morgenstern, Swindle, Castagnola, 2009; Harbers, 2010; Rodden, Wibbels, 2011]. Впрочем, даже в свете всех находок, сделанных в рамках этой традиции, интуитивно более привлекательным остается подход, рассматривающий консолидацию партийной системы через повышение уровня ее национализации. Этот подход более соответствует нашему теоретически насыщенному и эмпирически достоверному историческому пониманию первых демократий. И хотя зрелые партийные системы также бывают недонационализированными, о чем свидетельствует опыт Бельгии и Швейцарии, общей тенденцией является все-таки постепенная национализация партийной системы в процессе строительства демократических институтов.

С этой точки зрения российский случай представляет собой загадку. С одной стороны, судя по немногим кросснациональным исследованиям, процессы национализации партийной системы в посткоммунистических странах, межпартийное соревнование в российских одномандатных округах в ходе фазы неконсолидированной демократии (ориентировочно в 1993–2003 гг.) не характеризовались никаким значимым общенациональным паттерном [Meleshevich, 2006; Bochsler, 2010 b; Tiemann, 2012]. С другой стороны, что касается пропорциональной части избирательной системы, эти же исследования [Bochsler, 2010 b] показывают абсолютно противоположные результаты – ими отмечается достаточно высокий, даже по сравнению с устойчивыми демократиями, уровень национализации, сохраняющийся на всем протяжении малоудачных экспериментов в электоральной сфере.

В литературе эти результаты оставлены без объяснения. Они не соответствуют ни нашим представлениям о состоянии партийной политики в посткоммунистической России, ни общепринятому теоретическому постулату о национализации партийной системы как элементе демократического развития. Эти результаты нужда-

ются в эмпирическом обогащении, обсуждении и объяснении. Нам к тому же довольно-таки мало (если вообще что-то) известно о национализации российской партийной системы после стремительного перехода России к электоральному авторитаризму – особому типу политического режима, который, оставаясь по основным формам распределения и воспроизводства власти диктатурой, в то же время допускает существование институтов, обычно ассоциируемых с демократией, – таких как частично соревновательные выборы, legislatures и партии [Schedler, 2006; Gandhi, Przeworski, 2007; Magaloni, Kricheli, 2010]. Эта трансформация затронула практически все аспекты российского политического устройства [Smyth, Lowry, Wilkening, 2007; Gill, 2012; Petrov, Lipman, Hale, 2014] и имела особо тяжкие последствия для партий [Gel'man, 2006; Golosov, 2012; Robinson, 2012].

В данном исследовании отслеживается процесс национализации российской партийной системы в 1993–2011 гг., т.е. в течение всего постсоветского периода. В то же время мы предполагаем, что предложенное объяснение, хоть и относится непосредственно к России, тем не менее способно расширить понимание динамики национализации партийной системы вообще – в особенности в новых электоральных демократиях и электоральных автократиях.

В первой части статьи дается краткий обзор исследований в области национализации партийных систем – с целью дать представление о теоретических концепциях и подходах, необходимых для объяснения наблюдаемых феноменов. Во второй части обсуждается методологический инструментарий; особое внимание уделяется методике измерений. Подведение предварительных результатов позволяет поместить российский случай в более широкий сравнительный контекст. Наконец, в последней части дается систематичное объяснение особенностей процесса национализации голосования в России.

Факторы партийной национализации: Россия в сравнительной перспективе

Одной из наиболее обсуждаемых в литературе о России периода электоральной демократии (1993–2003) была тема неудачи со строительством жизнеспособной партийной системы как устой-

чивого и постоянно воспроизводящегося паттерна межпартийного соревнования. Отмечено несколько факторов, обусловивших этот провал. Учитывая отмеченную выше связь между недоразвитостью партий и низким уровнем национализации партийной системы, важно уделить особое внимание тому воздействию, которое эти факторы предположительно оказали на формирование общенационального электората.

Ряд исследователей в качестве ключевого фактора формирования партийной системы в целом и партийной национализации в частности выделяют наследие коммунистического строя (вообще или его советской разновидности), а также связанные с этим особенности постсоветского режимного транзита [Tiemann, 2012]. Коммунистический режим препятствовал становлению структур гражданского общества и организованных групп интересов [Kitschelt, Smyth, 2002]. Этим, в свою очередь, в значительной мере объясняются высокая электоральная волатильность [Rose, Munro, White, 2001], связанная с ней недоразвитость партийной идентификации и низкий уровень устойчивости идеологических воззрений российского электората [Rose, Mishler, 2010]. Теоретически такого рода социальные факторы не должны влиять на уровень национализации партийной системы напрямую, потому что даже крайне волатильные партии могут получать у национального электората достаточно равномерную поддержку. Тем не менее отсутствие партийной идентификации и приверженности определенной идеологии заставляет избирателя в момент голосования обращаться к другим ориентирам. В литературе по электоральному поведению выделяется множество таких потенциальных ориентиров [Campbell et al., 1960], но для краткости сведем их к двум: к так называемому личностному компоненту [Cain, Ferejohn, Fiorina, 1987] и к общенациональным политическим влияниям.

К личностному компоненту голосования относятся все факторы электорального поведения, связанные с личными характеристиками и ресурсами кандидата, включая репутацию, патронажные связи и материальные ресурсы. Конечно, этот компонент приобретает значение, только когда политики в принципе имеют возможность в течение сколько-нибудь продолжительного времени формировать собственную репутацию и обзаводиться прочими личными ресурсами. Представляется, что российский случай именно таков. В отличие от стран Центральной и Восточной Европы, где уже самые

первые выборы после падения коммунизма были структурированы преимущественно партиями, российские «учредительные выборы» 1990–1991 гг. проводились в условиях конституционно закрепленной политической монополии Коммунистической партии [Fish, 1995]. Избирательные кампании строились в основном вокруг личных качеств отдельных кандидатов. Стремящиеся в политику деятели – а именно такие люди составили ядро российского политического класса в постсоветское время – продолжали после избрания укреплять собственную ресурсную базу, что позволило им впоследствии выходить на выборы, не опираясь на сколько-нибудь содержательную связь с политическими партиями [Golosov, 2002]. Большинство политиков по определению могут выстроить свою базу поддержки только на местном, а не на национальном уровне. В соответствии с общепринятыми теориями возникновения партий в ранних демократиях [Cox, 1987; Aldrich, 1995] это объясняет также, почему партии не смогли укорениться на обширных российских окраинах [Golosov, 2004; Hale, 2006; Smyth, 2006]. Сравнительные исследования процесса национализации партийных систем указывают и на то, что преобладание личностного компонента в голосовании смещает локус политики на местный уровень [Brancati, 2008; Simón, 2013].

К широкому зонтичному понятию общенациональных политических влияний относят разнообразные проблемы общенационального значения, обсуждая которые, партии мобилизуют электоральную поддержку. Набор таких проблем довольно широк, начиная с состояния дел в экономике и заканчивая внешней политикой [Merrill, Grofman, 1999]. Общенациональные политические влияния по определению подавляют местные факторы электорального поведения. Впрочем, наличие эффективных партийных организаций на низовом уровне смягчает эту тенденцию. Если кампания ведется преимущественно на местном уровне – силами партийных активистов и посредством подомовой агитации, – то взгляд избирателя на национальные проблемы, вероятно, во многом будет сформирован теми ориентирами, которыми его обеспечат эти активисты. Однако если у партий по большей части отсутствуют организации на низовом уровне (а именно так обстояли дела в России на протяжении всей ее новейшей политической истории), то мощнейшим фактором формирования политической повестки дня и, как следствие, электорального поведения становятся националь-

ные средства массовой информации [McCombs, 2004]. Принято полагать, что в российских избирательных кампаниях доминируют общенациональные электронные СМИ – в первую очередь телевидение [Enikolopov, Petrova, Zhuravskaya, 2011]. В этом контексте слабость территориального организационного проникновения партий следует считать фактором, положительно влияющим на степень национализации политики.

Второй фактор, часто рассматриваемый в качестве детерминанты уровня национализации партийной системы, – федерализм, или, шире, децентрализация. Одна из замечательных догадок Чиббера и Коллмана [Chhibber, Kollman, 2004] состоит в том, что влияние региональных партий зависит от степени политической автономии на субнациональном уровне. Схожие результаты отмечаются и другими авторами [Jones, Mainwaring, 2003; Thorlakson, 2007; Brancati, 2008; Harbers, 2010]. В то же время в работах других исследователей тезис о негативном влиянии федерализма на национализацию партийной системы подтверждается лишь частично (Morgenstern, Swindle, and Castagnola 2009; Lago-Peñas and Lago-Peñas 2011). По нашему мнению, эти расхождения отражают фундаментальное различие между двумя моделями федеральной институционализации: непартийной и партийной, получившей теоретическое обоснование в классическом труде Райкера [Riker, 1964], примером которой служат Соединенные Штаты. Общеизвестно, что российский федерализм – в том виде, как он функционировал в 1990-е и в начале 2000-х, – был примером непартийной модели и что особенности федеративных отношений этого периода препятствовали развитию общенациональных политических партий [Kahn, 2002; Ross, 2003].

Разумеется, федерализм непартийного типа способствует локализации партийной политики, и между федерализмом и сильным личностным компонентом голосования возникает сонаправленное взаимодействие, еще больше подрывающее национализацию партийной системы. Впрочем, огромное значение имеет организационная форма, которую принимает взаимодействие этих двух факторов. Инструментом для описания и объяснения этой модели взаимодействия между местными политическими группами и национальными политическими партиями в России является концепция региональной политической машины [Hale, 2003; Golosov, 2013]. Политические машины возникли в ходе борьбы за власть на

региональном уровне в 1990-е годы. Основная цель машин заключалась в обеспечении победы на губернаторских выборах, отчего их также часто называют губернаторскими политическими машинами. В конце 1990-х они выдвинулись на национальную политическую сцену, став одним из факторов, определяющих исход голосования на думских выборах в разных регионах [Berezkin, Myagkov, Ordeshook, 2003]. При этом губернаторские политические машины не были замкнуты на конкретную партию. Одной из удивительных особенностей российского политического развития является трансплантируемость политических машин, возможность их передачи от одного игрока к другому [Golosov, 2014]. Эта особенность заставляет сомневаться в их влиянии на степень национализации партийной системы. Когда по какой-то причине ресурсы нескольких политических машин ориентированы на поддержку нескольких сильных или даже одну-единственную национальную партию, разумно ожидать повышения единообразия кроссрегионального голосования.

Третий фактор, способный оказывать влияние на национализацию партийной системы, – это президентализм. Президентские выборы подавляют в электорате местнический настрой, апеллируя к общенациональным политическим темам [Shugart, Carey, 1992; Hicken, Stoll, 2011]. Как показал Бранкати, президентализм положительно влияет на национализацию партийной системы, но только если президентские и парламентские выборы проводятся одновременно [Brancati, 2008]. И хотя в России президентские выборы ни разу не проводились одновременно с думскими, в литературе отмечается, что начиная с 1995 г. партии строили свою предвыборную кампанию с учетом приближающейся схватки за президентский пост [Sakwa, 2000]. Если думские выборы рассматриваются как своего рода праймериз перед президентскими, то национальные политические влияния должны преобладать над местными.

Следовало бы предположить, что электоральный авторитаризм будет влиять на национализацию партийной системы. Однако единственное предположение по поводу того, каким будет это влияние, проистекает из уже упоминавшейся выше теории, связывающей зрелость демократии со складыванием национального электората. Из этой теории следует, что в несовершенных демократиях партийная система должна быть недонационализированной. Эта аргументация,

впрочем, эмпирически пока не проверялась. Теоретически же можно выдвинуть весьма убедительный контраргумент: электоральные автократии, коль скоро их основными целями являются поддержание политической монополии и демонстрация отсутствия жизнеспособных политических альтернатив [Magaloni, Kricheli, 2010], везде должны хотеть и быть способными обеспечивать проправительственным партиям более высокий уровень электоральной поддержки. На системном уровне это может приводить к довольно высокому уровню территориального единообразия голосования.

Наконец, имеющиеся сравнительные исследования указывают на важную роль электоральных правил как фактора национализации голосования. Одной из догм электоральной компаративистики является тезис, согласно которому местный политический активизм более развит в избирательных системах с округами малой величины, т.е. в плюральных / мажоритарных системах [Rae 1967; Taagepera, Shugart, 1989], что имеет очевидные последствия для национализации партийной системы. Эта теория была проверена эмпирически и целиком подтвердилась [Brancati, 2008; Morgenstern, Swindle, Castagnola, 2009]. Большую часть истории своего посткоммунистического развития Россия избирала нижнюю палату парламента посредством смешанной несвязанной системы, совмещающей голосование по правилу простого большинства в 225 одномандатных округах с голосованием по пропорциональной системе в едином общенациональном округе, по итогам которого также распределялись 225 мандатов. Теоретически голосование в одной части избирательной системы должно было приводить к низким уровням национализации, в то время как другая часть потенциально могла способствовать складыванию национального электората. Как отмечено выше, имеющиеся данные подтверждают эту теорию: действительно, между паттернами партийной поддержки в пропорциональной и мажоритарной частях избирательной системы наблюдаются значимые расхождения. В связи с этим в фокусе нашего анализа в дальнейшем будет не столько непосредственное влияние избирательной системы на национализацию (на этот счет сложилось убедительное недвусмысленное мнение), сколько взаимодействие избирательных правил с другими потенциально значимыми факторами.

Методология и предварительные результаты

Долгое время главным препятствием для сравнительного изучения уровня национализации партийных систем было отсутствие надежного измерительного инструментария [Caramani, 2004]. Многие индексы, предложенные в исследованиях первой волны, не отвечали даже самым базовым требованиям. Ситуация коренным образом изменилась после публикации в 2003 г. Джонсом и Майнварингом индекса национализации партийной системы, определенной через сумму обратных коэффициентов неравенства территориальной поддержки отдельных партий (коэффициентов Джини), взвешенных в соответствии с размерами этих партий [Jones, Mainwaring, 2003]. Со временем этот показатель стал основным инструментом для измерения уровня национализации голосования в сравнительных исследованиях. С индексом национализации Джонса – Майнваринга коррелируют альтернативные измерители, так называемые «инфляционные меры» [Cox, 1997; Chhibber, Kollman, 2004; Moenius, Kasuya, 2004; Kasuya, Moenius, 2008]. Они успешно применяются при решении самых разнообразных исследовательских задач, однако бесполезны, когда требуется определить степень национализации как партийной системы в целом, так и отдельных входящих в нее партий. «Инфляционные меры» измеряют системный уровень и неразложимы на меньшие составляющие уровни. Поскольку мы планируем выйти на уровень отдельных партий, нам придется обойтись без них.

В более поздней литературе выдвигались предложения улучшить метод измерения уровня национализации партийной системы, дополнив индексы информацией об относительном размере избирательных округов, избирательной системе, размере округов и пр. [Bochsler, 2010 a; Morgenstern, Polga-Hecimovich, Siavelis, 2014]. По нашему мнению, попытки втиснуть всю потенциально важную информацию в единый численный показатель не слишком плодотворны, поскольку осложняют эмпирическое исследование, колоссально повышая требования к данным. К тому же построение любого индекса требует выделить наиболее значимые характеристики за счет вторичных. Вообще же, один из главных недостатков индекса партийной национализации Джонса – Майнваринга заключается в том, что он очень сложно рассчитывается даже в первоначальном виде. Индекс строится на коэффициенте Джини и

наследует его вычислительную основу, предполагающую ранжирование всех компонентов от наибольшего к наименьшему. Такое ранжирование, кроме всего прочего, должно быть сделано для каждой отдельной партии.

Для решения этой проблемы мы разработали альтернативный измеритель – индекс национализации партийной системы. Концептуально он похож на измеритель Джонса – Майнваринга, но не требует перекомпоновки данных и потому значительно легче рассчитывается. Алгебраическое построение индекса, основывающееся на широко известном индексе концентрации Херфиндаля – Хиршмана и, следовательно, на стандартном отклонении [Feld, Grofman, 2007; Golosov, 2010], имеет надежный теоретический фундамент и детально объясняется в другой нашей статье [Golosov, 2014]. Проверка на большой кросснациональной базе данных показала, что коэффициент корреляции Пирсона этого нового индекса с индексом Джонса – Майнваринга равен 0,997. Индекс рассчитывается по следующей формуле:

$$IPSN = \sum_1^n \left(\left(1 - \frac{n - ((\sum_1^n s_i)^2 / \sum_1^n s_i^2)}{n - 1} \right) p_i \right),$$

где n – это количество избирательных округов или других территориальных единиц; s_i – процент голосов, или доля мест, полученных i -й партией в каждой территориальной единице; а p_i – доля голосов, или мест, полученных i -й партией по стране в целом. Как видно из формулы, это композитный индекс, составленный из индексов национализации голосования за отдельные партии. Это позволяет применять его в исследованиях как системного, так и индивидуального уровня.

Основным источником данных для исследования послужили результаты выборов в Госдуму в период с 1993 по 2011 г., опубликованные в официальных отчетах Центральной избирательной комиссии России. В анализ включены данные выборов 1993, 1995, 1999, 2003, 2007 и 2011 гг. Уровень индивидуальной национализации рассчитывался для каждой из партий вне зависимости от уровня электоральной поддержки. На выборах 1993 г. в мажоритарной и пропорциональной частях избирательной системы представлено по 13 партий. На выборах 1995–2003 гг. число партий, участвовавших в выборах по мажоритарной и пропорциональной

системам, составляло соответственно 64 и 43 в 1995 г., 27 и 26 – в 1999 г., 29 и 23 – в 2003 г. Выборы 2007 и 2011 гг. проводились по пропорциональной системе; в них участвовало 11 и семь партий, соответственно. Естественно, что независимым кандидатам, баллотирующимся по мажоритарной системе, были присвоены нулевые значения уровня национализации.

Основная трудность при решении поставленной задачи заключается в том, что данные по мажоритарной и пропорциональной системам агрегируются в официальных отчетах Центральной избирательной комиссии по-разному. Данные выборов по мажоритарной системе собираются по избирательным округам, а по пропорциональной – по регионам. Поскольку для целей исследования крайне важна сравнимость результатов, решено было агрегировать данные обеих частей избирательной системы на уровне регионов. Это потребовало пересчитать результаты голосования в округах через совокупную процентную долю голосов, полученных кандидатами каждой из партий в каждом из регионов. Ради сочетаемости данных число наблюдений по регионам в разных частях избирательной системы было выровнено. Не учитывались, к примеру, результаты, полученные в 1993 г. в Татарстане по партийным спискам, поскольку выборов по мажоритарной системе в соответствующих округах не проводилось. Этим, а также сокращением числа субъектов Федерации в 2000-е годы объясняется колебание числа региональных наблюдений в диапазоне от 83 до 89. Математическая конструкция индекса национализации партийной системы такова, что влияние отклонений подобного рода на его значения пренебрежимо мало.

Партийная принадлежность кандидата устанавливалась только по критерию его официального выдвижения партией. Этот же подход применяется к данным выборов 1993 г., несмотря на то что во многих ранних исследованиях вследствие недоступности соответствующей информации партийная принадлежность нередко определялась по заявлениям самих кандидатов. Данные 1993–2003 гг. и последующих выборов, проводившихся только по партийным спискам, агрегировались без учета голосов «против всех» и недействительных бюллетеней. Этим объясняется расхождение ряда показателей, представленных в следующей части, с официальными результатами ЦИК (2003–2013). Все вычисления в настоящем ис-

следовании производились на основе долей действительных бюллетеней, поданных за партию или кандидата.

В таблице 1 представлены показатели уровня национализации партийной системы для всех выборов – с отдельными показателями для каждой из частей избирательной системы. Чтобы поместить российский случай в более широкий сравнительный контекст, приведены также показатели индекса для 12 других стран. При отборе этих стран мы стремились к тому, чтобы в выборке были представлены различные типы общественного и политического / институционального устройства. Из таблицы 1 видно, что при голосовании по пропорциональной системе наблюдался высокий уровень национализированного межпартийного соревнования, сравнимый как с устойчивыми, так и с новыми демократиями. Степень национализации российской партийной системы была довольно высока уже в 1993 г. Она немного снизилась в 1995-м, но затем вернулась к прежнему уровню и в 2003–2007 гг. только нарастала, достигнув в итоге очень высокого уровня по международным стандартам. Небольшой спад наблюдался в 2011 г., однако он не отменил факта существования в России одной из самых национализированных в мире партийных систем. Переход к электоральному авторитаризму, таким образом, не повлиял на тенденцию к повышению степени национализации партийной системы. Более того, в абсолютных числах наибольший рост уровня национализации партийной системы произошел в 2007 г. – на наименее конкурентных из всех думских выборов, проходивших когда-либо в России.

Таблица 1

**Уровень национализации партийной системы:
Россия в сравнительной перспективе**

Страна	Год выборов	Избирательная система	Индекс национализации партийной системы
1	2	3	4
Чехия	2006	пропорциональная	0,96
Россия	2007	пропорциональная	0,92
Россия	2011	пропорциональная	0,87
Россия	2003	пропорциональная	0,86
Мексика	2006	пропорциональная	0,85

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
Италия	2008	пропорциональная	0,84
Россия	1993	пропорциональная	0,80
Россия	1999	пропорциональная	0,80
Австралия	2007	альтернативное голосование	0,80
США	2006	плюральная	0,79
Россия	1995	пропорциональная	0,75
Великобритания	1997	плюральная	0,75
Канада	2008	плюральная	0,71
Бразилия	2006	пропорциональная	0,67
Нигерия	2003	плюральная	0,63
Швейцария	2011	пропорциональная	0,60
Бельгия	2010	пропорциональная	0,44
Индия	2004	плюральная	0,33
Россия	2003	плюральная	0,29
Россия	1995	плюральная	0,20
Россия	1999	плюральная	0,17
Россия	1993	плюральная	0,09

Источник: [ЦИК (2003–2011), 2014]. Электоральная статистика по семи странам взята из Архива результатов голосования по округам (<http://www.electiondataarchive.org>; [Kollman et al. 2013], а по оставшимся странам – из следующих первичных источников: Австралия – Electoral Commission, <http://results.aec.gov.au>; Бельгия – Direction Générale Institutions et Population, <http://polling2010.belgium.be>; Италия – Ministero dell’Interno, <http://elezionistorico.interno.it>; Мексика – Instituto Federal Electoral, <http://www.ife.org.mx>; Швейцария – Bundesverwaltung Statistik Schweiz, <http://www.bfs.admin.ch>. Доступ ко всем интернет-источникам – с сентября 2013 г. по февраль 2014 г.

Анализ паттернов партийного соревнования по мажоритарной системе в 1993–2003 гг. обнаруживает совершенно другую картину. Как видно из табл. 1, уровень национализации партийной системы в мажоритарной части оставался чрезвычайно низким. Здесь показатели национализации существенно ниже показателей других стран, вне зависимости от типа избирательной системы и других потенциально важных факторов. Мажоритарные выборы 1993 г. не имели практически никакого общенационального паттерна межпартийного соревнования. К 1995 г. наметился крайне медленный прогресс в сторону повышения уровня национализации, но в 1999 г. произошел откат. Выборы 2003 г. вновь констатировали повышение уровня национализации партийной системы, но даже теперь Россия отставала от стран с индексом ниже 0,5 – Индии с ее многочисленными региональными

партиями и Бельгии, где лишь немногие партии способны преодолеть границы лингвистических сообществ. Таким образом, предварительный анализ всецело подтвердил наличие разительного расхождения между степенью национализации в мажоритарной и пропорциональной частях российской избирательной системы. Чтобы объяснить это расхождение, необходимо спуститься с системного уровня анализа на индивидуальный.

Результаты и анализ

В данной части приведен детальный анализ процесса национализации голосования в России на уровне отдельных партий. В табл. 2–6 представлены показатели индекса национализации для каждой из партий, получивших не менее 2% голосов хотя бы по одной из частей избирательной системы в 1993–2003 г. и по партийным спискам в 2007–2011 гг. Индекс национализации голосования за отдельную партию является основным структурным компонентом индекса национализации партийной системы, описанного в предыдущей части. Этим обеспечивается совместимость результатов. Математически индекс задан следующей формулой:

$$IPN = 1 - \frac{n - ((\sum_1^n s_i)^2 / \sum_1^n s_i^2)}{n - 1}.$$

В табл. 2–6 также отражены доли голосов, полученных каждой партией по стране в целом. Данные голосований по округам за 1993 г. никогда таким образом не агрегировались, так что уже сама их публикация углубляет наши познания о ранней электоральной политике в посткоммунистической России.

Если показатели индекса национализации по пропорциональной системе относительно просты и не нуждаются в пояснении, то с показателями по мажоритарным округам дело обстоит сложнее. Низкие уровни национализации голосования за партию по мажоритарной системе могут быть вызваны двумя разными причинами: с одной стороны, большими расхождениями в голосовании за партию в разных регионах, с другой стороны, неспособностью партии выдвигать во многих регионах своих кандидатов. Чтобы отличить одно от другого, индекс национализации голосования за партию в ма-

жоритарных округах был дополнен двумя показателями. Первый из них – тот же индекс, но рассчитанный исключительно для регионов, где партия действительно участвовала в выборах по округам. Технически это значит, что n в приводимой выше формуле определяется не как общее число регионов, а как число регионов, в которых партия выдвигала кандидатов. Мы будем называть этот измеритель «скорректированным индексом национализации голосования». Помимо этого ради простоты восприятия приводим данные о числе округов, в которых каждая из партий выдвигала кандидатов. Учитывая, что общее число округов менялось незначительно, этого абсолютно достаточно для передачи всей необходимой информации.

Таблица 2

**Уровень партийной национализации
на думских выборах 1993 г.**

Партия	Выборы по спискам		Выборы в одномандатных округах		
	доля голосов, %	национализация партии	доля голосов, %	национализация партии	скорректированная национализация партии
ЛДПР	24,4	0,92	3,5	0,15	0,42
Выбор России	14,4	0,87	8,1	0,32	0,58
КПРФ	13,2	0,74	4,2	0,20	0,56
Женщины России	8,7	0,91	0,7	0,02	0,41
АПР	8,5	0,70	6,5	0,23	0,64
«Яблоко»	8,3	0,80	4,2	0,21	0,48
ПРЕС	7,2	0,64	3,2	0,27	0,58
Демократическая партия России	5,9	0,46	2,4	0,18	0,60
РДДР	4,3	0,82	2,5	0,19	0,66
Гражданский союз	2,0	0,79	3,5	0,27	0,56
Другие (3 по партийным спискам / 3 в одномандатных округах)	2,9	0,89*	2,6	0,09*	0,53*
Независимые	N/A	N/A	58,6	0,00*	0,00*

* Средние показатели

Источник: [ЦИК (2003–2011), 2014].

Таблица 3

**Уровень партийной национализации
на думских выборах 1995 г.**

Партия	Выборы по спискам		Выборы в одномандатных округах		
	доля голосов, %	национализация партии	доля голосов, %	национализация партии	скорректированная национализация партии
КПРФ	23,4	0,84	14,2	0,52	0,74
ЛДПР	11,7	0,86	6,2	0,63	0,77
НДР	10,6	0,66	6,2	0,37	0,58
«Яблоко»	7,2	0,71	3,6	0,25	0,62
Женщины России	4,8	0,85	1,2	0,11	0,52
КТР	4,8	0,87	2,0	0,23	0,58
Конгресс русских общин	4,5	0,77	3,3	0,28	0,51
Партия самоуправления трудящихся	4,2	0,77	0,8	0,05	0,23
Демократический выбор России	4,1	0,65	3,0	0,23	0,50
АПР	4,0	0,47	6,8	0,29	0,47
Держава	2,7	0,37	0,7	0,06	0,27
Вперед, Россия!	2,0	0,83	2,3	0,14	0,36
Другие (31 по партийным спискам / 52 в одномандатных округах)	16	0,66*	14,2	0,04*	0,41*
Независимые	N/A	N/A	35,4	0,00*	0,00*

* Средние показатели

Источник: [ЦИК (2003–2011), 2014].

Таблица 4

**Уровень партийной национализации
на думских выборах 1999 г.**

Партия	Выборы по спискам		Выборы в одномандатных округах		
	доля голосов, %	национализация партии	доля голосов, %	национализация партии	скорректированная национализация партии
КПРФ	25,6	0,89	15,6	0,50	0,73
Единство	24,6	0,90	2,5	0,10	0,40
ОВР	14,1	0,45	9,8	0,27	0,54
СПС	9,0	0,81	3,5	0,27	0,69
ЛДПР	6,3	0,89	1,5	0,37	0,64
«Яблоко»	6,3	0,80	5,8	0,45	0,64
КТР	2,3	0,84	0,5	0,10	0,69
Женщины России	2,2	0,85	0,6	0,05	0,45
Партия пенсионеров	2,1	0,78	0,8	0,12	0,65
НДР	1,3	0,38	3,1	0,19	0,32
Другие (16 по партийным спискам / 17 в одномандатных округах)	6,3	0,75*	7,5	0,07*	0,38*
Независимые	N/A	N/A	48,8	0,00*	0,00*

* Средние показатели

Источник: [ЦИК (2003–2011), 2014].

Таблица 5

**Уровень партийной национализации
на думских выборах 2003 г.**

Партия	Выборы по спискам		Выборы в одномандатных округах		
	доля голосов, %	национализация партии	доля голосов, %	национализация партии	скорректированная национализация партии
Единая Россия	40,1	0,93	27,6	0,56	0,75
КПРФ	13,5	0,89	12,8	0,56	0,68
ЛДПР	12,2	0,89	3,6	0,51	0,65
Родина	9,6	0,83	3,4	0,14	0,36
«Яблоко»	4,6	0,81	3,0	0,29	0,54
СПС	4,2	0,75	3,4	0,22	0,39
АПР	3,9	0,54	2,2	0,15	0,33
Партия российских пенсионеров и Партия социальной справедливости	3,3	0,81	0,7	0,11	0,48
Партия возрождения России и Российская партия жизни	2,0	0,83	3,1	0,22	0,35
НПРФ	1,3	0,78	5,2	0,12	0,34
Другие (13 по партийным спискам / 19 в одномандатных округах)	5,3	0,71	4,0	0,04	0,36
Независимые	N/A	N/A	31,0	0,00*	0,00*

* Средние показатели

Источник: [ЦИК (2003–2011), 2014].

Таблица 6

**Уровень партийной национализации на думских выборах
2007–2011 гг.**

Партия	2007 г.		2011 г.	
	Доля голосов, %	Национализа- ция партии	Доля голосов, %	Национализа- ция партии
Единая Россия	65,0	0,97	50,0	0,90
КПРФ	11,7	0,88	19,5	0,90
ЛДПР	8,2	0,86	11,9	0,84
Справедливая Россия	7,8	0,83	13,5	0,82
АПР	2,3	0,73	N/A	N/A
«Яблоко»	1,6	0,66	3,5	0,71
Другие (5 в 2007 / 2 в 2011)	3,3	0,75*	1,6	0,81*

* Средние показатели

Источник: [ЦИК (2003–2011), 2014].

В табл. 2 отражены данные по выборам 1993 г. Как следует из таблицы, при голосовании по пропорциональной системе почти все партии демонстрировали высоконационализированные паттерны электоральной поддержки. Особенно высокими показатели национализации были у тех партий, которые на момент выборов почти не располагали местными политическими ресурсами: у Либерально-демократической партии России (ЛДПР) и у «Женщин России». Голосование за эти партии обуславливалось почти исключительно национальными политическими влияниями, распространяемыми на электорат посредством эффективной телевизионной предвыборной кампании (ЛДПР) либо простыми указателями на идентичность («Женщины России»). Ведущая продемократическая и рыночная партия того времени, «Выбор России», демонстрировала очень похожий паттерн национализации, что говорит о неспособности этого формирования, первоначально считавшегося «партией власти», конвертировать статус проправительственной партии и связи с государственным аппаратом в заметное электоральное пре-

имущество на местах. Ясно выраженный паттерн электоральной поддержки наблюдается только в случае с альтернативной проправительственной Партией российского единства и согласия (ПРЕС). Относительно низкий показатель уровня национализации голосования за ПРЕС объясняется близкими связями руководства партии с некоторыми из региональных боссов, особенно в национальных республиках. Определенную регионализацию голосования можно отметить и у партий, унаследовавших значимые организационные ресурсы: у Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ), «позаимствовавшей» сеть местных партячеек у Коммунистической партии Советского Союза, и у Аграрной партии России (АПР), черпавшей свои ресурсы из колхозной системы, все еще функционировавшей в 1993 г.

Из таблицы 2 следует также, что главной причиной необычайно низкого уровня национализации в мажоритарной части избирательной системы в 1993 г. была явная неспособность партий привлечь в свои ряды сколько-нибудь заметное число кандидатов-одномандатников. Многие будущие политики предпочитали оставаться беспартийными. Даже «Выбор России» сумел выставить кандидатов лишь в половине округов. Впрочем, показатели скорректированного индекса национализации показывают крайнюю неоднородность поддержки и в тех округах, где кандидаты были выдвинуты. Заметно, что особенно низкий уровень национализации демонстрирует ЛДПР, кандидаты которой участвовали в выборах в относительно большом числе округов. Ее кандидаты были собраны под знамена ЛДПР лишь накануне выборов, являли собой исключительно разнородную группу и были крайне неравномерно наделены средствами на ведение кампании. Из таблицы 2 видно, что КПРФ участвовала в выборах даже в меньшем количестве округов, чем ЛДПР, и ее кандидаты также пользовались довольно разнородной электоральной поддержкой. Во многом это объяснялось тем, что в то время КПРФ являлась главной мишенью нападок проправительственных СМИ. Ее кандидаты столкнулись с реальной угрозой отстранения от участия в выборах, поэтому придерживались очень осторожной стратегии, что, вероятно, сказалось на кампании партии в отдельных районах.

В 1995 г. уровень партийной национализации на выборах по пропорциональной системе несколько снизился. Как следует из таблицы 3, отчасти это было вызвано ростом малых партий. В отличие

от предыдущей думской кампании, в 1995 г. эти партии не только получили довольно большой совокупный процент голосов, но также пользовались неравномерной региональной поддержкой. Хотя такое положение дел вполне соответствует положению дел во многих других странах, этот феномен свидетельствует также о выходе на сцену региональных политических машин. Действительно, некоторые из участвовавших в выборах малых партий – например, «Преображение Отечества» – были чисто региональными формированиями, всецело подконтрольными местным политическим руководителям. В то же время сохранение национального влияния в пропорциональной части избирательной системы проявилось в повысившемся уровне национализации голосования за ведущую партию – КПРФ. Подтверждением важности идеологической притягательности и обращения к идентичности стало высоконационализированное голосование за «Женщин России» и избирательный блок «Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз» (КТР). В то же время голосование за новую проправительственную партию – «Наш Дом – Россия» (НДР) – было лишь умеренно национализированным. Этот показывает, что НДР начала поглощать в ряде субъектов РФ, в основном в этнических республиках, региональные политические машины. Степень национализации голосования за «аграриев» значительно снизилась, и АПР переместилась в естественную для себя нишу партии с отраслевой поддержкой.

Из 64 партий, участвовавших в 1995 г. в выборах по мажоритарной системе, лишь КПРФ и ЛДПР сумели выставить своих кандидатов хотя бы в половине из 225 округов. Эти партии также продемонстрировали более высокое единообразие территориальной поддержки, из чего следует, что, в отличие от 1993 г., успехи сильнейших в национальном масштабе партий по пропорциональной и мажоритарной системам были уже тесно связаны друг с другом. В силу ряда особенностей, присущих плюральным избирательным системам, это сыграло на руку КПРФ, позволив ее кандидатам победить в 25,8% одномандатных округов при 14,2% полученных голосах, зато оказалось пагубным для ЛДПР, конвертировавшей 6,2% голосов всего лишь в одно депутатское место. Национализация голосования за «Яблоко» заметно выросла, оставшись, впрочем, относительно низкой. Остальные партии проявили примерно такую же способность выставлять кандидатов в округах и то же единообразие электоральной поддержки, что и в 1993 г. Это и не-

удивительно, учитывая, что, как и в 1993 г., большинство из них либо были созданы с чистого листа буквально накануне избирательной кампании, либо, как «Демократический выбор России», претерпели к 1995 г. фундаментальные изменения.

В 1999 г. вырос уровень партийной национализации при голосовании по пропорциональной системе. Как следует из табл. 4, это случилось прежде всего потому, что большинство старых партий, включая КПРФ, либо стали более национализированными, либо сохранили прежний уровень национализации, а среди успешных новых партий он изначально был довольно высоким. Это относится к Союзу правых сил (СПС) и особенно к новой проправительственной партии – «Единству». Кампания 1999 г. была настолько сконцентрирована на общенациональных проблемах (грядущие президентские выборы и пр.), а общенациональные электронные СМИ настолько доминировали в информационном пространстве, что преобладание национальных воздействий на голосование было неизбежным. Эта тенденция к росту национализации, какой бы сильной она ни была, отчасти уравнивалась участием в выборах блока «Отечество – Вся Россия» (ОВР), обязанного своим успехом в основном связям с влиятельными региональными боссами (в основном в республиках), имели в своем распоряжении функциональные, не дающие сбоев политические машины. Прежняя «партия власти», НДР, тоже сохранила кое-где региональную поддержку.

Рост национализации в списочной части сопровождался в 1999 г. снижением национализации в мажоритарных округах. Как следует из наших данных, отчасти это произошло из-за того, что лишь две партии, КПРФ и «Яблоко», сумели выдвинуть кандидатов хотя бы в половине округов. Число кандидатов от других партий было небольшим, особенно это заметно в случае с «Единством», при голосовании по пропорциональной системе занявшим второе место. Впрочем, даже старые партии (ЛДПР, «Женщины России», КТР) массово отстранились от участия в выборах по одномандатным округам, хотя в тех округах, где их кандидаты были представлены, их поддержка осталась равномерной. Чтобы понять природу этого феномена, следует учесть, что к 1999 г. губернаторские политические машины находились в зените своей мощи. На выборах по пропорциональной системе с их помощью собирались голоса для различных партий: для ОВР, «Единства» и КПРФ. Однако в одномандатных округах губернаторы не были готовы ни

подчинить своих кандидатов партийной дисциплине (что объясняет рост голосования за независимых кандидатов), ни подвергнуть их риску соперничества с кандидатами от сильных партий. Таких сильных посторонних кандидатов либо силой выдавливали с электорального поля, либо они уходили добровольно – их отзывали лидеры общенациональных партий в обмен на большую долю голосов в списочной части. В этом отношении выборы 1999 г. явились переломным моментом, ознаменовавшим переход от прежней тенденции к росту партийной национализации, сопровождавшейся и усиливаемой постепенным организационным укреплением партий. В 1999 г. эта тенденция натолкнулась на сильную противодействующую тенденцию, порожденную встраиванием губернаторских политических машин в национальный политический порядок.

На выборах 2003 г. рост уровня национализации при голосовании по пропорциональной системе был усилен возникновением новой «партии власти», «Единой России», национализация голосования которой была беспрецедентной. Абсолютное доминирование общенациональных влияний подтверждается тем фактом, что почти все другие партии, включая самые маленькие, также продемонстрировали весьма однородные паттерны поддержки. Единственным исключением стала АПР, сохранившая свой отчетливый сельский профиль. Табл. 5 показывает, что определенный прогресс в национализации голосования наблюдался и в мажоритарной части. Эта тенденция, однако, была вызвана почти исключительно тем, что кандидаты от «Единой России» получали относительно равномерную поддержку во всех регионах (выдвигались они, впрочем, лишь в 60% округов). Как и прежде, опорой партии при голосовании по пропорциональной системе были губернаторские политические машины, а следовательно, во многих регионах ей пришлось в обмен на лояльность губернаторов соглашаться с тем, что в мажоритарных округах они будут поддерживать беспартийных кандидатов или кандидатов от других партий, включая созданную накануне Народную партию (НПРФ) – единственное в новейшей истории России политическое образование, сумевшее получить по мажоритарной системе значительно больше мест, чем по спискам.

Это явное противоречие было разрешено отменой голосования в мажоритарных округах, сопровождавшейся политической централизацией и переходом к электоральному авторитаризму. Как видно по таблице 6, уровень национализации у всех партий, высту-

пивших сколько-нибудь успешно в 2007 и 2011 гг., был запредельно высоким. «Яблоко», ставшее малой внепарламентской партией, сохранило региональные базы поддержки в больших городах – в основном в Москве и Петербурге. Внятный профиль до своего поглощения «Единой Россией» сохраняла и АПР. Другие малые партии пользовались примерно равной поддержкой во всех регионах. Занятно, что в 2011 г. снизились не только электоральная поддержка «Единой России», но и равномерность этой поддержки, а следовательно, кто-то из губернаторов не выполнил своего обещания обеспечить «Единой России» более высокие показатели. Этот результат согласуется с имеющимся у нас знанием о выборах 2011 г. [Gill, 2012; Golosov, 2012].

Заключение

Все факторы, обозначенные в теоретическом обзоре как потенциально значимые, сыграли свою роль при определении динамики национализации партийной системы в России. Особенности перехода к демократии, характеризовавшегося непартийным характером учредительных выборов, обусловили организационную неразвитость партий и доминирование личностного компонента при голосовании в ходе всей посткоммунистической истории России. В той степени, в которой избирательные правила позволяли проведение кандидато-центричных кампаний (т.е. при выборах по мажоритарной системе), в голосовании преобладали местные влияния. Их доминирование усилилось с возникновением губернаторских политических машин, которые не были завязаны ни на одну из партий и могли легко передаваться от одной партии к другой. Как следствие, тенденция к национализации голосования в округах, слабая, но заметная в 1995 г., к концу десятилетия повернулась вспять. Даже монополистичная проправительственная «Единая Россия» не хотела и не могла сопротивляться денационализации голосования в округах, что в конечном счете привело к полному отказу от мажоритарной части.

В то же время на выборах по пропорциональной системе преобладали общенациональные воздействия. Уже в 1993 г. электоральное поле в условиях неразвитости партий характеризовалось доминированием СМИ, не оставлявшим пространства для артику-

ляции проблем местного уровня. Позднее, особенно начиная с 1999 г., национализации голосования способствовала и временная близость думских и президентских кампаний. Теоретически достаточно высокий уровень децентрализации, наблюдавшийся в конце 1990-х – начале 2000-х годов, мог стать существенным препятствием на пути национализации партийной системы. Однако на деле оказалось, что ущербный российский федерализм, губительно влиявший на локализацию партийной политики и развитие местных баз поддержки, в то же время обеспечил национальные партии помощью губернаторских политических машин. Переход России к электоральному авторитаризму предполагал встраивание субнациональных режимов в новый национальный политический порядок – с целью обеспечить взаимную связку национальных и региональных элит [Reuter, Remington, 2009; Golosov, 2011 a]. Как следствие, губернаторские политические машины стали играть центральную роль в обеспечении голосования за монопольную проправительственную партию на федеральных и региональных выборах [Golosov, 2011 b; Panov, Ross, 2013; Reuter, 2013].

Учитывая, что в 2007 и 2011 гг. думские выборы проводились исключительно по пропорциональной системе и что по международным стандартам уровень партийной национализации на этих выборах был очень высоким, российский пример убедительно опровергает устоявшуюся теорию, отождествляющую уровень национализации партийной системы с уровнем ее развития. Разумеется, можно возложить всю ответственность за наблюдаемую в России идеосинкразическую динамику на авторитаризм и вызванное им извращение структуры долгосрочных политических стимулов. Однако предложенный выше анализ не подтверждает этот тезис. Высокая степень национализации партийной системы наблюдалась уже в 1993–2003 гг., и анализ показывает, что эта тенденция была скорее закреплена, чем порождена электоральным авторитаризмом. Более того, становится ясно, что растущая денационализация голосования в мажоритарных округах и стремительная национализация голосования по спискам были обусловлены одними и теми же факторами. Центральные среди них – развитие губернаторских политических машин и возможность их передачи от партии к партии. Эти результаты проливают дополнительный свет на проблемы национализации партийной системы в новых демократиях. Российский опыт показывает, что национализация голосования – отнюдь

не признак консолидации партийной системы и при определенных условиях указывает лишь на организационную неразвитость партий. Это означает, что устойчиво высокий уровень национализации партий совместим с серьезными изъянами в демократической институционализации и, как следствие, с повышенным риском провала процесса демократизации.

Список литературы

- ЦИК. 2003–2013. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации: Выборы и референдумы. – Режим доступа: <http://www.izbirkom.ru> (Дата посещения: 07.02.2014.)
- Aldrich J.H.* Why parties? The origin and transformation of party politics in America. – Chicago, IL: Univ. of Chicago press, 1995. – 349 p.
- Berezkin A., Myagkov M., Ordeshook P.C.* Location and political influence: A further elaboration of their effects on voting in recent Russian elections // *Eurasian geography and economics*. – L., 2003. – Vol. 44, N 3. – P. 169–183.
- Bochsler D.* Measuring party nationalisation: A new Gini-based indicator that corrects for the number of units // *Electoral studies*. – Oxford, 2010 a. – Vol. 29, N 1. – P. 155–168.
- Bochsler D.* The nationalisation of post-communist party systems // *Europe-Asia studies*. – L., 2010 b. – Vol. 62, N 5. – P. 807–827.
- Brancati D.* The origins and strengths of regional parties // *British journal of political science*. – Cambridge, 2008. – Vol. 38, N 1. – P. 135–159.
- Cain B.E., Ferejohn J.A., Fiorina M.P.* The personal vote: Constituency service and electoral independence. – Cambridge: Harvard univ. press, 1987. – 279 p.
- The american voter / A. Campbell et al. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1960. – 573 p.
- Caramani D.* The nationalization of politics: The formation of national electorates and party systems in Western Europe. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2004. – 368 p.
- Chhibber P., Kollman K.* The formation of national party systems: Federalism and party competition in Canada, Great Britain, India, and the United States. – Princeton: Princeton univ. press, 2004. – 272 p.
- Cox G.W.* The efficient secret: The cabinet and the development of political parties in Victorian England. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1987. – 204 p.
- Cox G.W.* Making votes count: strategic coordination in the world's electoral systems. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1997. – 360 p.
- Enikolopov R., Petrova M., Zhuravskaya E.* Media and political persuasion: Evidence from Russia // *The American economic review*. – Pittsburgh, 2011. – Vol. 101, N 7. – P. 3253–3285.
- Feld S.L., Grofman B.* The Laakso-Taagepera index in a mean and variance framework // *Journal of theoretical politics*. – L., 2007. – Vol. 19, N 1. – P. 101–106.

- Fish M.S.* The advent of multipartism in Russia, 1993–1995 // Post-Soviet affairs. – Washington, DC, 1995. – Vol. 11, N 4. – P. 340–383.
- Gandhi J., Przeworski A.* Authoritarian institutions and the survival of autocrats // Comparative political studies. – L., 2007. – Vol. 40, N 11. – P. 1279–1301.
- Gel'man V.* From «feckless pluralism» to «dominant power politics»? The transformation of Russia's party system // Democratization. – Routledge, 2006. – Vol. 13, N 4. – P. 545–561.
- Gill G.* The decline of a dominant party and the destabilization of electoral authoritarianism? // Post-Soviet affairs. – Washington, DC, 2012. – Vol. 28, N 4. – P. 449–471.
- Golosov G.V.* Party support or personal resources? Factors of success in the plurality portion of the 1999 national legislative elections in Russia // Communist and Post-Communist studies. – Elsevier, 2002. – Vol. 35, N 1. – P. 23–38.
- Golosov G.V.* Political parties in the regions of Russia: Democracy unclaimed. – Boulder, CO: Lynne Rienner publishers, 2004. – 307 p.
- Golosov G.V.* The effective number of parties a new approach // Party politics. – L., 2010. – Vol. 16, N 2. – P. 171–192.
- Golosov G.V.* The regional roots of electoral authoritarianism in Russia // Europe-Asia studies. – Glasgow, 2011 a. – Vol. 63, N 4. – P. 623–639.
- Golosov G.V.* Russia's regional legislative elections, 2003–2007: Authoritarianism incorporated // Europe-Asia studies. – Glasgow, 2011 b. – Vol. 63, N 3. – P. 397–414.
- Golosov G.V.* The 2012 political reform in Russia: The interplay of liberalizing concessions and authoritarian corrections // Problems of Post-Communism. – N.Y., 2012. – Vol. 59, N 6. – P. 3–14.
- Golosov G.V.* Machine politics: The concept and its implications for Post-Soviet studies // Demokratizatsiya. – Washington, DC, 2013. – Vol. 21, N 4. – P. 459–480.
- Golosov G.V.* The territorial genealogies of Russia's political parties and the transferability of political machines // Post-Soviet affairs. – Washington, DC, 2014. – Vol. 30, N 6. – P. 464–480.
- Golosov G.V.* Party system nationalization: The problems of measurement with an application to federal states // Party politics. – L., S.a. – В печати.
- Hale H.E.* Explaining machine politics in Russia's regions: Economy, ethnicity, and legacy // Post-Soviet affairs. – Washington, DC, 2003. – Vol. 19, N 3. – P. 228–263.
- Hale H.E.* Why not parties in Russia?: democracy, federalism, and the state. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2005. – 288 p.
- Harbers I.* Decentralization and the development of nationalized party systems in new democracies: Evidence from Latin America // Comparative political studies. – L., 2010. – Vol. 43, N 5. – P. 606–627.
- Hicken A., Stoll H.* Presidents and parties: How presidential elections shape coordination in legislative elections // Comparative political studies. – L., 2011. – Vol. 44, N 7. – P. 854–883.
- Jones M.P., Mainwaring S.* The nationalization of parties and party systems. An empirical measure and an application to the Americas // Party politics. – L., 2003. – Vol. 9, N 2. – P. 139–166.
- Kahn J.* Federalism, democratization, and the rule of law in Russia. – N.Y.: Oxford univ. press, 2002. – 338 p.

- Kasuya Y., Moenius J.* The nationalization of party systems: Conceptual issues and alternative district-focused measures // *Electoral studies*. – Oxford, 2008. – Vol. 27, N 1. – P. 126–135.
- Kitschelt H., Smyth R.* Programmatic party cohesion in emerging Postcommunist democracies Russia in comparative context // *Comparative political studies*. – L., 2002. – Vol. 35, N 10. – P. 1228–1256.
- Kollman K.* et al. Constituency-level elections archive / Ann Arbor. – Michigan: Center for political studies: Univ. of Michigan. – Mode of access: <http://www.election-dataarchive.org>. (Дата посещения: 01.05.2011.)
- Lago-Peñas I., Lago-Peñas S.* Decentralization and the nationalization of party systems // *Environment and planning C: Government and policy*. – Pion, 2011. – Vol. 29. – P. 244–263.
- Magaloni B., Kricheli R.* Political order and one-party rule // *Annual review of political science*. – Palo Alto, 2010. – Vol. 13. – P. 123–143.
- McCombs M.* Setting the agenda: The mass media and public opinion. – Cambridge: Polity press, 2004. – 208 p.
- Meleshevich A.* Geographical patterns of party support in the Baltic States, Russia, and Ukraine // *European urban and regional studies*. – L., 2006. – Vol. 13, N 2. – P. 113–129.
- Merrill S., Grofman B.* A unified theory of voting: Directional and proximity spatial models. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1999. – 230 p.
- Moenius J., Kasuya Y.* Measuring party linkage across districts some party system inflation indices and their properties // *Party politics*. – L., 2004. – Vol. 10, N 5. – P. 543–564.
- Morgenstern S., Polga-Hecimovich J., Siavelis P.M.* Seven imperatives for improving the measurement of party nationalization with Evidence from Chile // *Electoral studies*. – Oxford, 2014. – Vol. 33. – P. 186–199.
- Morgenstern S., Swindle S.M., Castagnola A.* Party nationalization and institutions // *The journal of politics*. – Cambridge, 2009. – Vol. 71, N 4. – P. 1322–1341.
- Panov P., Ross C.* Sub-national elections in Russia: Variations in United Russia's domination of regional assemblies // *Europe-Asia studies*. – L., 2013. – Vol. 65, N 4. – P. 737–752.
- Petrov N., Lipman M., Hale H.E.* Three dilemmas of hybrid regime governance: Russia from Putin to Putin // *Post-Soviet affairs*. – Washington, DC, 2014. – Vol. 30, N 1. – P. 1–26.
- Rae D.W.* The political consequences of electoral laws. – New Haven: Yale univ. press, 1967. – 173 p.
- Reuter O.J., Remington T.F.* Dominant party regimes and the commitment problem the case of United Russia // *Comparative political studies*. – L., 2009. – Vol. 42, N 4. – P. 501–526.
- Reuter O.J.* Regional patrons and hegemonic party electoral performance in Russia // *Post-Soviet affairs*. – Washington, DC, 2013. – Vol. 29, N 2. – P. 101–135.
- Riker W.H.* Federalism: Origin, operation, significance. – Boston: Brown little, 1964. – 169 p.
- Robinson N.* Institutional factors and Russian political parties: the changing needs of regime consolidation in a neo-patrimonial system // *East European politics*. – L., 2012. – Vol. 28, N 3. – P. 298–309.

- Rodden J., Wibbels E.* Dual accountability and the nationalization of party competition: Evidence from four federations // *Party Politics*. – L., 2011. – Vol. 17, N 5. – P. 629–653.
- Rose R., Mishler W.* A supply-demand model of party-system institutionalization: The Russian case // *Party politics*. – L., 2010. – Vol. 16, N 6. – P. 801–821.
- Rose R., Munro N., White S.* Voting in a floating party system: The 1999 Duma election // *Europe-Asia studies*. – L., 2001. – Vol. 53, N 3. – P. 419–443.
- Rose R., Urwin D.W.* Regional differentiation and political unity in Western nations. – L.: SAGE publications, 1975. – 53 p.
- Ross C.* Federalism and democratization in Post-Communist Russia. – Manchester: Manchester univ. press, 2003. – 196 p.
- Sakwa R.* Russia's «permanent» (uninterrupted) elections of 1999–2000 // *The Journal of communist studies and transition politics*. – L., 2000. – Vol. 16, N 3. – P. 85–112.
- Electoral authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / A. Schedler (ed.). – Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006. – 267 p.
- Shugart M.S., Carey J.M.* Presidents and assemblies: Constitutional design and electoral dynamics. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1992. – 332 p.
- Simón P.* The combined impact of decentralisation and personalism on the nationalisation of party systems // *Political studies*. – L., 2013. – Vol. 61, N S1. – P. 24–44.
- Smyth R., Lowry A., Wilkenin B.* Engineering victory: Institutional reform, informal institutions, and the formation of a hegemonic party regime in the Russian Federation // *Post-Soviet affairs*. – Washington, DC, 2007. – Vol. 23, N 2. – P. 118–137.
- Smyth R.* Candidate strategies and electoral competition in the Russian Federation: Democracy without foundation. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 260 p.
- Stokes D.E.* Parties and the nationalization of electoral forces // *The American party system: Stages of political development* / W.N. Chambers, W.D. Burnham. (ed.) – N.Y.: Oxford univ. press, 1967. – P. 182–202.
- Taagepera R., Shugart M.S.* Seats and votes: The effects and determinants of electoral systems. – New Haven: Yale univ. press, 1989. – 292 p.
- Thorlakson L.* An institutional explanation of party system congruence: Evidence from six federations // *European journal of political research*. – Dordrecht, 2007. – Vol. 46, N 1. – P. 69–95.
- Tiemann G.* The nationalization of political parties and party systems in post-communist Eastern Europe // *Communist and Post-Communist studies*. – Elsevier, 2012. – Vol. 45, N 1. – P. 77–89.
- Vertz L.L., Frendreis J.P., Gibson J.L.* Nationalization of the electorate in the United States // *The American political science review*. – Cambridge, 1987. – Vol. 81, N 2. – P. 961–966.

О.А. ТОЛПЫГИНА

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

В последнее время в России оживилась общественно-политическая дискуссия относительно идейных оснований существования государства. В 2012 г. российские политические элиты втянулись в обсуждение «основополагающих принципов» российской национальной идентичности, начатое знаменитой фразой В. Путина из Послания Федеральному собранию: «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: ... – дефицит того, что всегда, во все времена исторически делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились» [Послание Президента Федеральному Собранию, 2012]. Акторы социально-политического процесса, в том числе партии, активно откликнулись на запрос власти.

Политические партии являются одними из главных «производителей смыслов»: именно в этом заключается их основная функция с точки зрения нормативной демократии. Данный подход, безусловно, апеллирует прежде всего к «идеальному типу», однако идеологии по-прежнему остаются обязательным атрибутом политических партий.

В современной российской политике роль партийной идеологии оценивается неоднозначно. Направление дискуссии часто зависит от того, каким образом определяется политическая идеология. Если понимать ее как систему оформленных идеологических позиций и представлений, то существование партийных идеологий в постсоветской России может оказаться под вопросом.

Однако данная проблема не относится к числу специфически российских, а отражает мировые тенденции. В интерпретации *политической идеологии* мы будем опираться на концепцию «belief systems», предложенную Ф. Конверсом. В соответствии с ней идеология может пониматься как «конфигурация идей и установок, элементы которой связаны той или иной формой ограничений или функциональной взаимозависимости» [Converse, 1964, p. 37]. Это определение, с одной стороны, позволяет уйти от понимания идеологии как связанной системы элементов (идей, концептов и т.д.), а с другой – открывает возможности для выявления связей и отношений между идеями даже тогда, когда они не выстраиваются в законченные конструкции.

Придерживаясь точки зрения, что современные российские политические партии производят политические идеи и смыслы, мы опираемся на комплекс исследований партийной идеологии, основанных на самых разных теоретико-методологических подходах¹. Эти исследования указывают на различие партийных идеологий (в том числе на уровне программных документов), на их изменчивость (например, под воздействием политической ситуации или изменения общественных настроений), на то, что они транслируются через медийный дискурс (во время дебатов и предвыборных кампаний) и таким образом становятся предметом общественного обсуждения.

Цели статьи – рассмотреть, какое влияние на идеологическую функцию партий оказывают экзогенные факторы (характер политического режима и его институциональный дизайн), а также проследить динамику развития этой функции в политической системе современной России.

Идеологии как партийный ресурс

Результаты идеологической деятельности партий (не только вербально оформленные идеи, но и весь комплекс символических средств самопрезентации) мы рассматриваем как своего рода ресурс – предмет «обмена» и «торга» между политическими партия-

¹ См., например: [Холодковский, 2006], [Попова, 2007], [Анохина, Мелешкина, 2008], [Аль-Дайни, 2011], [Никифоров, 2014].

ми и теми агентами, которые по тем или иным причинам заинтересованы в партиях и их идеологических «услугах».

Таковыми агентами, или потребителями предлагаемых идей, могут выступать избиратели. В этом случае важна способность партийных идеологий обозначать значимые проблемные зоны общества, определять свое отношение к ним, а также предлагать пути решения обозначенных проблем. Выдвигаемые партиями идеи выступают в роли коллективных стимулов партийного членства и поддержки, предлагая избирателям различные версии идентичности и солидарности. В этом случае итогом «обмена» будут выступать рост числа членов и усиление электоральной поддержки партий. Ориентация на «спрос» со стороны избирателя – одна из основных функций партий в моделях классической представительной демократии: отражая идеологические предпочтения электората, партии воплощают их в своих программных документах, а затем в политическом курсе. Таким образом, они выступают в роли субъектов политического процесса, влияя на его повестку дня и ее динамику.

С другой стороны, как производители смыслов партии могут быть интересны для статусных политических акторов, под которыми мы, вслед за Хайли и Гюнтером, понимаем «различные сегменты элит, т.е. тех организованных групп в обществе, которые способны повлиять на политически значимые решения» [Higley, Gunther, 1992, p. 10]. К числу этих акторов могут быть отнесены в том числе органы власти. В этом случае производимые партиями смыслы могут использоваться для обоснования статусных позиций, легитимации социально-политического порядка и политического режима, мобилизации общества на поддержку и осуществление властных инициатив (т.е. для обеспечения его лояльности). В данной ситуации производимые партиями идеи и смыслы приобретают характер селективных стимулов: они не формируют идентичности и солидарности, а выступают инструментами достижения определенных статусных привилегий. Привлекательность для «статусных агентов» может быть конвертирована в улучшение финансовых возможностей партий, повышение социального статуса их актива, усиление их роли как канала вертикальной социальной мобильности. В этой модели взаимоотношений партии утрачивают свои субъектные позиции, так как их самостоятельность, в том числе в сфере производства идей, ограничена интересами элитных групп.

В реальной политической практике ситуация более многомерна, чем в описанной модели: партии в своем стремлении к успеху и выживанию не могут ориентироваться только на одного «потребителя». Как правило, они апеллируют сразу к нескольким, причем определить «ключевого» агента, чьи интересы партия отражает в своем идеологическом творчестве, иногда отнюдь не просто. Однако указанная выше дихотомия позволяет выявить тенденцию в развитии партий и партийных систем, в том числе как производителей смыслов, поскольку «ключевые» агенты могут меняться в зависимости от социально-политического контекста.

Одним из уровней такого контекста выступает период партотрогенеза. «Идейная» функция партий особенно актуальна в начальный период партстроительства и формирования партийной системы. Как отмечает Г.В. Голосов, «как правило, начальная фаза организационного развития партии характеризуется преобладанием коллективных стимулов над селективными» [Голосов, 2000, с. 77].

Кроме того, как демонстрирует С. Хансон, роль партийных идеологий существенно повышается в кризисные периоды общественного развития, в связи с тем что в ситуации социальной и политической неопределенности временные горизонты политики резко сужаются. Возникает насущная потребность в их расширении, что позволяет, с одной стороны, посмотреть на развитие общества в долгосрочной перспективе, а с другой – сформировать образ будущей политики и критериев членства в ней, что неизбежно влечет за собой необходимость определения границ и условий новой политической идентичности, т.е. обозначения круга единомышленников и союзников [Hanson, 2006, p. 343–372].

В стабильной системе, где взаимодействие между властью и обществом приобрело устойчивый характер, а между основными политическими акторами достигнут консенсус, возможности партий по производству смыслов зависят от их статуса в политическом пространстве. Статус партий, в свою очередь, определяется степенью их самостоятельности – способностью предлагать альтернативные версии развития государства и влиять на политический курс, привлекательностью в глазах других политических акторов и т.п. Политический статус партий, безусловно, связан с авторитетом партий в обществе, уровнем доверия к ним со стороны избирателей.

Экзогенный контекст функционирования российских политических партий: Режимные характеристики и институциональный дизайн

Исследования специфики российского партстроительства и «слабости» российских партий были особенно актуальны в отечественной и зарубежной партологии на рубеже XX и XXI вв. Ученые практически единодушно отмечали невысокий статус партий как в глазах политиков, так и в общественном мнении. Указывалось множество причин институциональной слабости российских партий, в их числе – наследие советского прошлого [Hough, 1998; McFaul, 1993; Sakwa, 1995]; специфика начального этапа становления партий [Hough, 1998; McFaul, 1993]; отпечаток, накладываемый на формирование партий универсальными тенденциями постиндустриального общества; появление «политического рынка» как альтернативы партстроительству [Пшизова, 2000; Соловьев, 2004]; соотношение разного рода стимулов и затрат в процессе партстроительства.

Не вдаваясь в суть этих дискуссий, отметим, что, на наш взгляд, наибольшее влияние на роль партий и, соответственно, на их возможности как производителей идей оказывают характер политического режима, динамика его трансформации, а также институциональные условия, оформляющие взаимодействие политических акторов. Степень конкурентности режима и институциональный дизайн задают среду, в которой партии вырабатывают свои стратегии и поведенческие модели.

В России, как и во всех других системах, указанные характеристики не являются константой. За более чем 20-летнюю постсоветскую историю они неоднократно претерпевали существенные изменения. Президентские выборы 2000 г., по общему мнению, послужили рубежом трансформации российской политической системы, существенно изменив ее режимные характеристики. Исследователи единодушны во мнении, что первое десятилетие российской политической системы характеризовалось высокой степенью конкурентности, разнообразием политических акторов и, в целом, полицентричностью. Это многообразие во многом было вызвано отсутствием базового консенсуса между фрагментированной элитой и властью [Гельман, 2007; 2008], однако в общем

оно стимулировало партстроительство и способствовало развитию идеологической функции партий.

Уровень конкурентности значительно снизился после 2000 г., трансформировавшись в моновластие (моносубъектность) [Фурсов, Пивоваров, 2001]. В. Гельман писал по этому поводу: «Традиции доминирования одного из акторов в политической жизни, проявившиеся в “навязанном переходе” к новому режиму и отсутствию базовых соглашений между основными акторами, гарантий основным политическим игрокам, во многом определяют характер взаимоотношений между политическими субъектами» [Гельман, 1999, с. 31]. Моносубъектность российской политики проявляется в том числе в усилении контроля над основными политическими игроками: средствами массовой информации, партиями, общественными организациями, бизнес-структурами, региональными элитами. Способы воздействия на них варьировались от создания «альтернативных» общественно-политических организаций до манипулирования законодательством и использования административного ресурса, включая прямое силовое воздействие.

Институциональный дизайн, оформляющий трансформацию политического режима, также является ключевой характеристикой той среды, в которой действуют политические партии. На партийном строительстве, в частности, неблагоприятно сказывается действующая система разделения властей [Голосов, 2008; Гельман, 2008; Kulik, 2010 a; Kulik 2010 b и др.].

Неоднократно претерпевали изменения и такие важные составляющие институционального дизайна, как избирательное и партийное законодательство. В результате к середине 2000-х годов избирательная система приобрела устойчиво ограничительный характер. Если закон о политических партиях 2001 г. был призван упорядочить партийное строительство и снизить фрагментацию партийной системы, то его новая редакция от 2005 г. существенно усилила зависимость партий от властного центра. Партийная и избирательная реформа 2012 г. формально в большей степени отвечала критериям репрезентативной демократии, однако, как отмечает Г. Голосов, она носила по сути имитационный характер: «Восстановление свободы политических объединений... — это значительное достижение... но... сама по себе реформа мотивирована стремлением властей создать для российского авторитаризма более эффективную оболочку, а вовсе не демонтировать его» [Голосов,

2012]. Кроме того, формальная либерализация была компенсирована рядом мер, существенно снижающих ее ценность. А. Бузин относит к таким компенсаторным механизмам, в частности, закон о едином дне голосования и закрепление на пять лет вперед составов участковых избирательных комиссий [Перманентная избирательная реформа, 2013].

Таким образом, за 20 лет существования российской политической системы ее режимные и институциональные характеристики эволюционировали в сторону ужесточения норм и правил политического взаимодействия, сузив поле конкуренции и ограничив возможность маневра для всех политических игроков, кроме доминирующего.

Партийные идеологии в России до начала 2000-х: Динамика спроса и предложения

Возможности партий как производителей смыслов значительно отличались в 1990-е годы и после 2000 г.

В 1990-е годы на рынке политических идей присутствовало большое, хотя и хаотическое, «предложение». Во-первых, партий было много; во-вторых, на начальном этапе партстроительства преобладали коллективные стимулы; в-третьих, рубеж 1980–1990-х годов ознаменовался глубоким общественным кризисом, повлекшим за собой «кризис идентичности», – в этих условиях сформировался запрос на новые социальные идентичности и солидарности, которые могли предложить именно политические партии.

И хотя уже тогда роль политических партий была институционально (в том числе законодательно) ограниченной, тем не менее, как отмечает Б. Макаренко, многопартийность в тот период сыграла свою позитивную роль: «Через партии и их парламентское представительство самые разные группы населения оказались приобщены к реалиям новой политики: и ностальгирующие по советскому строю (через КПРФ), и те, кому по душе правый популистский протест с националистическим оттенком (через ЛДПР), и либералы-западники (через “Яблоко” и предшественников нынешнего “Правого дела”), и приверженцы левоцентристского патернализма (через множество мелких левых партий)» [Макаренко, 2010, с. 40].

Первоначально спектр идеологических альтернатив, предлагаемых партиями (точнее, неформальными группами), ограничивался рамками социалистической идеологии («Социалистическая инициатива», «Народное действие» и пр.), что отражало идеологический мейнстрим начала перестройки – «социализм с человеческим лицом». К концу 1980-х годов социалистические идеи были вытеснены комплексом представлений, определяемых иногда как «основная демократическая» идеология [Franklin, 1993]. С ней конкурировали, с одной стороны, националисты («патриоты»), с другой – коммунисты. К началу первого электорального цикла партийный идеологический спектр, как отмечает Г. Голосов [Голосов, 2000], с некоторыми натяжками можно было описывать в «право-левой» логике: полюса задавали партии, выступающие за преимущественно рыночные механизмы экономической регуляции («правые»), и организации, подчеркивающие важную роль государства в экономике («левые»).

Какие факторы определяли специфику «спроса» на эти предложения?

По мнению О. Малиновой, до начала 2000-х годов действовали факторы, актуализировавшие значимость программно-идеологической деятельности российских политических партий. Во-первых, имелся значительный сегмент электората, выбор которого задавался убеждениями¹. Российская политическая культура представляет собой совокупность субкультур, для каждой из которых характерны своя система политических ориентаций и установок, а также разные типы и модели электорального поведения. Поэтому для их объяснения может быть использована социально-психологическая модель: россияне «голосовали сердцем», выражая свое отношение к партиям и политикам, демонстрируя социальную солидарность или отвергая предложенные варианты развития.

Во-вторых, на актуальность идеологических функций политических партий оказывало влияние «советское наследие». Стремление части населения к осознанию политической реальности в виде идей, обобщающих нормативно-этические модели, раскрывающих принципы и перспективы существующей политической системы, является результатом первичной социализации, состоявшейся еще в советский период. В 2006 г. группа исследователей

¹ См., например, [Малинова, 2000; Сунгуров, 1994; Холодковский, 2000].

под руководством Е.Б. Шестопал, исследуя модели и закономерности политической социализации различных возрастных групп (до 30 лет, 30–60 лет, старше 60), обнаружила, что у старшей возрастной группы политическая картина мира, сложившаяся в ходе первичной и вторичной социализации, носила непротиворечивый, позитивно ориентированный характер, опираясь на четко закреплённые морально-этические категории. Люди старше 60 лет демонстрировали стремление к воспроизводству данной модели, которая бы дополнила и «завершила» новую систему представлений [Шестопал, 2007].

В-третьих, понятия «политический рынок» и «идеологическая активность» не являются взаимоисключающими. Политтехнологии, которые, по мнению С. Пшизовой, вытесняют идеологию [Пшизова, 2000], не могут не учитывать общественные настроения. В частности, успех «неидеологических» политических сил и лидеров второй половины 90-х годов, артикулировавших политический прагматизм и «центризм», было бы логично объяснить ростом недовольства состоянием дел в стране и желанием «порядка», который в тот период стал восприниматься как базовая ценность. Как справедливо отмечал К.Г. Холодковский, «прагматизм и “центризм” в политике могут скрывать самые различные предпочтения, исключая, пожалуй, только радикальные». Соответственно, их доминирование не означает отсутствие идеологического компонента в сфере политического структурирования, а «прагматизм правительственной партии и ее неофициального лидера относится скорее к стилю поведения, нежели к содержанию политики» [Холодковский, 2000, с. 46].

Другими словами, «предложение» на политическом рынке вполне может носить идеологический характер. Наконец, стремление сосредоточиться на визуальных аспектах имиджа вовсе не является антиподом идеологии: идеологические компоненты, как правило, выступают неотъемлемой чертой политического имиджа. Последний тезис актуален на всех этапах развития российской политики, однако в 2000-е годы значение трех вышеуказанных факторов заметно снизилось.

Российские партийные идеологии в новом тысячелетии

Как отмечает В. Гельман, в 2000-е годы «российская партийная политика двинулась в сторону гипотрагментации на фоне тенденции к монополии доминирующей партии... Она развивалась под влиянием двух взаимосвязанных тенденций: нарастающего доминирования “партии власти”... и продолжающегося упадка (если не полного вымирания) оппозиции всех направлений» [Гельман, 2007, с. 38]. Новый режим повышал свою легитимность, препятствуя возникновению альтернатив существующему порядку [Greene, 2007].

В ситуации снижения политической неопределенности спрос на идеологии на российском электоральном рынке резко снизился, о чем свидетельствовала начавшаяся в тот период конвергенция партийных позиций [Попова, 2001]. «Единая Россия» оказалась в выигрышном положении, распределив свои программные позиции вблизи точки «медианного избирателя».

Причем на тенденцию сближения партийных идеологий не повлияло изменение социально-политической ситуации в ходе избирательной кампании 2011 г., когда в обществе усилился запрос на альтернативное идеологическое творчество. В этот период партии получили возможность продемонстрировать обществу собственные версии политического курса, однако, как показал опыт, они ею не воспользовались. Данные эмпирических исследований свидетельствуют о практически полной идентичности идеологических профилей партий периода пятой (2007) и особенно шестой (2011) избирательных кампаний, тогда как партийные идеологии четвертого электорального цикла (2003) демонстрировали гораздо большее идейное разнообразие. Таким образом, на фоне повышения политической активности 2011–2012 гг. партии продолжали переосмысливать идеи, предложенные властью и ЕР. Как отмечает О. Малинова, эта работа «оказалась не слишком эффективной: у оппозиционных сил не оказалось организационных и интеллектуальных ресурсов, чтобы структурировать пространство идеологической конкуренции» [Малинова, 2012, с. 69].

По мнению Г. Голосова, причины идеологической беспомощности партий этого периода носят институциональный характер: «В условиях, когда каждая из этих партий могла быть отстранена от участия в выборах, а в дальнейшем и ликвидирована, их лидеры должны были проявлять большую осторожность. Это де-

лало избирательные кампании оппозиции робкими, бессодержательными и далекими от реальных интересов избирателей» [Голозов, 2012].

Данная тенденция еще более усилилась после президентских выборов, в 2013–2014 гг., когда партии, вне зависимости от степени декларируемой оппозиционности, единодушно поддержали властные инициативы, призванные провести водораздел между лояльной и нелояльной частями общества («закон Димы Яковлева», «закон об иностранных агентах», «закон о запрете пропаганды гомосексуализма», присоединение Крыма и т.п.). Наиболее символичное воплощение сближение партийных позиций получило 4 ноября 2014 г., когда лидеры четырех парламентских партий – Миронов, Неверов, Зюганов и Жириновский, – в ходе акции «Мы вместе» крепко взялись за руки (до этого КПРФ вообще не признавала День народного единства и согласия праздником).

Таким образом, в условиях монополизации политического пространства произошло сужение идеологического спектра: партии, оказавшись в зависимости от статусных акторов, стали ориентироваться на них и в своем идеологическом творчестве.

Однако удовлетворяет ли это «ограниченное предложение» другого потребителя идей – избирателей? Существует ли в обществе запрос на партии и партийные идеологии?

Отвечая на этот вопрос, необходимо прежде всего определиться в оценке возможностей российских партий как механизмов коммуникации между властью и обществом. В 2010 г. Б. Макаренко, признавая за партиями демократический потенциал, отмечал: «Счесть партийную систему имитационной и бесперспективной мешают лишь некоторые обстоятельства: реальное выполнение партиями функций представления интересов, привыкание общества к легитимации власти через выборы и модернизационный посыл российского руководства, который, по крайней мере на словах, предполагает пусть медленную и эволюционную, но демократизацию страны» [Макаренко, 2010, с. 41].

Данные социологических опросов того периода, в частности от Левада-центра [Политическая оппозиция в России, 2008], показывали, что все большая часть российского общества, включая сторонников власти, признает необходимость политической оппозиции. Причем не важно, что под оппозицией граждане понимали не антагонистов власти и доминирующей партии, а некий проти-

вовес, ограничитель (возможно, даже «разоблачитель»), т.е. «конструктивного» оппонента. В любом случае, таким образом проявляла себя общественная потребность в плюрализме. Показательно также изменение отношения граждан к многопартийности: в регулярно повторяемых с 1999 г. опросах Левада-центра соотношение ее сторонников и противников в течение нескольких лет составляло примерно 50 на 40% (10% не имели на этот счет своего мнения); однако в 2009 г. доля сторонников многопартийности выросла до 68%, а доля противников сократилась до 21% [Общественное мнение, 2009, с. 99].

В связи с этим Б. Макаренко сделал вывод: «“Вертикальная” модель партийной системы с ограничением плюрализма и возможностей для дискуссии, не говоря уже о возможности влияния “снизу” на принятие политических решений, входит во все большее противоречие с настроениями и интересами политически активной части общества» [Макаренко, 2010, с. 46]. Под «политически активной частью» общества автор понимает прежде всего «новый средний класс», т.е. тех людей, которые недовольны «отсутствием “социальных лифтов”, бюрократически-полицейским давлением на бизнес, отсутствием возможности влиять на “политическую машину”, архаичным стилем общения государства с обществом» [Макаренко, 2010, с. 46].

Изменились ли с того времени общественные настроения в отношении политики вообще и партий в частности? Данные того же Левада-центра свидетельствуют о снижении уровня политического участия россиян: в 2014 г. 18% респондентов продемонстрировали готовность участвовать в политической жизни, в 2013 г. таких было 20%, а всплеск активности наблюдался в 2011 г., когда подобную готовность выразили 31% граждан [Россияне против политики, 2014].

Что касается отношения россиян к оппозиции, то если в июле 2010 г. о ее необходимости заявляли 67% респондентов, в июле 2012 г. – 72, в 2014 г. – лишь 57%. Причем в 2014 г., как отмечают исследователи Центра, рекордной за последние десять лет оказалась доля тех, кто считает, что политическая оппозиция России не нужна: 23% – при 20% затруднившихся с ответом [Россияне о политической оппозиции, 2014].

Уровень доверия политическим партиям изменился мало и по-прежнему остается самым низким среди властных институтов.

При отсутствии более полных данных приходится констатировать, что в настоящее время, в условиях ограниченного рынка идеологического предложения и переориентации большинства партий на удовлетворение спроса со стороны «статусного агента», социальная потребность в партиях и их идеологических «услугах» снижается.

Заключение

Таким образом, контекстуальные факторы, т.е. режимные характеристики и институциональный дизайн российской политической системы, не способствуют развитию идеологической функции партий, сокращая поле возможного предложения и ограничивая идеологическое творчество одобрением властных инициатив. В этом пространстве, пишет В. Мартьянов, российские партии, «в том числе и “конструктивная оппозиция”... четко знают границы “возможного” и “допустимого”» [Мартьянов, 2007].

Возможны ли изменения в этой области? Смогут ли партии в краткосрочной или долгосрочной перспективе переориентироваться на «нестатусного потребителя»? Это, по всей видимости, в большей степени зависит от состояния среды, нарастания или спада общественной инициативы (аналитики прогнозируют как первое, так и второе), равно как и от способности самих партий к генерированию новых идей.

Список литературы

- Аль-Дайни М.* Политические идеологии в контексте трансформации: особенности производства партийных идеологий в современной России // Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под. ред. О.Ю. Малиновой. – М.: РАПН: РОССПЭН, 2011. – С. 33–47.
- Анохина Н.В., Мелешикина Е.Ю.* Эволюция структуры партийного спектра России накануне парламентских выборов 2007 г. // Полис. – М., 2008. – № 2. – С. 17–29.
- Гельман В.* Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе // Управление государством: Проблемы и тенденции развития. Политическая наука: Ежегодник 2007 / Российская ассоциация политической науки; Гл. ред. А.И. Соловьев. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 141–161.

- Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции к иерархии // Полис. – М., 2007. – № 5. – С. 135–151.
- Гельман В.Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. – М.: МОНФ, 1999. – 240 с.
- Голосов Г. Партийная реформа Дмитрия Медведева // Полит. ру. – М., 2012. – 21 июня. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2012/06/21/ref/> (Дата посещения: 21.10.2014.)
- Голосов Г.В. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. – М., 2008. – № 1. – С. 22–35.
- Голосов Г.В. Политические партии и электоральная политика в 1993–1995 гг. // Первый электоральный цикл в России, (1993–1996) / Общ. ред.: В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Е.Ю. Мелешкина. – М.: Весь Мир, 2000. – С. 78–91.
- Кынев А. Избирательная реформа Владимира Путина и региональные выборы // Неприкосновенный запас. – М., 2006. – № 6 (50). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/ky11.html> (Дата посещения: 12.11.2014.)
- Макаренко Б. Сценарии эволюции партийной системы // Pro et Contra. – М., 2010. – № 50. – С. 39–52.
- Малинова О. Еще один рывок? Образы коллективного прошлого, настоящего и будущего в современных дискуссиях о модернизации // Политическая наука. – М., 2012. – № 2. – С. 49–72.
- Мартянов В. Многопартийная партия власти // Неприкосновенный запас. – М., 2007. – № 3 (53). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/3/ma3.html> (Дата посещения: 12.11.2014.)
- Никифоров А.Р. Психологический анализ политических ценностей в структуре партийных идеологий // Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки. – М., 2014. – № 4. – С. 19–29.
- Общественное мнение – 2009: Ежегодник. – М.: Левада-центр, 2009. – С. 99.
- Перманентная избирательная реформа и возвращение прописки: Стенограмма XXI круглого стола центра «Панорама». – М., 2013. – 21 марта. – Режим доступа: <http://scilla.ru/works/uprdem/krst21.html> (Дата посещения: 17.10.2014.)
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Полис. – М., 2001. – № 4. – С. 37–48.
- Политическая оппозиция в России. Пресс-выпуск Левада-центра. – 2008. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2008073102.print.html> (Дата посещения: 17.06.2010.)
- Попова Е.В. Программные стратегии и модели электорального соревнования на думских и президентских выборах 1995–2004 годов // Третий электоральный цикл в России: 2003–2004 годы / Гельман В.Я. (отв. редактор). – СПб.: ЕУ СПб., 2007. – С. 156–195.
- Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. – М., 2012. – 12 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (Дата посещения: 9.11.2014.)
- Пишизова С. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе // Полис. – М., 2000. – № 2. – С. 30–44; № 3. – С. 6–17.

- Россияне о политической оппозиции: Пресс-выпуск Левада-центра. – М., 2014. – 17 июня. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/17-06-2014/rossiyane-o-politicheskoi-oppozitsii> (Дата посещения: 15.10.2014.)
- Россияне против политики // Газета. ру. – М., 2014. – 11 сентября. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2014/09/10_a_6209665.shtml (Дата посещения: 27.11.2014.)
- Соловьев А.И. Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // Полис. – М., 2004. – № 2. – С. 124–132.
- Холодковский К.Г. Противостояние левые – правые: анахронизм или смена координат? // Полис. – М., 2006. – № 6. – С. 81–97.
- Converse Ph. The nature of belief system // *Ideology and discontent* / Apter D. (ed.). – N.Y., 1964. – P. 37–53.
- Hanson S.E. Postimperial democracies: Ideology and party formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia // *East European politics and societies*. – N.Y., 2006. – Vol. 20. – N 2. – P. 343–372.
- Higley J., Gunther R. Elites and democratic consolidation in Latin America and Southern Europe. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. – P. 10–23.
- Hough J.S. Determinants of the party vote // *Growing pains*. – Washington, DC, 1998. – P. 21–36.
- Kulik A.N. Parties of the Russian «Sovereign democracy»: Are they sustaining democratic governance? // *Political parties and democracy*. – Westport; L., 2010. – P. 47–61
- Kulik A.N. Post Soviet parties: Between flawed democracies and hybrid regimes // *Political parties and democracy*. – Westport, L.: Praeger, 2010. – P. 83–105.
- McFaul M. Party formation after revolution transition // *Political parties in Russia*. – Berkley, 1993. – P. 52–64.
- Sakwa R. The development of the Russian party system // *Election and party order in Russia*. – N.Y., 1995. – P. 22–56.

Е.М. ШУЛЬМАН

**ФРАКЦИИ, КОМИТЕТЫ, АППАРАТ:
УЧАСТИЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ
В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

Законотворческий процесс не избалован вниманием российской политической науки. Посвященные ему разделы учебников политологии и обзорных трудов пишутся по большей части юристами и излагают в основном регламентную сторону процесса. Политологи же, изучая парламентаризм и парламентские процессы, уделяют преимущественное внимание партийной структуре Госдумы и роли партий в ее жизни в целом.

Проблемы соотношения политики и права, взаимоотношений ветвей власти в законотворческом процессе, общеполитического контекста этого процесса (согласование интересов, взаимодействие элитных групп и политических партий) отражены в трудах многих отечественных специалистов [Авакьян, 2003; Гузнов, Кененов, Рождественская, 2005; Коргунюк, 2007; Котляревский, 2007; Тихомиров, 2007; Казаков 2010 и др.].

Обращает на себя внимание и такой пласт литературы, как труды практиков – руководителей органов исполнительной и законодательной ветвей власти, действующих политиков, общественных деятелей, сотрудников аналитических и экспертных центров, обслуживающих органы власти и законодательные собрания [Шувалов, 2004; Баранов, 2006; Шейнис, 2004; Абрамова, Голубева, Мицкевич, 2008 и др.].

Политологический анализ законотворческого процесса: Новые возможности

Подход, акцентирующий внимание на политической стороне законотворческого процесса и оперирующий понятиями групповых и индивидуальных интересов, характерен не столько для отечественной, сколько для англоязычной политологии. Точнее будет сказать, что в российском дискурсе этот подход зарезервирован за публицистикой и профильной отраслевой аналитикой, но не находит адекватного выражения на языке политической науки.

Отметим, что ведущий отечественный исследователь групп интересов и представительства интересов в целом, С.П. Перегудов, различает систему электорального и функционального (прямого) представительства интересов: «Сам по себе процесс принятия конкретных государственных решений, в том числе и в законодательной сфере, требует постоянного и оперативного взаимодействия властей с теми, чьи интересы эти решения затрагивают и кто располагает наиболее соответствующей ценной информацией и знаниями. Неудивительно, что, по мере расширения государственного вмешательства в различные сферы общественной жизни, прежде всего в экономику и социальные отношения, возникла и развивается разветвленная структура прямых, не опосредованных выборами связей между группами интересов и органами власти» [Перегудов, 1993, с. 115]. Автор полагает, что хотя усиление функционального способа трансляции интересов есть неизбежное следствие бюрократизации (этатизации) политической сферы, для демократического общества более «натуральным» и социально эффективным является электоральное представительство.

Интересно сравнить этот подход с существующим в западной политологии разделением групп интересов на «общественно-ориентированные»¹ (society-centered) и «государственно-ориентированные» (state-centered) [Grindle, Thomas, 1991].

К первой группе относятся партии и избиратели, а также, в марксистской парадигме, классы со своими интересами, ко второй – бюрократы, технократы и иные силы, представленные внутри государственного аппарата [Sutton, 1999, p. 26].

В российских условиях разделение акторов и групп, влияющих на политический (в том числе законотворческий) процесс, на

¹ Перевод всех англоязычных цитат принадлежит автору.

«общественные» и «государственные» выглядит несколько искусственным и затемняющим суть вещей. Закрытый характер политического процесса означает, что все допущенные к участию являются инсайдерами, а не аутсайдерами.

Приведем пример анализа законотворческого процесса, изложенного известным американским специалистом по новейшему российскому парламентаризму Томасом Ремингтоном: «Высокоуровневые лоббистские кампании противопоставляют одно министерство другому, одну госкорпорацию другой и думские комитеты друг другу. Вовлечены огромные суммы денег. “Единая Россия”, стремясь поддержать позицию правительства, часто сталкивается с трудностями, поскольку правительство и президентская администрация сами внутренне разделены. По этой причине финальные голосования во втором и третьем чтении не отражают интенсивность борьбы и степень конфликтности вопроса. <...> К моменту формирования голосующего большинства все необходимые договоренности и компромиссы уже достигнуты, и вся фракция “Единая Россия” выстраивается согласно генеральной линии. <...> Разделения, существующие внутри государственной администрации и бизнес-сообщества относительно того или иного налога или вида регулирования, представлены внутри доминирующей партии. Партия не столько реализует определенную программу посредством принятия законодательных актов, сколько служит механизмом, работающим на властное и ресурсное обеспечение политической элиты в обмен на полную поддержку цели Путина – концентрации власти в руках президента» [Remington, 2008, p. 959].

Процитированный фрагмент содержит элементы политического анализа, базирующегося на теории неоинституционализма, точнее, одного из ее направлений – «институционализма рационального выбора». Как явствует из названия, данное направление во многом опирается на политэкономическую теорию рационального выбора, но не идентично ей. Оно рассматривает ограниченный набор действий, совершаемых политическими акторами внутри публичных институтов. При этом сам институт понимается как система ограничений и стимулов, внутри которых индивидуумы стремятся максимизировать собственные выгоды¹.

¹ См. об этом также: [Шульман, 2010 а].

Для российских политологов, сравнивающих российскую политическую систему с ее западными аналогами, свойственно стремление доказать, что нынешний этап развития отечественного парламентаризма либо соответствует международным стандартам, либо отклоняется от них. Как представляется, уход в оценочность – а точнее, сравнение текущей российской ситуации с теми или иными международными нормами – также не приближает нас к пониманию происходящего, равно как и попытки всерьез изучать то, что является декоративным, формальным или второстепенным по отношению к реально идущим политическим процессам.

Если цель исследования – понять именно политическое содержание законотворческого процесса, то следует во многом абстрагироваться от его внешней, регламентно-правовой, стороны (назовем ее формальной). Не отрицая ее важности, отметим, что она достаточно подробно отражена в российской научной литературе.

Изменения в законодательстве и представительство политических партий в российском парламенте

В современных российских условиях акцент на партийном аспекте парламентаризма способен увести исследователя в сторону от сущностных процессов, происходящих как в парламенте, так и за его пределами, – учитывая во многом витринный характер существующей партийной системы и почти полное отсутствие у действующих партий содержательной программы.

Не требуется особой проницательности, чтобы понять, что российские парламентские партии организованы по принципу очереди: пока в кассовом окошке выдают что-то, за чем имеет смысл стоять, очередь организована, стабильна, поддерживает внутренний порядок и отсекает попытки аутсайдеров этот порядок нарушить. Как только окошко закрывается, очередь растворяется.

Но каким именно образом партии задействованы в законотворческом механизме, центральным и наиболее открытым элементом которого является нижняя палата Федерального собрания?

Чтобы понять это, напомним общий контур политико-правовой реформы, проведенной в 2000-е годы.

В 2000 г. указом главы государства были введены должности полномочных представителей Президента РФ в федеральных окру-

гах, а также законодательно изменен принцип формирования Совета Федерации – если раньше в работе органа участвовали лично главы исполнительной и законодательной ветвей власти субъектов РФ, то теперь в нем стали заседать назначенные ими представители.

В 2001 г. изменилось законодательство о политических партиях: отныне в выборах, в том числе региональных и местных, могли участвовать только политические партии и блоки; исчезло понятие региональных и межрегиональных партий; для регистрации партии стало необходимо иметь отделения более чем в половине субъектов РФ.

В 2004 г. были отменены выборы глав субъектов Федерации. Одновременно депутаты Государственной думы стали избираться только по партийным спискам, а региональные законодательные собрания перешли на смешанную систему выборов. Минимальный порог для прохождения политической партии в федеральный парламент было повышен с 5 до 7%.

В 2008 г. срок полномочий Госдумы был продлен с четырех до пяти лет, а президента – с пяти до шести лет.

Таким образом, 3-й созыв Госдумы избирался еще по относительно либеральным правилам, тогда как 4-й и 5-й формировались в условиях их ужесточения. В Госдуме 4-го созыва (2003–2007) было уже практически невозможно создавать депутатские группы (минимальное число их членов увеличилось с 35 до 55), а количество фракций сократилось до четырех («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Родина»). Еще более важно с точки зрения политической конкуренции то, что крупнейшая фракция сконцентрировалась в своих рядах 67,5% депутатского состава.

Доминирование партии большинства, тесно ассоциированной с исполнительной властью, неизбежно сужает поле публичной политики, уменьшает возможность для заинтересованных групп оказывать влияние на процесс и результаты законотворчества.

Однако с политической точки зрения 3-й созыв был еще во многом промежуточным – уровень его открытости был выше, чем в последующие годы, а возможностей для мобильности депутатов внутри палаты больше, чем в рамках 5-го созыва. Еще не были отменены выборы по одномандатным округам, могли существовать независимые, т.е. не входящие в зарегистрированные депутатские объединения, члены палаты. Сохранялось также пространство для таких политических пертурбаций, как раскол фракции «Родина»,

от которой в июле 2005 г. отделилось девять человек, создав фракцию с аналогичным названием (позже сменившимся на «Патриоты России»)¹.

В рамках своей законотворческой деятельности Государственная дума 4-го созыва успела рассмотреть 2712 законопроектов и принять 1062 федеральных и 25 федеральных конституционных законов [Грызлов, 2007].

Из достижений законотворческого процесса в этот период отметим дальнейший перевод избирательной системы России на пропорциональную систему (отмену выборов в ГД по одномандатным округам) и реформу бюджетного процесса, лишившую законодательную власть рычагов прямого влияния на распределение бюджетных средств как между центром и субъектами Федерации, так и внутри регионов.

Влияние изменений в партийном законодательстве на законотворчество

Политико-правовые факторы, наиболее существенно повлиявшие на законотворческий процесс в Госдуме последних двух созывов (2007–2014), можно разделить на две основные категории.

1. Законодательные изменения условий формирования депутатского состава – реформа выборного законодательства, в первую очередь в части, касающейся повышения с 5 до 7% порога прохождения в Думу, а также ограничение круга участников парламентских выборов только партиями².

Как следствие:

¹ Госдума признала законной регистрацию второй «Родины». – 8 июля 2005 г. – Режим доступа: http://big.newsru.com/russia/08jul2005/baburin_rodina.html (Дата посещения: 08.11.2014.)

² Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ; Федеральный закон от 18 мая 2005 года № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

– регламентные изменения внутри самой Думы – в первую очередь фактический запрет на организацию депутатских групп¹.

– изменения порядка законотворческой деятельности внутри фракций – в первую очередь, ограничение партийной дисциплиной законодательной инициативы депутатов.

2. Изменения в порядке прохождения ключевых законопроектов – реформа бюджетного процесса, а также введение неформального института «нулевого чтения» по наиболее важным законопроектным инициативам.

Как эти изменения сказались на ходе законотворческого процесса?

Во-первых, сокращение числа фракций и исчезновение депутатских групп значительно ограничило возможности депутатов выступать с законодательными инициативами. Это ограничение объясняется тем, что члена фракции большинства, который не может теперь уйти в другую депутатскую группу или стать независимым депутатом, легче связать дисциплинарными ограничениями. В течение последних 5–6 лет подобного рода ограничения появились как в доминирующей фракции, так и в так называемых оппозиционных. В основном они касаются запрета на внесение депутатом законотворческих инициатив без согласования с руководящими фракционными и партийными органами².

Во-вторых, исчезновение депутатских групп, которые по сравнению с партийными фракциями отличались меньшей идеологизированностью и часто строились не по политическому, а по региональному принципу (например, депутатские группы «Регионы России» и «Народный депутат» в Госдуме 2-го и 3-го созывов), создавали некоторую вариативность внутрипарламентской жизни,

¹ Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Принят постановлением Государственной Думы от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД // СЗ РФ. – 1998. – № 7. Ст. 801; № 16. Ст. 1828.

² См., например, «Депутаты “Единой России” не смогут вносить законопроекты без предварительного одобрения фракционного экспертно-консультативного совета» // *Газета.ру*. – 11.04.11 – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2011/04/11_a_3581309.shtml (Дата посещения: 08.11.2014.) Неформальным образом такого рода ограничения были введены гораздо раньше – начиная с образования в 2001 г. Консультативного совета четырех депутатских объединений: фракций «Отечество – Вся Россия» и «Единство», а также депутатских групп «Регионы России» и «Народный депутат».

давая отдельному депутату больше возможностей влиять на законотворческий процесс. Напомним, что посты в комитетах Госдумы – ключевых организаторах законотворческого процесса – традиционно распределяются в соответствии с межфракционными соглашениями.

В-третьих, сокращение числа фракций и групп вело к исчезновению «лишних» аппаратов. Это, казалось бы, естественное и позитивное следствие политической монополизации палаты (сокращение аппарата любого государственного органа традиционно оценивается позитивно) также отрицательно сказалось на законотворческих возможностях депутатов.

Аппарат и его роль в законотворческом процессе

Напомним, какие вспомогательные подразделения и сотрудники обеспечивают ход законотворческого процесса в Государственной думе. Это помощники депутатов, сотрудники аппаратов фракций, сотрудники аппаратов комитетов и сотрудники центрального аппарата (собственно Аппарат Государственной думы с его руководством и управлениями)¹.

Работающие в Государственной думе аппараты можно разделить на три типа: связанные с ротацией созывов, частично связанные и не связанные (или постоянные). Полностью зависят от смены депутатского состава помощники депутатов и сотрудники аппаратов фракций. Их рабочие функции носят политический характер, а карьера напрямую связана с личностью начальника – депутата или руководителя фракции.

Как известно, депутат Государственной думы может иметь до пяти оплачиваемых помощников, из них не более двух – для работы непосредственно в Госдуме. Остальные помощники работают «на территории», т.е. в том регионе, откуда депутат избран².

Хотя у многих депутатов помощники имеют достаточный опыт в сфере законодательной деятельности, однако большинству

¹ Состав и структура Государственной Думы. – Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/structure/all> (Дата посещения: 08.11.2014.)

² Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 25.07.2011) «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». – Ст. 37, п. 1.

людей, обладающих такого рода знаниями и навыками, такой статус кажется недостаточно престижным.

Аппарат фракции (депутатской группы) более привлекателен с точки зрения престижа и возможностей карьерного роста и, следовательно, аккумулирует более квалифицированный персонал. Кроме того, в силу своей внутренней структуры он дает больше возможностей для систематического планирования, написания и проведения законопроектов. Ко всему прочему, фракция (группа) заинтересована в законотворческих успехах «своих» депутатов, пусть даже заинтересованность самого депутата в них не так высока. Традиционная практика, когда фракционные проекты вносятся от имени депутатов, которые имели к их авторству лишь косвенное отношение.

В меньшей степени зависимы от смены созывов сотрудники аппаратов комитетов и комиссий. Хотя каждый новый созыв приносит изменения в число и сферу ответственности думских комитетов, сотрудники аппарата обычно перемещаются в новые структуры, и их контингент остается стабильным. Объясняется это тем, что сотрудники аппаратов комитетов закреплены за определенными правовыми сферами, в которых они за долгие годы работы научились хорошо разбираться. Слияния, разделения или даже ликвидация комитетов не уничтожают ту правовую сферу, с которой связан сотрудник, – новации в соответствующей области законодательства все равно будут поступать, и кто-то должен ими заниматься.

В наименьшей степени зависят от результатов выборов и ротации депутатского состава сотрудники центрального аппарата палаты – работники управлений. Из них для законотворческого процесса имеют значение прежде всего два: Правовое управление (подготовка заключений на вносимые законопроекты) и Аналитическое управление (написание информационно-аналитических бюллетеней о работе Думы и аналитических материалов по отраслям законодательства).

Фракции и комитеты: Кто больше законотворчеству ценен?

В Думе 3-го созыва действовало шесть фракций и три депутатские группы. В Думе 4-го созыва было сформировано пять фракций, депутатские группы уже отсутствовали, однако еще была возможность существования независимых депутатов, кото-

рых в 4-м созыве насчитывалось 23 (5,11% от общего состава). В Думе 5-го созыва работали четыре фракции, причем крупнейшая из них включала 70% депутатского состава – параметр, недостижимый ни в одном из прежних созывов. Независимых депутатов, т.е. депутатов, находящихся вне фракций, не существовало. Те же четыре фракции сохранились и в 6-м созыве. Фракция большинства в текущем созыве включает чуть меньше 53% всех депутатов – в отличие от предыдущего созыва она не обладает конституционным большинством, необходимым для внесения изменений в Конституцию и федеральные конституционные законы, но имеет простое большинство, достаточное для решения почти всех остальных вопросов, относящихся к компетенции палаты¹.

Как видим, число депутатских объединений от созыва к созыву сокращается как количественно, так и качественно (переход от системы фракции / депутатские группы / независимые депутаты к системе фракции / независимые депутаты, а затем – только фракции)².

Число парламентских комитетов и руководящих постов растет с каждым созывом. В Думе 1-го созыва было 23 комитета и пять вице-спикеров, 2-го созыва – соответственно 28 и шесть, 3-го созыва – 28 и девять, 4-го созыва – 29 и 10. В Госдуме 5-го созыва было организовано 32 комитета и создано девять вице-спикерских постов (включая первого вице-спикера). В Госдуме 6-го созыва у председателя палаты семь заместителей, из них два первых, в палате 30 комитетов и шесть постоянных комиссий³.

Традиционно рост числа комитетов, противоречащий декларируемым в начале каждого созыва намерениям их сократить, объясняется тем, что в случае, когда ни одна фракция не имеет конституционного большинства, посты распределяются путем пакетного соглашения и служат предметом межфракционных договоренностей. Доминирующая же фракция не может упустить возможность вознаградить всех своих значимых членов руководящими

¹ Состав и структура Государственной Думы. – Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/structure/all> (Дата посещения: 08.11.2014.)

² История Государственной Думы. – Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/about/history> (Дата посещения: 08.11.2014.)

³ Руководство Государственной Думы. – Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/structure/leaders> (Дата посещения: 08.11.2014.)

постами, в связи с чем число этих постов не сокращается, а увеличивается.

Обратим внимание на иной аспект проблемы: **рост числа парламентских комитетов не оказывает позитивного влияния на плюрализм и качество законотворческого процесса – в отличие от роста числа депутатских объединений.**

Почему это происходит? Регламентная роль комитетов в процессе прохождения законопроектов внутри Государственной думы чрезвычайно велика: комитеты вносят предложения по формированию плановых документов Государственной думы, определяют их приоритетность, осуществляют предварительное рассмотрение законопроектов и их подготовку к рассмотрению палатой, готовят заключения на законопроекты и проекты постановлений и т.п.¹

Однако эти функции носят именно регламентный характер – с политической точки зрения парламентские комитеты не конкурируют друг с другом и, соответственно, не создают ту конкурентную среду, которая является ключевым элементом повышения качества законотворческого процесса.

Лучшее, что парламентские комитеты могут сделать для повышения качества законотворческого процесса, – это организовать экспертные советы по своей тематике с участием отраслевых экспертов, которые таким образом получают прямой доступ к выработке законодательных решений. Такого рода экспертные советы имеются при всех комитетах, в значимых комитетах их несколько – в соответствии с законодательными темами. Например, при Комитете по финансовому рынку действуют экспертные советы по законодательству о банках и банковской деятельности, по финансовым рискам, по законодательству о страховании, по законодательству о микрофинансовых организациях и потребительских кооперативах².

Члены экспертных советов – ученые, представители отрасли и сотрудники профильных министерств. Однако плюралистическое представительство, которое обеспечивает подлинную конку-

¹ Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Принят постановлением Государственной Думы от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД // СЗ РФ. – 1998. – № 7. – Глава 4. Ст. 19, п. 2.

² Список экспертных советов Комитета ГД по финансовому рынку. – Режим доступа: <http://www.komitet2-12.km.duma.gov.ru/site.xp/051053049.html> (Дата посещения: 08.11.2014.)

ренцию мнений, в том числе в рамках того или иного экспертного совета, возможно только при наличии политической конкуренции внутри самого комитета, когда его члены заинтересованы в том, чтобы в консультационных органах имелись эксперты, представляющие различные точки зрения.

Политический интерес как двигатель законотворческого процесса

Политические объединения – фракции и депутатские группы, а также отдельные депутаты, выступающие в роли самостоятельных политических акторов, – не привязаны к конкретным законодательным темам и заинтересованы в том, чтобы каждый обсуждаемый проект был рассмотрен наиболее всесторонне и полно. Для итогов законотворческого процесса несущественно, мотивированы ли они, что называется, «интересами дела» или желанием привлечь к себе общественное внимание.

Публичная и гласная дискуссия сама по себе оказывает позитивное влияние на качество финального законопроекта, вне зависимости от причин, ее вызвавших, и такая дискуссия производится только привлечением к обсуждению максимального числа заинтересованных сторон, связанных регламентными нормами. Приведем на этот счет мнение эксперта, чья карьера на протяжении последних 15 лет была связана как раз с непубличной стороной политики, – создателя и главы Фонда эффективной политики Г.О. Павловского: «Кабинетные, кулуарные разговоры могут быть чрезвычайно либеральны, да, но это рабочие разговоры. Это не дебаты, за них ты не несешь ответственность, ты можешь высказать очень, я это могу сказать точно, очень радикальную позицию в кабинете, но ты не несешь за нее политическую ответственность»¹.

Даже если партийность, разделение властей и выборные циклы носят декоративный, подражательный или имитационный характер, это не ставит под сомнение реальное существование внутри и вокруг структур власти групп интересов и индивидуаль-

¹ Интервью Г. Павловского программе «Dura Lex» радиостанции «Эхо Москвы». – 26.11.2011. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/lex/833169-echo> (Дата посещения: 08.11.2014.)

ных акторов, а также необходимости достижения баланса между этими группами и лицами. В наиболее «лабораторно чистом» виде процесс балансировки и достижения договоренностей наблюдаются как раз в законотворческом процессе. Более того, этот процесс на всех своих этапах в значительной степени документирован, ограничен во времени и числе участников и в большей степени публичен, чем многие другие, в особенности внутриэлитные, политические процессы.

Разумеется, эту документированность и транспарентность не стоит понимать буквально – сущностные процессы межэлитных согласований не находят отражения в выступлениях на пленарных заседаниях или интервью законотворцев. Более того, одна из характерных черт современного российского законотворчества – уход из сферы публичной политики, которой по определению является законотворческая деятельность, в сферу непубличную (институт «нулевого чтения», расцвет разного рода закрытых дискуссионных площадок – комиссий, рабочих групп и пр.).

Тем не менее при некотором навыке чтения межведомственной переписки, решений комитетов, протоколов и стенограмм заседаний и иного рода бюрократической документации исследователь получает шанс понять политический смысл того, что, по сути, является внутриэлитной дискуссией, обсуждением вопроса о власти, перераспределении которой в той или иной сфере и составляет политическое содержание всякого законопроекта¹.

Список литературы

- Авакьян С.А.* Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы // Журнал российского права. – М., 2003. – № 11. – С. 43–54.
- Баранов В.М.* Концепция законопроекта: понятие, элементы, виды, проблемы реализации // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2-х т. / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2006. – С. 82–133.
- Буратаева А.М.* Парламентская модель партийного доминирования в российской политической системе: Дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Волгоград, 2007. – 193 с.

¹ См. также: [Шульман, 2010].

- Волкова Е.А. Конституционно-правовые аспекты участия политических партий в формировании и деятельности парламента России: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 238 с.
- Гаджимогомедов Г.А., Излиев Г.П. Участие Правительства Российской Федерации в законодательной деятельности: научное издание. – М.: Норма, 2008. – 222 с.
- Грызлов Б.В. Выступление в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации по итогам 4-го созыва // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – М., 2007. – № 6 (79). – С. 9–10.
- Гузнов А.Г., Кененов А.А., Рождественская Т.Э. Современный законодательный процесс: основные институты. – Смоленск, 2005. – 93 с.
- Законотворчество в Российской Федерации / Авт. колл.: А.И. Абрамова, Т.В. Голубева, А.В. Мицкевич и др.; Под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Формула права, 2008. – 608 с.
- Казakov Д.В. Политический фактор в законотворчестве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 25 с.
- Коргунок Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2007. – 544 с.
- Котляревский С.А. Власть и право. – СПб.: Лань, 2007. – 320 с.
- Перегудов С.П. Политическое представительство интересов: опыт Запада и проблемы России // Полис. – 1993. – № 4. – С. 115–124.
- Законодательная техника: научно-практическое пособие / Ю.А. Тихомиров и др. – М., 2007. – 272 с.
- Тихомиров Ю.А. Стабильность интересов и конфликтов в праве // Концепции стабильности закона. – М., 2007. – С. 65–66.
- Шейнис В.Л. Движение по спирали: превращения российского парламента // Общественные науки и современность. – 2004. – № 5. – С. 43–52.
- Шувалов И.И. Правительство Российской Федерации в законотворческом процессе: Научное издание. – М.: Норма, 2004. – 142 с.
- Шульман Е.М. Законодательная поддержка политических изменений: современные методы политологического анализа российской законотворческой практики // Политическая модернизация в XXI веке: Мировой опыт и российская практика: Сборник по итогам конференции / Российская Академия государственной службы при Президенте РФ. – М.: РАНХиГС, 2010. – С. 159–167.
- Шульман Е.М. Законопроектная работа в Государственной Думе РФ на современном этапе: процесс внутри процедуры // Государство, власть, управление и право: история и современность: материалы всероссийской научно-практической конференции / Государственный университет управления. – М.: ГУУ, 2010 а. – С. 293–298.
- Grindle M., Thomas J. Public choices and policy change: The political economy of reform in developing countries. – Baltimore: John Hopkins univ. press, 1991. – 240 p.
- Remington T. Patronage and the party of power: President-Parliament relations under Vladimir Putin // Europe-Asia studies. – L., 2008. – P. 959–987.
- Sutton R. The Policy Process. – L., 1999. – December 31. – 26 p. – (Overseas development institute. Working paper).

О.В. ПОПОВА

ГЕНДЕРНЫЕ ПАРТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Изменение партийного законодательства [Федеральный закон., 2012] и трансформация партийной системы после электро-
рального цикла 2011–2012 гг. – естественное следствие недоволь-
ства гражданских активистов псевдоконкурентным характером
доминантной партийной системы. Иницируя эти изменения, эли-
та пыталась снизить уровень политической напряженности.

На конец октября 2014 г. в Министерстве юстиции РФ были
зарегистрированы 75 политических партий [Список зарегистриро-
ванных партий, 2014] (в феврале их было 78). Налицо значитель-
ное расширение партийного поля. Облегчение требований к созданию
и функционированию партий свидетельствовало о сознательном
решении включить в публичную политику новых игроков – неэф-
фективность вновь созданных малых партий дает элите дополни-
тельный аргумент в пользу того, что гражданское общество «неспо-
собно» создавать политические институты «снизу».

«Малые» партии после изменения партийного законодательства 2012 г.

При значительном количестве политических партий уровень
межпартийной конкуренции остается относительно невысоким.
Причина тому – вопиющее неравенство ресурсов. Типичными сла-
быми сторонами большинства созданных в России за последние
два года партий являются недостаток финансовых ресурсов; не-

развитая организационная структура; низкий конкурентный статус; нехватка лидеров с эффективным имиджем; отсутствие поддержки со стороны СМИ; непредставленность в органах власти; административное давление; безусловное доминирование основных парламентских партий.

Положение новых партий, которые из-за незначительности ресурсов, сторонников, опыта политической борьбы и т.д. обычно называют «малыми», небезнадёжно в ситуации достаточно низкой идентификации населения страны со «старыми» партиями (согласно опросам общественного мнения, менее 30% граждан России убеждены в существовании партии, выражающей их интересы), необходимости публичного представительства интересов конкурирующих элитных групп, а также запроса на структуры, которые своей разоблачительной критикой выполняли бы роль «политических киллеров».

Невозможно найти такое «политическое предложение», которое устраивало бы все социальные группы, а «попытка понравиться сразу всем во время выборов означает почти наверняка остаться без голосов» [Малкин, Сучков, 2003, с. 103]. Для малых партий это особенно актуально, поскольку отказ сосредоточиться на работе с базовым электоратом может привести к потере значительной его части, распылению ресурсов и, естественно, неполучению голосов.

Угрозами для малых партий остаются прежде всего потеря спонсоров; использование конкурентами «черного» PR, обвинения партийных лидеров в коррупции, злоупотреблениях, хищениях и т.д.; неблагоприятное изменение политической ситуации, в том числе появление новых конкурентов и усиление старых и т.п.

В новых партиях особое внимание должно быть уделено созданию эффективной системы управления, формированию команды со стратегическим типом мышления, оптимизации организационной структуры, привлечению новых активистов. Нелишними будут успех на местных выборах, обострение политической ситуации, в том числе вследствие недовольства части городского молодежного электората, сотрудничество с близкими по целям и задачам партиями, поддержка партии органами власти в определенных тактических вопросах.

Это не означает, что у российских малых партий совсем нет потенциала политического влияния. Руководители любой партии,

даже если ее электоральная поддержка незначительна и не позволяет провести кандидатов в представительный орган, могут попытаться передать голоса своих сторонников другому участнику выборов. Создав достаточно развитую оргструктуру, они могут стать заметными игроками на местном, региональном и даже федеральном уровне. Кроме того, отдельные малые партии могут предложить проекты развития страны или отдельных регионов, что позволит им привлечь внимание структур исполнительной власти и стать основой реального взаимодействия с ними.

Гендерная асимметрия в социуме и властных институтах

В начале XXI в. численность женщин в России заметно превышает численность мужчин. Официально они имеют равные с мужчинами права, однако в социальном и политическом плане остаются меньшинством и страдают от неравенства и несправедливости.

В целом количество мужчин и женщин в стране соотносится как 86 / 100. В представленной таблице видно, насколько резко меняется пропорция мужчин и женщин в старших возрастных группах, которые традиционно более активно участвуют в выборах.

Таблица

Гендерно-возрастная диспропорция населения современной России (данные на 2014 г.)*

Возрастная группа	% возрастной группы в составе населения России	Количество мужчин в возрастной группе	Количество женщин в возрастной группе	Пропорция мужчин и женщин в возрастной группе
0–14 лет	16,4%	11 980 138	11 344 818	1,06
15–24 года	10,7%	7 828 947	7 482 143	1,05
25–54 года	45,8%	31 928 886	33 319 671	0,96
55–64 года	13,8%	8 408 637	11 287 153	0,86
65 лет и старше	13,1%	5 783 983	13 105 896	0,44

* Составлено по данным сайта ЦРУ: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/rs.html>

В возрастной группе 55–64 года на 100 женщин приходится только 86 мужчин, а среди тех, кто старше 65 лет, и вовсе 44. Примерное равенство числа граждан России в возрасте до 14 и старше 55 лет фиксирует долгосрочные негативные тенденции к старению нации и низкой рождаемости. Казалось бы, половозрастная структура российского общества дает все шансы на процветание «женских» партий.

Однако в системе ценностей многих женщин политика воспринимается как нечто несоответствующее женской природе. Кроме того, расхожие стереотипы «политика – это грязное дело», «политика – дело мужское» ставят перед женщинами серьезные психологические барьеры. Участие женщин в политических партиях и женских движениях не снимает эту проблему полностью [Айвазова, Кертман, 2000; 2004; Айвазова, 2008].

Феномен гендерных разрывов в политике связан с целым комплексом показателей: «гендерной пирамидой» в системе государственных органов управления, где подавляющее число сотрудников-женщин занимают низшие посты, выполняя чисто исполнительские функции; тематическими ориентирами деятельности (женщины должны заниматься преимущественно социальной и семейной политикой); особенностями стиля политического лидерства (отказ от самовыражения, копирование мужского стиля поведения или попытка сочетания «мужских» и «женских» поведенческих стратегий) и т.д. Несмотря на численное превосходство в структуре населения, в политической практике женщины, по выражению А. Лейпхарта, играют роль «политического меньшинства».

Во второй половине 2000-х годов парламентские партии в целях борьбы за избирательниц среднего и старшего возраста несколько увеличили в своих избирательных списках представительство женщин. Однако только «Яблоко» имеет в своей структуре работающую женскую фракцию, ратующую за реальное гендерное равенство. Концепция «социального консерватизма» достаточно четко отражает установки представителей фактически всех партий в области гендерной политики – женщину необходимо поддерживать прежде всего (читай – только) в реализации ее материнских функций.

Политика гендерного равенства в сфере представительства во властных структурах направлена на предоставление равных гарантий социального развития и мужчинам и женщинам. Эффек-

тивным средством решения этой проблемы считаются гендерные квоты, позволяющие женщинам гарантированно занимать во властных структурах от 30 до 40% должностей. Отсутствие принципа гендерного представительства в избирательном законодательстве оставило женщин аутсайдерами среди политиков регионального и федерального уровней.

Для лоббирования интересов женщин необходимо их равное представительство в высших структурах государственной власти. То обстоятельство, что верхнюю палату парламента РФ возглавляет женщина (В.И. Матвиенко), одной из восьми заместителей председателя правительства является представительница «слабого пола» (О.Ю. Голодец), среди 23 федеральных министров также есть одна женщина (министр здравоохранения В.И. Скворцова), председателем Счетной палаты РФ является Т.М. Голикова, а три женщины возглавляют регионы России (М.В. Ковтун – Мурманскую область, Н.В. Комарова – Ханты-Мансийский АО, С.В. Орлова – Владимирскую область), еще не гарантирует гендерное равенство в политике.

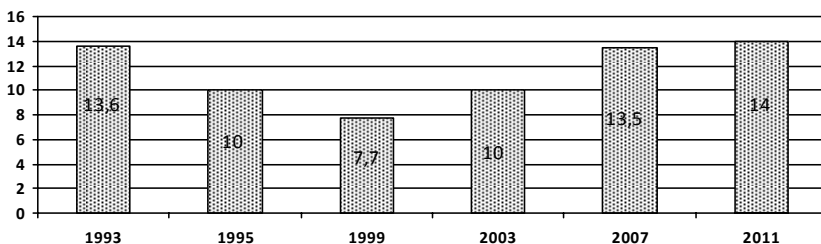

Рисунок.
**Динамика представительства женщин
в нижней палате парламента (%)**

Динамика количества женщин в нижней палате Федерального собрания очень неустойчива: в составе первого созыва (1993) женщины составили 13,6% депутатского корпуса, второго созыва (1995) – 10%, третьего (1999) – 7,7, четвертого – 10, пятого (2007) – 13,5, шестого (2011) – 14%.

Во фракции «Справедливая Россия» сегодня только 10 женщин (из 64 депутатов), в «Единой России» – 41 (из 238), в КПРФ – четыре (из 92), в ЛДПР – 5 (из 56). Поскольку выборы проходили

по пропорциональной системе, то совершенно очевидно, что женщин вполне осознанно ставили на заранее «непроходные» места. Причем в верхней палате российского парламента женщин еще меньше – только 4,7%.

Низкий уровень представительства женщин в федеральных органах законодательной и исполнительной власти «имеет глубокие корни и отражает исторически сложившуюся, ориентированную на мужчин систему управления, в которой не поощряется продвижение женщин» [Никовская, 2014].

Проблема недостаточного участия женщин в работе органов власти не может быть решена с помощью «женских» партий ввиду восприятия их элитой и значительной частью населения как маргинальных – из-за социально-культурных патриархальных традиций и стереотипов, активно возрождаемых и даже культивируемых в современной России. Подобный возврат к традиционным ценностям и нормам типичен для большинства восточноевропейских государств. Как следствие, не только мужчины, но и женщины не спешат отдавать свои голоса представителям организаций, которые, по мнению обывателя, отражают интересы только «слабой» части населения и не могут эффективно решать поставленные перед ними задачи. Примером того, как предвзятое отношение повлияло на судьбу политической партии, является организация «Женщины России», которая была представлена в российском парламенте только один срок (1993–1995).

НПЗЖР и ЖД – сестры-близнецы?..

Анализ материалов Народной партии «За женщин России» и партии «Женский диалог» не оставляет сомнений в сходстве стратегий, используемых этими двумя организациями.

Лидеры обеих «женских» партий используют в своей политической карьере символический капитал известности. Для Г.Ф. Хавраевой (НПЗЖР) это прежде всего ее профессия (режиссер, телеведущая, шеф-редактор ВГТРК) и государственная награда (орден Мужества за репортаж из Чернобыля во время ликвидации последствий аварии), для Е.Г. Семериковой (ЖД) – работа в Общественной палате в 2006 г., а также фронтовое прошлое ее матери В.В. Кадциной, которая в годы Великой Отечественной войны

служила в разведке. Это указывается непосредственно в программе ЖД (!): «...видный российский общественный деятель, политик, многодетная мать и дочь известной советской разведчицы» [Программа партии ЖД, 2014].

Обе партии пытаются использовать и символический капитал присоединения. Так, в программе ЖД содержится ссылка на высказывание В.В. Путина, в материалах сайтов обеих партий есть обращение к президенту, фотографии лидеров партии в компании с ним и т.д. На сайте ЖД можно обнаружить информацию о том, что президент Чечни Р. Кадыров получил благодарность от лидера партии за посредничество в освобождении задержанных на Украине российских журналистов [Рамзан Кадыров..., 2014].

Обе партии выросли на основе общественных организаций, обе дистанцируются от того, чтобы их считали «феминистскими» или «женскими», подчеркивая, что не менее 50% их членов составляют мужчины, что партии ратуют за семейные ценности и поддержку семей. Так что мнение экспертов, оценивающих эти образования как «партии одного вопроса» и «политические проекты», вполне справедливо.

Основные направления работы ЖД, как следует из материалов, размещенных на официальном сайте партии, – миротворческая деятельность по урегулированию внутригосударственных межнациональных и межконфессиональных, а также надгосударственных конфликтов, защита национальных и геополитических интересов России на мировой политической арене (!), а также борьба за жизнь, здоровье и интересы российских граждан во всех уголках земного шара. Совершенно очевидно, что эти задачи не могут быть решены силами политической партии, тем более представленной во власти только депутатами МСУ. Противостояние коррупции, семейственности и бесчинствам чиновников действительно отвечает интересам большинства населения, равно как и профилактическая борьба с алкоголизмом и наркоторговлей, но эти проблемы также не могут быть решены усилиями маленькой политической партии. Ставка на развитие армии, ВПК и космической отрасли отражает личную позицию председателя партии ЖД, связанную с ее жизненным путем.

Некоторые задачи звучат очень демократично и повторяют формулировки Конституции РФ, например, поддержка независимых средств массовой информации, свободы слова, прав и свобод

российских граждан. Формулировка программной задачи по *«увеличению присутствия женщин в процессе принятия государственных решений и в политическом процессе нашей страны»* не предполагает реальных действий для реализации политики гендерного равенства и обеспечения влияния женщин на политику. Задачи противодействия незаконной миграции и торговле людьми, борьбы за прекращение всех форм насилия в отношении женщин, детей и пожилых людей соответствуют, скорее, возможностям парламентских партий и / или силовых органов. Единственная задача, которая не вызывает сомнений и непосредственно вытекает из российского законодательства о партиях, – это участие в политической жизни страны путем выдвижения кандидатов на выборах всех уровней – от низового (МСУ) до главы государства.

Если программа ЖД написана в лирическом ключе и содержит даже стихотворение, то устав партии [Программа и Устав..., 2014] строго соответствует российскому законодательству и позволяет выявить как формальную структуру управления, так и тот факт, что текущей работой организации руководят председатель партии и председатели политсоветов региональных и местных отделений (в уставе предусмотрены и другие органы управления). Речь, по сути, идет о сетевом принципе организации партии и непосредственном подчинении региональных отделений лидеру. Положение о возможности избирать одного человека на пост председателя партии пять раз (каждый раз сроком на пять лет!) свидетельствует о том, что ее нынешний лидер рассчитывает пожизненно пребывать в этой должности.

Из устава также не следует, что членами партии являются представители какой-либо одной или нескольких социально-демографических групп, тогда как программа партии прямо апеллирует к образам женщины и матери, занимающих исключительно активную миролюбивую позицию (*«только женщины со своим материнским инстинктом самосохранения способны остановить войну, вражду и ненависть»*).

Возникает вопрос о логике названия партии. Вообще-то, женский диалог – разговор женщин друг с другом. Если речь идет об обращении женщин к политическим акторам, то название нелогично даже с формальной точки зрения, поскольку оно допускало бы единственную тактику решения политических проблем – об-

ращение не непосредственно к политическим лидерам-мужчинам, а к их женам.

Впрочем, подобное действие лидер ЖД уже совершила, обратившись весной 2014 г. с письмом к первой леди США с требованием остановить военные действия на Украине и *«повлиять на супруга, донести до него правдивую информацию о том, что происходит на юго-востоке Украины, и постараться убедить его в необходимости прекращения вооруженных действий против мирного населения»* [Мишель Обаму..., 2014].

Еще раньше, в 2013 г., Е. Семерикова обращалась к первой леди США по поводу необходимости остановить военные действия в Сирии. Нужно ли говорить о нулевой эффективности подобного демарша, хотя вежливые и ни к чему не обязывающие ответы от действующих послов США в России (в 2013 г. – от М. Макфола, в 2014 г. – от сменившего его на посту Дж. Теффта) в ответ все же пришли. Обращения лидера ЖД в адрес глав ООН и Евросоюза и вообще закончились ничем [Председатель «Женского Диалога»..., 2014].

В уставе НПЗЖР структура партии прописана более подробно: подчеркиваются как значимость коллегиальных органов власти, так и роль лидера. Максимальный срок избрания одного и того же председателя – не более четырех пятилетних сроков – также предполагает практически пожизненную несменяемость при формальном наличии процедуры перевыборов.

Как и в случае с ЖД, в уставе НПЗЖР не зафиксировано никакой ориентации на определенную социальную группу. В программе партии четко отражена ее «всеядность», притом что женщины рассматриваются в качестве движущей силы электорального и партийного процесса (*«Мы – народная партия, так как больше половины россиян – женщины, больше половины избирателей – женщины»*; *«Российские женщины, вместе с любимыми, мужьями, сыновьями, отцами, дедами, братьями, соратниками-мужчинами»* [Программа Общероссийской..., 2014]). В значительных по объему фрагментах программы присутствуют апелляция к русским и критика сложившихся в стране практик. Враг обозначен предельно четко – чиновники и власть имущие, но при этом борьба должна вестись не с ними, а с бедностью и невозможностью добиться решения элементарных вопросов.

Программа НПЗЖР гораздо больше по объему, чем у ЖД, однако она также полна публицистических и лирических вставок, в том

числе и стихотворных. Хотя идеология партии в программе предельно четко определена как неоконсервативная, тем не менее партия позиционирует себя как народная, а ее важнейшей задачей называется развитие социальных программ (*«спасти брошенных государством на произвол судьбы беззащитных детей, матерей-одиночек, стариков, инвалидов, бездомных»*). При этом активисты партии убеждены, что СМИ, привлекая внимание к проблемам, будируя те или иные социальные темы, помогают их решить. От крупных собственников требуется только их добрая воля в реализации патерналистских программ поддержки малоимущих (например, в создании столовых для бедных).

В программе подчеркивается утрата значительными слоями населения России нравственных ценностей. Основой духовного возрождения страны должны стать нравственно чистые люди, ведущие *«праведный образ жизни»*, а также становление семейных традиционных ценностей. В основе экономического могущества страны должно лежать возрождение российской деревни и агропромышленных комплексов, способных обеспечить продуктами питания всю страну.

Стратегические задачи НПЗЖР – превращение в «партию власти», полное замещение импортных продуктов питания отечественной сельскохозяйственной продукцией, возвращение в Россию соотечественников, улучшение качества жизни малоимущих социальных групп, оказание помощи социально незащищенным гражданам, обеспечение обязательности исполнения законов всеми слоями общества. К тактическим задачам НПЗЖР программа относит создание параллельных властным институтам общественных структур (Советы общественного спасения (СОС), Всероссийский общественный совет мудрецов (ВОСМ), а также многочисленные популистские меры, к неоконсерватизму отношения не имеющие: введение в оборот казначейского рубля (для безналичных денежных расчетов, связанных с использованием бюджетных средств); упрощение системы налогообложения; освобождение от подоходного налога малоимущих и повышение налоговой нагрузки на посреднические фирмы, не участвующие непосредственно в создании материальных ценностей или предоставлении услуг населению, а также на собственников недвижимости и земельных угодий; введение в Уголовный кодекс статьи за необоснованное повышение цен на продукты первой необходимости, услуги ЖКХ и лекарства;

повышение пенсий до среднего прожиточного уровня; установление верхнего предела пенсий (мера направлена против высоких доходов чиновников среднего и высшего рангов). Подобная формулировка целей четко показывает, что партия ориентируется на низшие и промежуточные между низшими и средними социальные слои.

Общим в стратегии обеих «женских» партий является работа с детьми и поддержка спортивных мероприятий.

О политическом потенциале «женских» партий совершенно четко свидетельствует то обстоятельство, что для голосования 14 сентября 2014 г. «Женский диалог» выдвинул только двух кандидатов – на выборах в органы МСУ Ставропольского края. В 2013 г. ЖД выдвигал кандидатов в трех субъектах Российской Федерации – в парламент Чеченской Республики, в Рязанскую областную думу и на пост главы Можайского района Московской области.

Народная партия «За женщин России» в сентябре 2014 г. не выдвигала своих кандидатов на пост губернатора ни в одном из субъектов Федерации, однако участвовала в выборах в региональные органы власти (в двух субъектах Федерации), в выборах главы муниципальных образований одного областного центра и в выборах депутатов в органы МСУ двух регионов.

Эти данные тем более показательны, что в сентябре 2014 г. губернаторские выборы проводились в 30 регионах, в региональные собрания – в 14 субъектах РФ. Кроме того, в трех регионах выбирали глав муниципальных образований административных центров (столиц) субъектов РФ, в 20 – депутаты представительных органов.

В отличие от ЖД, у НПЗЖР все-таки есть определенные успехи. Осенью 2013 г. депутатом Государственного собрания Ил Тумен Республики Саха (Якутия) от партии стала Г.А. Бейсембаева, осенью 2014 г. депутатом Собрания Невельского городского округа в Сахалинской области избрана С.В. Латашенко. Кроме того, лидер Якутского отделения НПЗЖР Ф.В. Шишигина получила в октябре 2014 г. пост первого заместителя министра профессионального образования, подготовки и расстановки кадров республики.

Уровень активности обеих партий в социальных сетях достаточно низкий, хотя формально страницы обеих партий есть в

сети «ВКонтакте»¹. Обе партии имеют отделения в 43 регионах РФ, однако в Интернете практически отсутствует информация о работе региональных отделений. Некоторые данные о партийных событиях и людях, возглавляющих региональные отделения, можно получить лишь по коротким сообщениям в интернет-СМИ.

«Женские» партии в России: Сомнительные перспективы

Хотя с момента выхода классической работы М. Дюверже [Дюверже, 2000] прошло более полувека, его представления о типах «малых» партий позволяют не только понять, к какому типу тяготеют российские малые «женские» партии, но и оценить их перспективы.

М. Дюверже прежде всего интересовали «малые» партии в парламенте. На сегодняшний день «женские» партии в Госдуме не представлены, соответственно, они не могут претендовать на роль «малой силы» – «партий-арбитров», влияющих на исход голосования по важным вопросам. Наличие одного места в парламенте Республики Саха (Якутия) у представительницы НПЗЖР ситуацию не меняет.

Следствием этого является возможность выбрать только одну из двух стратегий. Согласно взглядам М. Дюверже, либо демонстрировать «нравственную чистоту», когда партия действительно стремится четко реализовывать интересы граждан, не имея при этом реальной возможности достигнуть результата; либо играть роль сателлита, оттеняющего «доктрины и позиции большой партии, чтобы привлечь к себе внимание парламентариев, которых они отпугнули бы, предстань они без этого прикрытия» [Дюверже 2000, с. 359]. В этом случае в ответ на символическую поддержку «партии власти» малая партия заслужит снисходительное одобрение и не столкнется с жестким противодействием со стороны региональных властей.

Используя классификацию М. Дюверже [Дюверже 2000, с. 358–367], можно утверждать, что «женские» партии на сего-

¹ Якутское отделение НПЗЖР. – Режим доступа: <http://vk.com/club56704586>; ЖД – <http://vk.com/wdialogue>, а ЖД зарегистрирована и в «Одноклассниках»: <http://www.odnoklassniki.ru/group/52242902548561>

дняшний день относятся к «штабам без войска» – не имеющим широкой поддержки, плохо структурированным организациям. Их нельзя отнести даже к группе непрочных и недолговечных клиентов, сплотившихся вокруг влиятельных личностей. Идеологическая платформа неплохо проработана у «Народной партии “За женщин России”», она четко акцентирует неоконсервативную составляющую. Основной постулат программы «Женского диалога» связан с ценностями мира и прекращения военных конфликтов как внутри России, так и за ее границами. То обстоятельство, что эти партии позиционируют себя как структуры, выражающие интересы женщин, отнюдь не гарантирует даже относительной поддержки на выборах со стороны этой демографической группы.

Российские «женские» политические партии не обладают ни одним из семи наиболее значимых ресурсов, гарантирующих эффективную политическую деятельность: 1) наличие тесной связи с органами исполнительной власти и бизнес-группами; 2) способность аккумулировать и артикулировать интересы социальных групп перед органами власти; 3) наличие четко выраженной идеологии, которая позволила бы избирателям ориентироваться в системе «мы – они»; как показывают исследования, политическая идеология не является существенным моментом для разграничения электоральных групп сторонников партий, ориентирующихся на социально-демографические группы; 4) сильный политический лидер партии, известный не только политикам, но значительному числу избирателей в стране; 5) мощная финансовая база; 6) информационная поддержка, особенно в электронных СМИ; 7) доступность независимой аналитической экспертизы и ресурсов, которые позволяли бы оперативно и эффективно реагировать на политические вызовы.

Список литературы

- Айвазова С., Кертман Г.* Мужчины и женщины на выборах. Гендерный анализ избирательных кампаний 1999 и 2000 гг. в России. – М.: Эслан, 2000. – 70 с.
- Айвазова С., Кертман Г.* Мы выбираем, нас выбирают...: гендерный анализ парламентских и президентских выборов 2003–2004 годов в России. – М.: Олита, 2004. – 90 с.
- Айвазова С.Г.* Российские выборы: гендерное прочтение. – М.: Консорциум женских неправительственных объединений: Ин-т социологии РАН, 2008. – 201 с.

- Дюверже М. Политические партии. – М.: Академический проект, 2000. – 538 с.
- Малкин Е., Сучков Е. Основы избирательных технологий и партийного строительства. – М.: Русская панорама, 2003. – 480 с.
- Мишель Обаму попросили повлиять на супруга. – Режим доступа: <http://partiyawd.ru/index.php/home/partnews/77-izvestiya-michelle-news> (Дата посещения: 9.11.2014.)
- Никовская Л.И. Женщины в политике: «за» и «против». – Режим доступа: http://www.spravedlivie.ru/i_ghenthiny_v_politike_zh_i_protiv.htm (Дата посещения: 9.11.2014.)
- «Женский диалог», Всероссийская политическая партия: [Официальный сайт]. – Режим доступа: <http://partiyawd.ru> (Дата посещения: 14.10.2014.)
- Председатель «Женского Диалога» обратилась к главам ООН и Европейского Союза. – Режим доступа: <http://partiyawd.ru/index.php/home/partnews/74-onn-es> (Дата посещения: 14.10.2014.)
- Программа и Устав партии «Женский диалог». – Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/node/2753> (Дата посещения: 14.10.2014.)
- Программа Общероссийской политической партии «Народная партия “За женщин России”». – Режим доступа: <http://www.izbiraem.ru/party/i/85> (Дата посещения: 14.10.2014.)
- Программа партии ЖД. – Режим доступа: <http://www.izbiraem.ru/party/i/201> (Дата посещения: 14.10.2014.)
- Рамзан Кадыров получил благодарность от партии «Женский диалог». 09.06.2014. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1811920.html> (Дата посещения: 14.10.2014.)
- Список зарегистрированных партий. Министерство юстиции Российской Федерации. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/node/40472> (Дата посещения: 14.10.2014.)
- Федеральный закон Российской Федерации от 2 апреля 2012 г. N 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О политических партиях”» // Российская газета. – 2012. – 4 апреля. – № 5746.

Я.Ю. ШАШКОВА, А.И. ДЕВЯТИЯРОВА

**ПАРТИИ В РЕГИОНАХ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ И СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ¹**

Вопрос о роли и месте партий в российской политической системе обсуждается почти два десятилетия. Чаще всего он принимает форму вопроса об эффективности в России традиционной для демократических государств многопартийной конкурентной системы и соответствующей ей модели функционирования партий. При этом ряд исследователей уже с конца 1990-х годов давали на этот вопрос отрицательный ответ [см., например: Голосов, Лихтенштейн, 2001; Кисовская, 2000; Левин, 2000; Пшизова, 1998]. Причинами этого, на наш взгляд, являются последствия трансплантации института в неконгруэнтную среду и его постоянных трансформаций.

Что касается первой причины, то, как справедливо отмечали М. Полтерович и П.В. Панов, трансплантация чужеродных институтов часто порождает радикальные сомнения в их значимости. В отсутствие общественного консенсуса политические акторы не в состоянии использовать данный институт для легитимации политического порядка и внедрения ментального образа соответствующего политического сообщества. Ключевую роль начинает играть согласованность («конгруэнтность») смыслов импортиро-

¹ Материал подготовлен при поддержке РГНФ (научный проект № 13-33-01001 «Информационные стратегии законодательных органов государственной власти как средство развития сферы публичной политики на региональном уровне (на примере регионов Юго-Западной Сибири)»).

ванных институтов в стране-доноре и стране-реципиенте. Высокая степень конгруэнтности приводит к постепенной конвергенции; низкая – к дивергенции, которая может повлечь за собой перерождение импортированных институтов и появление институциональных гибридов или превращение импортированных институтов в «оболочку», внутри которой функционируют традиционные для общества-реципиента неформальные практики [Полтерович, 2001; Панов, 2007, с. 101].

Именно так и произошло в нашей стране с партиями. Их трансплантация в неконгруэнтную среду привела к тому, что выполнение ими части функций (например, электоральной) шло в русле мировых тенденций, а часть наполнилась российской спецификой. По образному выражению Г.Л. Кертмана, произошли «одомашнивание» новых институтов и политических практик, уподобление их привычным, знакомым, вписывание импортированных институтов в традиционный ценностно-нормативный контекст и выработка спектра мотиваций политического поведения, органичного для «среднего россиянина» [Кертман, 2007, с. 120].

При этом были заимствованы новейшие формы политических партий, изменившие в условиях информационного общества свои функции и перешедшие, в частности, к широкому использованию маркетинговых методов. Однако на Западе они уже имели устойчивый круг сторонников и отлаженные технологии деятельности, а также были интегрированы в систему общественно-политических коммуникаций. Импорт постмодернистских партий в отечественные реалии при слабости гражданского общества зачастую превращал российские аналоги в малочисленные «электоральные машины», взаимодействующие с обществом в основном посредством рекламных акций и кампаний. Другими словами, российские партии изначально оказались не столько институтами политического представительства различных социальных групп, сколько «политическими предприятиями», используемыми элитными группировками.

В данной статье исследуются особенности реализации политическими партиями своих функций на региональном уровне. На материале регионов Западной Сибири показано влияние на этот процесс трендов российской трансформации и специфики регионов.

Роль партий в электоральном процессе и формировании региональных органов власти

Становление региональных партийных систем началось чуть позднее, чем на федеральном уровне, – в начале 1990-х годов, – и ориентиром для них выступали общероссийские партии, а стимулом – поездки региональных лидеров на общероссийские съезды. Большинство партийных организаций в регионах формировались как избирательные штабы, деятельность которых после федеральных кампаний замирала. Это объяснялось тем, что партии не располагали значительными ресурсами и не имели стимулов к регулярному и масштабному партийному строительству. Региональные отделения приобретали форму «комитетов» клиентелистского типа.

К тому же в большинстве субъектов РФ на региональных выборах использовалась мажоритарная система, приводившая к вытеснению политических партий на периферию электорального поля. Большинство мандатов в региональных легислатурах получали так называемые независимые кандидаты, чаще всего – чиновники исполнительной власти, директора предприятий и бизнес-структур [Динес, Николаев, Слиски, 2004], стремившиеся самостоятельно контролировать формирование законодательной базы и распределение финансовых ресурсов, с тем чтобы максимально снизить возможные транзакционные издержки в условиях нестабильной институциональной среды. Не последнюю роль играло и наличие у кандидата финансово-материальных ресурсов на проведение затратной предвыборной кампании.

Так, из 41 депутата ЗС Алтайского края первого созыва (1994) 14 составляли главы администраций районов, городов и их заместители (34%), 19 (36%) – хозяйственные руководители и всего четыре – представители бюджетной сферы (три врача и один учитель, около 10% депутатов)¹. Большая доля избранного в том же году депутатского корпуса Кемеровской области также приходилась на чиновников городского и районного уровней (главы и работники администраций муниципальных образований и депутаты местных Советов) – девять человек (28% от общего числа депутатов) и руководящий (по большей части директорский) состав хо-

¹ Сост. по: [Избирательные системы на Алтае., 2006, с. 378; Грани времени, 2009, с. 494].

заявляющих субъектов – десять человек (31%) [Шараев, 2007, С. 187–188]. Превалировали представители экономической сферы и в Томской областной думе первого созыва. Здесь руководители предприятий и коммерческих структур из разных сфер (промышленность, АПК, энергетика) получили 38% мандатов.

Наиболее активно электоральную функцию в 1990-е годы выполняла в большинстве регионов КПрФ, кандидаты от которой не только участвовали во всех выборах, но и не скрывали своей партийной принадлежности. Так, на выборах в Алтайский краевой совет народных депутатов 1996 г. образованный КПрФ и АПр блок «За подлинное народовластие, гражданский мир и интересы человека труда» выдвинул или поддержал кандидатов по всем 50 округам, получив в итоге 20 мандатов¹. В 2000 г. блоком было выдвинуто 29 кандидатов², 15 из которых были избраны.

Партии активнее участвовали в избирательных кампаниях в регионах с более высокой предрасположенностью населения к политическим новациям, а также с большей фрагментацией и конкуренцией региональных элит. Например, партийную составляющую кампании по выборам Новосибирского областного Совета депутатов в 1997 г. обеспечивали областные организации ЛДПР (выдвинула максимальное количество кандидатов – 48), КПрФ (32 кандидата), АПр, «Демократического выбора России» (вошла в блок «Гражданское согласие», 18 кандидатов), «Чести и Родины» и «Яблока» (блок «Лебедь – Явлинский», 15 кандидатов), НДР и Демократической партии России (блок «Союз», 32 кандидата), движения «Демократическая Россия» и Партии экономической свободы (блок «Третья сила», 14 кандидатов)³. В результате более половины избранных в 1997 г. депутатов (55,1%) оказались выдвиженцами избирательных блоков и объединений: мандаты получили областные организации КПрФ (17 мандатов) и АПр (три), блоки «Лебедь – Явлинский» (три) и «Третья сила» (два мандата)⁴.

¹ [Выборы в Законодательные (представительные) органы..., 1998, с. 587, 181–187].

² [Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации, 2001, с. 211].

³ [Выборы в Законодательные (представительные) органы..., 1998, с. 387, 595].

⁴ [Выборы в Законодательные (представительные) органы..., 1998, с. 389–393].

Формально роль партий в электоральном процессе возросла после перехода на смешанную систему формирования региональных парламентов (2002). Так, в ходе выборов в Алтайский Совет народных депутатов созыва 2004 г. региональные отделения партии не только формировали партийные списки, но и выдвинули 42% кандидатов по одномандатным округам. В итоге доля партийных депутатов составила 75% общей численности против 48% в 2000 г. В Новосибирском областном совете 2005 г. партии представляли 78% депутатов.

Однако численный рост партийных выдвиженцев не привел к кардинальным изменениям в профессиональной структуре депутатского корпуса, а значит, и в законотворческой деятельности. После выборов 2004 г. из 62 депутатов ЗС Алтайского края больше половины представляли уже закрепившуюся в качестве доминирующей группу директоров различных хозяйствующих субъектов – энергетических компаний, сельскохозяйственных, промышленных, строительных предприятий и пр. Чиновничество различного уровня представлял лишь один работник краевой администрации, что было связано с запретом совмещать депутатский мандат с должностью в органах местного самоуправления¹. На протяжении последующих созывов конфигурация социально-профессионального состава депутатского корпуса стабилизировалась: доля «хозяйственников» и бизнесменов в 2008 и 2011 гг. колебалась в диапазоне от 55 до 60%². В Томской области значительную долю депутатов – около 62% в четвертом созыве и 55% в пятом – можно отнести к категории «хозяйствующих субъектов». Около половины депутатов новосибирского парламента также относятся к руководящему составу предприятий и бизнес-структур; около половины из них были включены в списки политических партий, участвовавших в избирательной кампании.

Это подтверждает тезис, согласно которому партии остаются для бизнеса наиболее удобным механизмом вхождения во власть. Организационным показателем инструменталистского отношения

¹ Сост. по: [Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания 14.03.2004 г., 2004].

² Сост. по: [Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания 02.13.2008, 2008; Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания 04.12.2011, 2011].

политических и экономических элит к партиям стал уникальный политический продукт – «партия власти», сконструированная «по образу и подобию самой Власти» или ««мечтаний о ней русского общества». Она соединила в себе действующие в одной «архаичной, неполитической» ментальной плоскости «ожидания россиян от “своей” Власти и расчет Власти в отношении “своих” россиян» [Глебова, 2004, с. 223].

Дополнительным препятствием к полноценному осуществлению партиями своих функций в законодательной сфере стала постепенная утрата в 2000-е годы органами представительной власти своих и без того незначительных позиций, фактическое превращение их в механизм ратификации решений, принятых другими субъектами. Несмотря на переход к пропорциональной системе избрания депутатов Госдумы и смешанной системе для региональных legislatures, реальная роль партий в процессе принятия государственных решений сократилась. Власть сосредоточилась в руках новой партийно-государственной номенклатуры, причем с акцентом не на партийность, а на государственный статус.

С другой стороны, изменение избирательного законодательства дало региональным отделениям партий возможность выступить в роли своеобразных политических лифтов, обеспечить приход в законодательные органы новых людей. Так, по результатам выборов в АКСНД в 2004 г. его состав обновился на 80% – переизбраться смогли только 15 депутатов прежнего созыва [Алтай – 2004, 2005, с. 54–58]. Заслуживает внимания тот факт, что состав партийных списков почти полностью состоял из «новых людей». Расширился также список партий, принимавших участие в формировании региональных legislatures. Во многих из них появились фракции ЛДПР, отсутствовавшие при выборах по мажоритарной системе.

В 2011 г. в ряде регионов, в частности в Алтайском крае, роль партий как политических лифтов повысилась после введения обязательного деления партийных списков на региональные группы. В основу новой системы была положена модель горизонтальных списков, привязанных к одномандатным округам. В этих условиях КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» предпочли регистрировать своих кандидатов-одномандатников одновременно как лидеров списков. «Единая Россия» же, стремясь увеличить рейтинги партсписка за счет депутатов, зарекомендовавших себя в одномандат-

ных округах, поставила во главе партийных списков инкубентов, а по одномандатным округам выдвинула новых людей. В итоге состав краевой легислатуры обновился на 55%.

На федеральных выборах выполнение региональными отделениями функций лифта детерминировано характером конкретной партии и процентом полученных ею голосов. Кроме того, в начале – середине 1990-х годов персональный состав депутатов был более подвижен, что обуславливалось активной институционализацией партийных структур, позднее же он стабилизировался и в 2000-е годы изменялся незначительно. Особенно это касается «Единой России». В ее случае мы сталкиваемся с механизмом, противоположным по своей направленности с традицией партийного представительства: региональные отделения партии являются каналами не столько политического продвижения новичков (хотя это тоже имеет место), сколько инструментом упрочения позиций влиятельных региональных политиков и предпринимателей, укрепления их связей со структурами федеральной власти. Происходит взаимовыгодный обмен ресурсами: высокопоставленные региональные политики и предприниматели используют свое положение для содействия «партии власти» на местах, обретая тем самым поддержку со стороны федерального центра [Гаман-Голутвина, 2004, с. 163].

На этом фоне участие политических партий в формировании органов исполнительной власти регионов остается крайне незначительным. Это связано с тем, что в России исполнительная власть всех уровней строится на непартийной основе. Критерием попадания в нее выступают в лучшем случае профессиональные качества, а нередко – протекция. В 2004 г. была предпринята первая попытка «партизации» исполнительной власти – государственным служащим категории «А» было разрешено вступать в политические партии. Это, конечно, создает некоторые элементы контроля партий над исполнительной властью, но на практике приводит к обратному эффекту.

Следующей попыткой стало предоставление партии, список кандидатов которой получил наибольшее число мандатов на региональных выборах, права предлагать президенту кандидатуры губернаторов (2009). Однако, как правило, данная процедура лишь формализует статус уже имеющих претендентов.

Мобилизационный легитимационный и идейный потенциалы региональных парторганизаций

В конце XX в. сложилось множество региональных вариантов политической трансформации, различающихся институциональными каркасами, а также стратегиями и расстановкой политических акторов. В связи с этим партийные организации в разных регионах выполняли разный набор функций. Это, в частности, относится к такой из них, как легитимация режима. На федеральном уровне и в ряде регионов (Новосибирской, Томской областях и др.) она почти не выполнялась. Однако там, где в 1990-е годы сформировалась моноцентричная модель власти¹, например в Алтайском крае и Кемеровской области, доминирование «левых» в политическом процессе было связано не только с напряженной социально-экономической ситуацией и традиционалистским сознанием большинства жителей, голосовавших за возврат к прошлому, но и с активным использованием главами администраций А.А. Суриковым и А.Г. Тулеевым региональных отделений Народно-патриотического союза России (КПРФ, АПР и др.) – как «партийного ресурса» для легитимации своих режимов и мобилизации избирателей.

Мобилизационная функция партий в регионах проявлялась более явно. Особенно это касалось периода выборов, когда партии не только вели собственные кампании, но и предоставляли свои мобилизационные возможности другим акторам: уже упоминавшемуся бизнесу и губернаторам. Например, в 1990-х – начале 2000-х годов широкое распространение получила практика «выстраивания» губернаторами под себя региональных аналогов «партии власти» – региональных движений или блоков. В частности, блоковая тактика активно применялась губернатором Кемеровской области А.Г. Тулеевым. И хотя в 1996 г. в образованный им во время выборов в кемеровскую легислатуру блок «Народовластие – блок А. Тулеева» вошли региональные организации КПРФ, АПР и Российской коммунистической рабочей партии², данное объединение, как и в дальнейшем «Избирательный блок А. Тулеева» (1999)

¹ Термин введен Н.Ю. Лапиной и А.Е. Чириковой [см.: Лапина, Чирикова, 2000; Лапина, Чирикова, 2002; Лапина, 2004, с. 268].

² Выборы в Законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации. – М., 1998. – С. 594–595.

и блок «Служу Кузбассу» (2002), фактически носили непартийный характер и решали разовые задачи – обеспечение прохождения губернаторской клиентелы в представительные органы власти.

Рекрутирование партийных кадров на этом фоне шло намного медленнее, что в принципе не противоречит современным мировым трендам [Игнаци, 2010, с. 52–53]. Партии не стремились к массовости, узкий круг лидеров узурпировал ключевые партийные должности, блокировал участие рядовых членов в выработке партийной стратегии. Это вело к падению партийной активности граждан, подпитываемому переориентацией населения на обеспечение минимального уровня жизни в условиях сложной социально-экономической ситуации. В результате в условиях неконгруэнтной среды и отсутствия неформальных практик, способных обеспечить новым институциональным формам дальнейшее развитие, последние наполнялись традиционным для их членов содержанием: для «партии власти» – административно-бюрократическим, для либералов – «клубным», объединяющим «единомышленников, воодушевленных некой идеей, проектом общественного устройства» [Коргунюк, 2007, с. 44.].

Рост мобилизационной активности парторганизаций произошел после принятия закона «О политических партиях» 2001 г., формирования эффективной «партии власти» в лице «Единой России» и последовавшего за ними реформирования партийного пространства на федеральном и региональном уровнях.

Закон четко сформулировал количественные признаки политической партии и предоставил ей особые права – монополию на «самостоятельное выдвижение кандидатов (списков кандидатов) в депутаты, на иные выборные должности в органах государственной власти», что стимулировало партии к сохранению своего статуса.

Однако для многих российских партий требования закона были явно завышены. И даже быстрое формальное наращивание количества членов не сделало их реальными массовыми структурами. Рядовые члены партии воспринимались лишь как пассивная масса, необходимая для прохождения процедуры перерегистрации. На местном и региональном уровнях широкое распространение получила практика массового, зачастую принудительного, приема в партию работников целых предприятий и учреждений. То же касается и избирателей, которых российские партии не рассматривают как значимый ресурс.

Вместе с тем легализация участия политических партий в избирательном процессе заставила региональные отделения всерьез заняться работой с населением, открыть общественные приемные, укрепить местные организации. Больше внимания стало уделяться профессионализму партийной работы, особенно в области взаимодействия со СМИ, повышению квалификации партийных кадров. Так, региональные отделения СПС и «Яблока» накануне выборов 2000-х годов регулярно обучали своих функционеров и активистов в Москве и других крупных городах, а аппарат «Единой России» проходил переподготовку не только в партийных учебных центрах, но и в структурах государственной службы.

Несмотря на это, намного более важными для партий оставались ресурсы поддерживающих их лоббистских группировок и позиция исполнительной власти. Более того, их значимость резко возросла из-за необходимости построения массовых партийных структур. Это приводило к превращению партий в «акционерные общества» и франчайзинговые структуры, а также повышению стоимости депутатских мандатов, делая их фактически недостижимыми для общественных объединений. Итогом таких сделок становилось быстрое и относительно малозатратное распространение партий по территории страны, а обратной стороной – их превращение в аналог бизнес-проектов. Именно по такому пути пошли во многих регионах «Справедливая Россия», ЛДПР и некоторые новые партии.

В связи с этим современные политические партии не предлагают на выборах реальных политических программ – их политическую практику определяют спонсоры в формате непубличных или конфиденциальных договоренностей.

Однако в целом было бы неправильно относить неэффективное исполнение партиями идеологической функции и функции формирования массового сознания к российской специфике – это мировая тенденция, вытекающая из ослабления связей партий с ориентируемыми на них социальными группами, а также из снижения значимости размежеваний, лежавших в основе партийных систем. Увлечшись поиском более актуальных вопросов, которые можно было бы положить в основу новой идеологии, партии перестали выполнять свою ключевую функцию – функцию артикуляции и агрегирования общественных интересов.

В постиндустриальном обществе, где главной ценностью становится информация, партии все более наглядно демонстрируют неспособность выполнять идеологическую функцию. Если раньше СМИ отдавали партийным публикациям первые полосы, то теперь ситуация меняется зеркальным образом: партии становятся вспомогательными структурами медиаполитических институтов. По словам А.С. Ахременко, «если ранее партии сами выступали ключевым каналом информирования граждан по политическим проблемам и их электоральной мобилизации (через партийную печать и активистов), то сегодня эту функцию в гораздо большей степени выполняют СМИ» [Ахременко, 2007, с. 85].

Сегодня интерес к партийной прессе крайне незначителен, у партий, как правило, нет денег на радио и телеканалы. При этом, как показывает отечественный опыт, даже если необходимые ресурсы появляются, пропуском для партии в медиaprостранство может служить только лояльность действующему режиму.

Не все гладко и с использованием партиями Интернета. Созданные на федеральном и региональном уровнях сайты партий и блоги отдельных партийцев зачастую противоречат друг другу по целям и содержанию, у них отсутствуют единый дизайн и выдержанный партийный стиль. «Партии, включая и оппозиционные, используют свои сайты достаточно примитивно, прежде всего, в качестве своих “визиток”» [Кислицына, Кислицын, 2013, с. 227].

Еще одним фактором снижения идеологической роли партий в современной политике, в том числе на региональном уровне, является общая деидеологизация политических отношений. Идеология как цементирующее звено утрачивает свое влияние, уступая место личному выбору в процессе политической самоидентификации. По мнению А.И. Соловьева, идеология уступила место более частным способам оформления политических воззрений граждан, эмоционально-чувственным комплексам, мировоззренческим представлениям людей [Соловьев, 2009, с. 62]. Сегодня крайне трудно разделить существующие партии в рамках модели «левые – центр – правые». Партийные предпочтения теряют устойчивость, приобретая более инструментальный и прагматичный характер [Шашкова, 2009, с. 79].

Оценка функционирования политических партий в массовом сознании жителей Алтайского края

У патерналистски ориентированных жителей регионов выросла неудовлетворенность деятельностью политических партий, невыполнением ими в должной мере роли института социального представительства. Российское массовое сознание оказалось не готово к тому, что к концу XX в. партии в западных странах как бы завершили цикл своего развития: возникнув как «предприятия претендентов» на определенные посты, они снова вернулись к роли преимущественно «электоральных машин». Поэтому, по словам Ф. Шмиттера, «было бы анахронизмом думать, что партиям [посткоммунистических стран] предстоит повторить все стадии развития своих предшественниц, выполняя при этом все их функции» [Шмиттер, 1996, с. 18–19]. Поэтому возник разрыв между заимствуемыми на Западе современными институциональными моделями политической партии и требованиями, предъявляемыми к ней российским массовым сознанием. Показателями этого можно считать как процент голосующих «против всех» на федеральных и региональных выборах первой половины 2000-х годов, так и данные социологических исследований.

Как показывают опросы, в 1990–2000-е годы рядовые избиратели связывали доверие партиям не с четкостью предлагаемых ими стратегий развития общества и их адекватностью существующей ситуации, а с выполнением ими своих социально-экономических обещаний, повышением эффективности работы с населением. Зачастую они просто сводили деятельность партий к оказанию помощи определенным группам. «На партии в этой интерпретационной схеме... возлагались, по существу, функции специфических, “периферийных” структур государственной власти» [Кертман, 2007, с. 124].

Так, при ответе на открытый вопрос фонда «Общественное мнение» (2007) о вреде, наносимом партиями, респонденты обвиняли их в бездействии и неэффективности («много разговоров, а дела – чуть»; «одна показуха»; «много словоблудия» – 11%), в паразитизме и расточительстве («деньги едят бюджетные»; «дармоеды на нашей шее» – 7%), безразличии к людям («не думают о простом народе, нищая пенсия»; «не слушают людей, не отражают интересы народа» – 6%), корыстолюбию («все гребут в свои карманы» – 6%), лживости («обман народа»; «много врут» – 3%) и т.д.

Особо стоит отметить, что 8% опрошенных поставили партиям в вину их сущностные признаки – стремление к власти, межпартийную борьбу как таковую («вечно спорят между собой»; «разногласия»; «много политической борьбы»; «каждая добивается власти») [Политические партии в жизни России, 2007].

По данным Левада-центра, в 2000-х годах полностью партиям доверяли от 4 до 6% населения, частично – около 30%. В то же самое время президенту полностью доверяли 54–58% россиян, частично – 28–30; церкви – соответственно 38–44 и 21–23%, армии – 20–30 и 33–35%. Даже профсоюзы получали 9–12% полной поддержки и 20–25% частичной.

Репрезентативность этих рейтингов подтверждается и оценкой влияния общественно-политических институтов на ситуацию в стране. По данным Левада-центра, в 2005–2006 гг. для партий она составила 2,5 баллов, в то время как для президента – примерно 4, силовых структур и СМИ – 3,5, церкви – 3 балла [Дубин, 2002, с. 15; Доверие россиян институтам власти и общества, 2004; Социально-политическая ситуация в России в сентябре 2006 года, 2006].

Эти данные коррелировались с ситуацией в регионах. Согласно опросам Центра политического анализа и технологий Алтайского госуниверситета (ЦПАТ АлтГУ), в 2002 г. деятельность российских партий положительно оценивали 7,8% жителей Барнаула, еще 12,6% оценивали ее скорее положительно, чем отрицательно¹. Таким образом, только 20,4% респондентов признавали, что партии выполняют позитивную роль в обществе. Отрицательно к деятельности партий относились 16,8%, 20,8% оценивали их деятельность скорее отрицательно, чем положительно.

Через три года, в 2005 г.², оценки деятельности партий стали еще более критическими. Позитивно их роль оценивали по-прежнему 20,7% респондентов, а число относящихся к ней негативно выросло до 62%.

Кроме того, политические партии не рассматривались гражданами как механизм формирования властных структур и контроля над ними. В основном граждане были уверены, что эффективных способов влияния на власть в России вообще не существует. Лишь

¹ Опрос проводился в Барнауле 3–8 июня 2002 г. Были опрошены 500 человек.

² Опрос проводился 20–25 октября 2005 г. в двух городах и двух районах Алтайского края. Были опрошены 584 человека.

9,4% были согласны с тем, что существующие общественные формирования оказывают заметное влияние на политическую и общественную жизнь в стране.

При этом избиратели все чаще связывали доверие партиям с выполнением ими своих обещаний, повышением эффективности работы с населением, преодолением зависимости от капитала и государственной власти. Те же опросы показали, что в 2002 г. только 5,6% жителей Барнаула были уверены, что российские партии полностью выполняют свои функции и обещания, 22,4% считали, что они делают это частично. Еще 18,4% ответили, что свои функции и обещания партии выполняют иногда. В то же время 26,4% отмечали, что партии чаще не выполняют свои обещания, а 16,8% – что они не выполняют их никогда. К 2005 г. доля разделяющих последнюю точку зрения выросла в три раза, составив 50,9%. Среди проблем, мешающих эффективной деятельности партий, жители края неизменно называли безответственность, оторванность от избирателей, продвижение корыстных интересов своих членов через органы власти, зависимость от капитала и государственной власти, программное однообразие.

В ответ на это наиболее популярным в партийной деятельности с середины 2000-х годов стало социальное направление – в виде адресной работы и проведения акций для избирателей. Если в предыдущие периоды оно было заметно только у ЛДПР (например, в Западной Сибири – у Кемеровского РО), то теперь получило повсеместное распространение и приобрело характер, сопоставимый с публичными акциями [Асеев, Притчина, Шашкова, 2006, с. 131–173] или даже превышающий их по масштабу. Используемая региональными отделениями ЛДПР и «Единой России» тактика «конкретных дел», включающая проведение различных спортивных и культурно-массовых мероприятий для детей и взрослых, организацию приема граждан, разработку информационно-методических материалов по различным проблемам (например, по кредитованию личных и фермерских хозяйств – «Единая Россия»), передачу комплектов литературы в библиотеки (ЛДПР) и др., направлена на повышение информированности избирателей о данных партиях и формирование их позитивного имиджа [см., например: Партийформ Алтайского края, 2012; Партийформ Алтайского края, 2013].

В результате через два десятилетия после трансформации политической системы социологические исследования начали

фиксировать «эффект привыкания» к партиям. Последние же, в свою очередь, запускают адаптационные механизмы, оказывая влияние на окружающую среду.

Вырос общий уровень доверия партиям. По данным Левада-центра¹, 12% россиян убеждены, что партии вполне заслуживают доверия, 46 – что не вполне и 33% – что они его совсем не заслуживают. При этом наблюдается постепенное смещение оценки от резко негативной к смягченно негативной или даже положительной – в 2009 г. эти показатели составляли, соответственно, 7, 38 и 36% [Доверие институтам власти, 2013].

Изменилось и обоснование необходимости партий: согласно опросу ФОМ 2013 г.², 18% опрошенных считают их необходимыми для обеспечения конкуренции как механизма публичной политики («в споре рождается истина», «нужны многопартийность, оппозиция, однопартийность несовместима с демократией»); 8% – для выражения различных социальных интересов («у людей должна быть политическая альтернатива, возможность выбирать между партиями», «партии должны выражать интересы разных слоев населения»); 5% – для управления страной, поддержания порядка; 4% – для борьбы за права народа, улучшения жизни людей; 3% – для принятия законов; 2% – для контроля за работой руководства страны; по 1% – для помощи руководству страны и для объединения граждан вокруг общих идей [О системе выборов в Госдуму, 2013].

На этом фоне становятся более заметны региональные различия. В частности, в Алтайском крае, аграрно-индустриальном регионе, у населения которого преобладают традиционалистские установки, в 2013 г.³ политическим партиям доверяло лишь 4,7%. При этом в Барнауле – 6% опрошенных, в малых городах края – 5,2, а в сельской местности – только 3,5%. Наибольшая дифференциация в доверии к партиям наблюдается в возрастных группах: среди жителей края в возрасте 26–40 лет о своем доверии партиям

¹ Опрос был проведен 20–24 сентября 2013 г. Выборка составила 1601 человек в 130 населенных пунктах 45 регионов страны.

² Опрос ФОМ проведен 9–10 марта 2013 г. Опрошены 1500 человек в 100 населенных пунктах в 43 субъектах РФ.

³ Опрос проведен Центром политического анализа и технологий АлтГУ в июле 2013 г. в пяти городах и восьми районах Алтайского края. Опрошены 1000 человек.

заявили только 2,8%, в возрасте 41–60 лет – 3,6, 18–25 лет – 4,4, а среди 61 и старше – 7,6%.

В основе данной позиции, как и прежде, лежит оценка эффективности функционирования политических институтов. Партии отнесли к эффективным институтам только 8% опрошенных. Выше оценки эффективности партий среди женщин (9%); респондентов старше 60 лет (13%) и 26–40 лет (8%); по роду занятий – пенсионеров (13%), студентов (11%), фермеров (10%). Различия по месту жительства не так заметны: в малых городах – 10,5%, в Барнауле и сельской местности – по 7%.

В целом можно констатировать, что нынешнее функционирование политических партий на региональном уровне формально соответствует трендам мирового партогенеза. Однако их реальная роль в политической жизни регионов России остается весьма скромной, что обусловлено спецификой российского политического режима и отсутствием неформальных институтов, способствующих укоренению партий в политическом процессе и их легитимации массовым сознанием.

Список литературы

- Алтай – 2004: выборы в краевые органы государственной власти / Под ред. Я.Ю. Шашковой. – Барнаул: Азбука, 2005. – 62 с.
- Асеев С.Ю., Притчина Е.В., Шашкова Я.Ю. Формирование и функционирование партийной системы в Алтайском крае: 1993–2006 гг. – Барнаул: Азбука, 2007. – 199 с.
- Ахременко А.С. Социальные размежевания и структуры электорального пространства России // Общественные науки и современность. – М., 2007. – № 4. – С. 80–92.
- Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1995–1997. Электоральная статистика. – М.: Весь мир, 1998. – 640 с.
- Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1997–2000. Электоральная статистика: В 2 т. – М.: Весь мир, 2001. – Т. 2. – 768 с.
- Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного собрания 14.03.2004 г. – 2004. – Режим доступа: <http://altai-terr.izbirkom.ru/archiv.html> (Дата посещения: 08.10.2014.)

- Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного собрания 02.13.2008. – 2008. – Режим доступа: <http://altai-terr.izbirkom.ru/archiv.html> (Дата посещения: 08.10.2014.)
- Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного собрания 04.12.2011. – 2011. – Режим доступа: <http://altai-terr.izbirkom.ru/archiv.html> (Дата посещения: 08.10.2014.)
- Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты современной России: портрет в изменившемся интерьере // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: ежегодник 2004. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 157–177.
- Глебова И.И.* Беспартийная Власть и ее партийная организация // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: ежегодник 2004. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 213–229.
- Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В.* «Партия власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. – М., 2001. – № 1. – С. 6–14.
- Грани времени: от краевого Совета к Законодательному собранию. 1939–2009 годы: Сборник документов. – Барнаул: Агентство рекламных технологий, 2009. – 815 с.
- Динес В.А., Николаев А.Н., Слиски Л.К.* Опыт становления представительных органов власти на региональном уровне // Представительная власть в России: История и современность / Под общ. ред. Л.К. Слиски. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 559–582.
- Доверие институтам власти. Пресс-выпуск Левада-центра. – 2013. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/07-10-2013/doverie-institutam-vlasti> (Дата посещения: 08.01.2014.)
- Доверие россиян институтам власти и общества: Пресс-выпуск Левада-центра. – № 31. – 2004. – Режим доступа: www.levada.ru/press/2004032302 (Дата посещения: 10.01.2010.)
- Дубин Б.* Модельные институты и символический порядок: элементарные формы социальности в современном российском обществе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – М., 2002. – № 1. – С. 14–19.
- Игнати П.* Партии и демократия в постиндустриальную эру // Политическая наука. – М., 2010. – № 4. – С. 49–76.
- Избирательные системы на Алтае, (вторая половина XVIII – начало XXI в.): сборник документов. – Барнаул: Управление архивного дела Алтайского края, 2006. – 538 с.
- Кертман Г.Л.* Статус партии в российской политической культуре // Полис. – М., 2007. – № 1. – С. 120–131.
- Кислицына И.С., Кислицын С.А.* Сайты политических партий – каковы перспективы? Анализ партийных интернет-коммуникаций в период избирательных кампаний 2007–2012 гг. // Политическая наука. – М., 2013. – № 1. – С. 209–231.
- Кисовская Н.К.* Российские партии и «западная модель» // Полития. – М., 2000. – № 1 (15). – С. 46–50.

- Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. – М.: Фонд Индем: Московский городской педагогический ун-т, 2007. – 544 с.
- Лапина Н.Ю. Региональное измерение российской политической трансформации // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: ежегодник 2004. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 266–277.
- Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. – М.: РАН. ИНИОН, 2000. – 198 с.
- Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Регионы-лидеры: экономика и политическая динамика. – М.: Институт социологии РАН, 2002. – 324 с.
- Левин И.Б. Партия и модернизация: российские варианты // Полития. – М., 2000. – № 1 (15). – С. 51–63.
- О системе выборов в Госдуму. – 2013. – Режим доступа: <http://fom.ru/Politika/10884> (Дата посещения: 08.01.2014.)
- Панов П.В. Политическое сообщество: конструирование и институционализация // Полис. – М., 2007. – № 1. – С. 94–103.
- Партиформ Алтайского края: информационный бюллетень / Сост. С.Ю. Асеев, Я.Ю. Шашкова. – Барнаул: Азбука, 2012. – Вып. 8. – 55 с.
- Партиформ Алтайского края: информационный бюллетень / сост. С.Ю. Асеев, Я.Ю. Шашкова. – Барнаул: Си-пресс, 2013. – Вып. 9. – 60 с.
- Политические партии в жизни России: Опрос населения. – 2007. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/cat/polit/polypar/d071424> (Дата посещения: 10.01.2010.)
- Полтерович В.М. Трансплантация институтов // Экономическая наука в современной России. – М., 2001. – № 3. – С. 24–50.
- Пиизова С.Н. Какую партийную модель воспримет наше общество // Полис. – М., 1998. – № 4. – С. 101–113.
- Соловьев А.И. Российские партии в условиях медиакратии // Политическая и партийная система современной России: Материалы Всеросс. науч. конф., 2 окт. 2009 г., Москва / Центр пробл. анал. и гос.-упр. проект.; [Ред.-изд. гр.: С.С. Сулакшин (руков.) и др.]. – М.: Научный эксперт, 2009. – С. 61–70.
- Социально-политическая ситуация в России в сентябре 2006 года. – 2006. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2006100301.html> (Дата посещения: 10.01.2010.)
- Шараев П.С. Законодательные органы государственной власти в субъектах РФ в 90-е годы XX в. (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей). – Томск: ТМЛ-Пресс: Томский государственный ун-т, 2007. – 197 с.
- Шашкова Я.Ю. Российская партийная система в условиях трансформации политического режима, (конец XX – начало XXI в.). – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2009. – 180 с.
- Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. – М., 1996. – № 5. – С. 16–27.

В.С. КОВИН, О.В. ПОДВИНЦЕВ

ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПАРТИИ В ПЕРМСКОМ КРАЕ: СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Возвращение к смешанной избирательной системе на федеральном уровне и предложения сократить в региональных legislatures долю мест, избираемых по пропорциональной системе (в том числе и в Пермском крае¹), а также иные изменения в избирательном законодательстве в очередной раз актуализировали вопрос о роли партий в российской политике. Стоит ли в рамках избирательного процесса оставлять партиям какие-то привилегии по сравнению с непартийными акторами? Считается, что в модернизированных обществах политика, будучи сферой артикуляции и согласования интересов и ценностей различных общественных групп, немыслима без участия политических партий. Именно на долю политических партий как *формальных политических объединений* выпадает задача по формулированию общезначимых целей и осуществлению политических действий по их достижению.

За почти 25 лет существования партии стали неотъемлемым формальным атрибутом российского политического режима, их деятельность основательно проработана специализированным законодательством и широко представлена в информационном пространстве. Однако на деле, пожалуй, ни один из институтов

¹ В октябре 2014 г. в Законодательное собрание Пермского края внесен законопроект, который предлагает изменить соотношение мажоритарной и пропорциональной частей депутатского корпуса с 30 / 30 мест на 45 / 15 в пользу мажоритарной части.

не занимает в политической системе страны столь неопределенного положения, как партии.

Стимулы и препятствия для развития партий в современной России

Основные вехи развития партийной системы России хорошо известны [см. об этом: Кынев, Любарев, 2011; Голосов, 2006; Коргунюк, 2007; Партийная организация..., 2012]. Отметим лишь, что искусственная «партизация» избирательного законодательства в середине 2000-х годов привела к отрыву немногих оставшихся партий от различных по своим структуре и содержанию интересов избирателей. В 2011–2012 гг. выстроенный и, казалось бы, хорошо управляемый механизм дал явный сбой. Кризис партийно-политической системы отразился в падении рейтингов «партии власти» и других системных партий, а также в волне протестных акций. В итоге он привел к новой серии политических реформ, а за ними и контрреформ. И, судя по всему, этот процесс «совершенствования» партийной системы, в том числе и на региональном уровне, вряд ли завершится в ближайшее время. Неразвитость и имитационность партийных институтов, отсутствие у них реальных рычагов влияния на власть, многочисленные правовые ограничения на их деятельность не позволяют партиям занять значимое место как в сознании рядовых россиян (условно «избирателей»), так и в планах лиц, имеющих политические амбиции (условно «политиков»).

На протяжении 1990–2000-х годов социологические исследования подтверждали, что для россиян по-прежнему характерно крайне скептическое отношение к политическим партиям. Так, по данным Левада-центра, за последние 10 лет уровень доверия к партиям хоть и вырос в два раза (до 12%) по сравнению с другими институтами, однако по-прежнему очень невелик. Интегральный индекс декларативного доверия к партиям остается одним из самых низких среди всех других политических институтов и составляет порядка 20 пунктов. Иначе говоря, партии находятся в зоне очевидного недоверия со стороны населения¹. Социологи отмечают, что к партиям и к другим близким к ним по уровню «недове-

¹ См. об этом [Доверие институтам власти, 2013].

рия» институтам «проявляются устойчивые негативные установки – подозрительность и отчуждение... нежелание иметь с ними дело, кроме как в случаях крайней нужды или в чрезвычайных обстоятельствах» [Гудков, 2012, с. 12]. В случае с политическими партиями такая «крайняя нужда» появляется во время выборов [Общественное мнение – 2013, 2014, с. 86].

В целом роль партий в общественно-политической жизни России оценивается избирателями как малозначимая. Стоит отметить, что партии относятся к числу новых функциональных институтов, которые не могли опереться в сознании россиян на советский опыт, поэтому к ним изначально относились подозрительно. Стабильность этих установок, их слабая зависимость от социально-политических изменений указывают на то, что это «институционализированные» отношения, которые начинают воспроизводиться в процессе социализации [Гудков, 2012, с. 13]. В целом низкий уровень социетального доверия россиян к политическим институтам заставляет человека, сталкивающегося с какими-либо проблемами или стремящегося реализовать свои политические амбиции, рассчитывать прежде всего на себя и на свое ближайшее окружение¹, а отнюдь не на политические партии. В региональной и местной политике это зачастую проявляется в стремлении скорее создать вокруг того или иного политического лидера неформальное политическое объединение, чем интегрировать его в какую-либо существующую партийную структуру либо создать под него новую².

Как известно, российское законодательство запрещает создавать и называть партии по региональному, национальному, конфессиональному, религиозному, социoproфессиональному признакам (п. 3. ст. 9. Ограничения на деятельность политических партий. № 95-ФЗ от 21.06.2001. «О политических партиях»), что, по идее, должно препятствовать интеграции политиков и формированию политической идентичности избирателей на данных ос-

¹ См. об этом: [Хлопин, 1997; Дифференциация гражданских..., 2013, с. 39–40].

² В последнее время только в Пермском крае вокруг ряда политиков возникло несколько неформальных политических коалиций: «Выбор» – К. Окунев, «Группа товарищей» и фонд «Возрождение» – Д. Скриванов, «Закон и порядок» – Г. Костарева, «Новый курс» – В. Похмелкин и др.

нованиях. Российские партии могут выступать только как общенациональные институты, содействуя формированию нескольких, прежде всего идеологических, ценностных вариантов общегражданской идентичности и противостоя тем самым региональным, этнонациональным, конфессиональным, локальным и иным альтернативным формам политической интеграции и дифференциации. Таким образом, общероссийские партии, созданные как вертикально-интегрированные структуры, должны снимать и нивелировать возможное политическое противостояние между иными потенциальными вариантами политических идентичностей, создающимися в том числе и на основе местных, локальных интересов. Насколько это удастся современным российским партиям и насколько такая система интересна для региональных и местных политических акторов – большой вопрос. Отсутствие внятной региональной и локальной повестки, предложений по решению большинства местных вопросов, имеющих общественно-политическое звучание, мешает партиям использовать свои ресурсы, особенно в межвыборный период. Более того, после прошедших в 2011–2012 гг. региональных и федеральных выборов наблюдается ярко выраженная обратная тенденция на размежевание заметных политиков с партийными организациями¹.

Отношение к партиям необходимо рассматривать в контексте представлений россиян о демократии в целом. На протяжении 2000-х годов доля россиян, считающих, что стране необходима демократия, колеблется в районе 60% (противников демократии около 20%) [Общественное мнение – 2013, 2014, с. 38]. Но при этом лишь 4% россиян отдают предпочтение именно «партийной демократии» и готовы передать властные полномочия победившей в результате конкурентной борьбы политической партии [Дифференциация гражданских..., 2013, с. 50]. Само же голосование за партии рассматривается как наименее эффективное средство для достижения социально-политических целей – по сравнению с личным участием в выборах и обращением к иным общественным

¹ В настоящее время большая часть депутатов ведущих оппозиционных фракций СР и КПрФ в Законодательном собрании Пермского края фактически разорвала свои отношения с соответствующими политическими партиями и существует автономно. Все пять депутатов фракции СР в полном составе исключены из партии, из семи членов фракции КПрФ четверо также разорвали связь с партией.

объединениям и государственным органам. Выборы в глазах россиян – не более чем процесс, обеспечивающий формирование определенных органов власти. В этих условиях значительно меньше россияне доверяют партиям как политическим институтам, способным отстаивать их интересы. Лишь 5–7% избирателей готовы объяснить свое участие в выборах стремлением поддержать свою партию [Дифференциация гражданских..., 2013, с. 137].

Естественно, что низкий уровень доверия граждан к политическим партиям делает их одним из наиболее «бесполезных» институтов в глазах россиян (лишь 24% считают, что партии «приносят пользу»). Вместе с тем в целом при критическом отношении к российской политике партии оказываются и относительно «безвредным» институтом (лишь 36% респондентов считают, что деятельность политических партий «скорее наносит вред»), в то время как, например, 51% респондентов оценивают деятельность Государственной думы как «вредную» [Дифференциация гражданских..., 2013, с. 52]. Вовлеченность россиян в работу политических партий также весьма низкая. Всего 3% респондентов считают, что они могут как-то влиять на их деятельность. При этом особого желания оказывать влияние на партии они и не испытывают (стремятся к этому лишь 11%), вполне логично не видя никакого смысла в усилении своего участия в политически малозначимом институте [Дифференциация гражданских..., 2013, с. 21]. Недовольство сложившейся в стране ситуацией и собственной жизнью не выливается на институт, который в этой жизни играет малозаметную роль.

Участие в деятельности партий рассматривается как один из самых неэффективных способов воздействия на власть для скорейшего решения своих проблем (7%). Россияне по-прежнему сохраняют скептическое отношение к деятельности партий и к выполнению ими функции социального представительства [Двадцать лет реформ..., 2011, с. 203]. Правда, в начале 2010-х годов, на волне протестной активности, а также, возможно, в связи с появлением новых партийных проектов надежда на большую эффективность партий выросла в два раза [Гудков, 2012, с. 52]. Но вскоре появились обратные результаты. До 65% выросло число россиян, которые полагают, что партии никого не представляют и борются исключительно за собственные интересы. Доля же тех, кто считает, что соревнование партий позволяет учесть интересы многих людей и привести к принятию решений, которые полнее отражают волю

народа, стала ниже 30% [Общественное мнение – 2013, 2014, с. 133]. Одним из показателей низкого авторитета партий является также минимальная готовность избирателей на добровольных началах помогать партиям в период выборов (участвовать в сборе подписей, распространении агитации и пр.). Некоторое исключение составляют лишь кампании кандидатов, аккумулирующих протестные настроения, но то, что они могут быть связаны с теми или иными партийными структурами (Евгений Ройzman с «Гражданской платформой» в Екатеринбурге, Анатолий Локоть с КПРФ в Новосибирске), решающей роли не играет.

Таким образом, сегодня политика определяется россиянами преимущественно как «место» функционирования власти, принципиально отличное от остального общества и в значительной мере враждебное ему [Дифференциация гражданских..., 2013, с. 25]. А поскольку партии не наделены реальной властью, то они фактически выпадают из «политического пространства», точнее, из того, как оно конструируется в сознании большинства граждан [Ковин, 2014].

При этом нельзя считать, что в современной России совершенно отсутствуют возможности для более устойчивой «партизации» политической идентичности избирателей, в том числе и на субнациональном уровне. Избирателя уже приучили, что демократические выборы без участия партий в принципе невозможны: лишь 5–7% россиян считают, что партии вообще не нужны [Общественное мнение – 2013, 2014, с. 133]. Политическая активность также прочно связана с членством в партии – среди «партийцев» гораздо больше регулярно участвующих в голосовании (до 80%), чем среди иных общественных активистов (34%) и тем более среди рядовых граждан [Дифференциация гражданских..., 2013, с. 57]. «Партийцы» более строго политически идентифицированы и готовы проявлять большую публичную политическую активность, что может быть интересно для лиц, обладающих политическими амбициями. Стоит отметить, что россияне постепенно начинают осознавать важность конкурентной борьбы, присутствия в политическом пространстве оппозиции, в том числе и оппозиционных партий. К 2013 г. примерно за 10 лет и примерно в два раза, до 17% респондентов, сократилось число тех, кто был согласен на политическое доминирование (монополию) одной партии [Общественное мнение – 2013, 2014, с. 133]. В то же время с 40 до 55% выросло число тех, кто уверен, что ни одна из партий не должна иметь большинства мест в Государственной думе и что для принятия

законов требуется согласование позиций различных партий [Общественное мнение – 2013, 2014, с. 104]¹. Таким образом, в целом многопартийность воспринималась как современная политическая норма.

Искусственная «партизация» политики и «пропорционализация» выборов привели к тому, что во второй половине 2000-х годов избирательная система вошла в очевидный диссонанс с настроениями и «политиков» и «избирателей». Неудивительно, что проводимая во второй половине 2000-х годов политика усиления малопопулярных политических партий вызывала серьезные сомнения как у экспертов, так и у самих граждан.

Незначительная либерализация деятельности политических партий, послабления для их регистрации, увеличение их числа в 2012–2013 гг. потенциально могли способствовать некоторому изменению отношения к партиям со стороны избирателей и политиков. В ряде регионов, в том числе в Пермском крае, это проявилось в появлении нескольких весьма перспективных партийных проектов, добившихся определенных успехов². Однако неудачные выступления партий на региональных выборах 2013–2014 гг., введение новых ограничений при выдвижении кандидатов по партийным спискам, в целом скептическое или, скорее, негативное отношение к политическим партиям со стороны избирателей вновь

¹ За 10 месяцев 2014 г. рейтинг ЕР вырос на 20%, и если бы выборы состоялись в октябре, то она получила бы абсолютное большинство в Госдуме [Октябрьские электоральные рейтинги..., 2014.]

² Первоначально, в 2012–2013 гг., достаточно высокую активность на местных выборах в Пермском крае продемонстрировали «Альянс зеленых и социал-демократов», Российская партия пенсионеров за справедливость, Российский общенародный союз, «Родина», которым удалось провести депутатов в ряд муниципалитетов. Но в 2014 г. ситуация изменилась. Из-за разногласий с центром фактически закрылось отделение «Альянса зеленых и социал-демократов». В октябре 2014 г. Пермский краевой суд на основании систематических нарушений требований законодательства РФ по сдаче финансовой отчетности приостановил деятельность регионального отделения партии «Правое дело». При этом, согласно ст. 35¹ ФЗ-№ 67 «Об основных гарантиях...», «Правое дело» имеет льготу и освобождено от сбора подписей избирателей на выборах депутатов Законодательного собрания Пермского края – Режим доступа: <http://permkrai.izbirkom.ru/isp/sx/art/1024535/cp/1/br/931911.html>, (Дата посещения: 03.11.2014.) Таким образом, в когда-то весьма либеральном по настроениям избирателей Пермском регионе этот «актив» уже не привлекает внимания региональных политиков.

заставили местных политиков задуматься о том, стоит ли им связываться с формальными партийными объединениями.

В общественно-политическом пространстве партии вынуждены бороться за внимание граждан с самыми различными конкурентами: администрациями разного уровня, должностными лицами, независимыми политиками, общественно-политическими движениями, гражданскими активистами, инициативными группами, общественными организациями, экспертами. Причем партии зачастую проигрывают эту конкуренцию. Избиратель стремится осуществить «оптимальный выбор при минимальных затратах на приобретение информации» [Голосов, с. 10–16]. Исторически партии стали институтом, призванным облегчить и оптимизировать этот выбор. Если это происходит, то политики почти перестают участвовать в выборах персонально. Если существуют альтернативные ресурсы, то выбор политиков в пользу партий далеко не предreshен. Именно такая ситуация сложилась в настоящее время в российской политической системе [Голосов, с. 10–16], особенно на региональном и местном уровнях.

Считается, что одним из главных препятствий на пути укрепления роли партий является чрезмерная персонификация политики. Борьба личностей, надпартийный характер власти должностных лиц разного уровня делают партийное противостояние второстепенным. Высокая степень персонификации политических альтернатив при крайне низкой степени влияния партий на формирование исполнительных органов приводят к формированию имитационной партийности. Политики и избиратели в меньшей степени связывают свое будущее, а значит, и свой выбор с конкретными политическими партиями.

В российской политической действительности также прослеживается разделение на «своих» и «чужих», но можно предположить, что основаниями для размежевания становятся далеко не идеологии или альтернативные модели развития страны, предлагаемые партиями. Основное разделение в политическом пространстве России и регионов проходит по линии поддержки действующей власти или оппозиции к ней [Дифференциация гражданских..., 2013, с. 23]. Различия в партийных позициях не бывают сами по себе дифференцирующим основанием. Политические партии не воспринимаются значительной частью населения как носители определенной идеологии, а являются «в политическом смысле симулякрами, сотрудничество с которыми

возможно, если они готовы выступать по важным социальным вопросам с акциями протеста» [Дифференциация гражданских..., 2013, с. 133], либо по прагматическим соображениям.

Сегодня партии предлагают избирателям преимущественно общенациональную повестку. Пока им сложно предложить что-либо принципиально отличное на региональном и местном уровнях, где речь идет о конкретных проблемах конкретного сообщества. Своеобразная «локализация политики», отчетливо проявившийся тренд на перенесение ее с федерального и регионального на местный уровень бросает российским партиям новый вызов. Тем более что за последние два года выросло число россиян, видящих Россию государством с широкими правами местных властей при координирующей роли центра. Доля считающих так превысила долю тех, кто заинтересован в дальнейшей централизации государства [Общественное мнение – 2013, 2014, с. 36, 47].

Региональная политическая специфика оказывает также заметное влияние на деятельность партий на местах. Значимость одних и тех же партий в разных регионах различна и зависит от многих факторов, в том числе от конкретных личностей. На региональных и муниципальных выборах политическая оппозиция «провластный – оппозиционный» нередко приобретает характер своего рода «территориального» противостояния между «местными» и «неместными», «своими» и «варягами». Происходит своеобразная региональная фрагментация политических предпочтений, с самими партиями напрямую не связанная. С одной стороны, значимым становится характер взаимодействия «партии власти» (ЕР) и «партии администрации» (губернатора и его окружения). С другой стороны, местное оппозиционное сообщество, рационализируя недовольство властью, канализирует его в поддержку той или иной партии не в силу идейной и политической близости, а в силу обстоятельств регионального уровня.

Партии и власть в Пермском крае: Региональный и локальный уровни

Специфика Пермского края состоит, в частности, в том, что здесь сложилась определенная традиция дистанцирования губернатора и его администрации от общероссийской «партии власти».

Один из немногих остававшихся беспартийными губернаторов Олег Чиркунов в 2012 г. был заменен на беспартийного же Виктора Басаргина. При Чиркунове распространенной практикой было неполное совпадение на наиболее значимых местных выборах кандидатов от «Единой России» и неформального списка, поддерживаемого краевой администрацией. Причем реальное преимущество в применении административного ресурса оказывалось на стороне последних, что, однако, тоже не всегда гарантировало исход голосования [Бердникова, 2011; Козлов, Подвинцев, 2011].

При Басаргине такая практика не сразу, но возобновилась. Так, перед выборами 2014 г. в местных СМИ неоднократно появлялась информация, что на выборах главы Чайковского района краевая администрация лоббирует вовсе не выдвиженца «Единой России». Кандидат на пост главы Красновишерского района, представлявший КПРФ, публично заявлял, что в администрации губернатора края его поддерживают не меньше, чем соперника «единоросса», и никакой публичной реакции со стороны краевых властей на эти заявления не следовало. Примечателен также факт выдвижения от «Единой России», а затем отмены регистрации кандидата на пост главы г. Кизела (по-видимому, несогласованного с краевой администрацией).

С нашей точки зрения, такая линия поведения краевой власти в отношении регионального отделения «Единой России» в большей мере является не причиной, а следствием слабости партии.

При проведении местных выборов руководители муниципальных образований Пермского края выстраивают отношения с партийными структурами «Единой России» в большинстве случаев тем же образом, что и краевые власти. Частично они копируют их, частично исходят из собственных соображений и расчетов. Примечательны в этом отношении выборы в Усольском районе, прошедшие в сентябре 2013 г. Фактически с 1990 г. это муниципальное образование возглавлял один и тот же руководитель – Г.П. Шехматов. На этот раз, однако, он решил покинуть пост в силу возраста, озабопившись проблемой сохранения рычагов управления в руках своей команды. При этом в сентябре 2013 г. в Усольском районе проходили выборы почти всех органов МСУ – как глав, так и депутатов, причем и на районном уровне, и на уровне поселений. Выбранная Шехматовым в качестве преемника Е.А. Вшивкова по согласованию с региональными структурами ЕР была выдвинута кандида-

том на пост главы района от партии. Однако на пост главы Усольского городского поселения Шехматов негласно подобрал кандидата-самовыдвиженца, в итоге одержавшего победу в соперничестве с действующим руководителем города, официально и фактически поддержанным «Единой Россией» и краевой администрацией. Большинство избранных районных депутатов также входили в негласный «список Шехматова», но часть из них была выдвинута «Единой Россией», а часть баллотировалась в качестве самовыдвиженцев. Все это позволило создать у избирателей района впечатление о сочетании преемственности и обновления при формировании нового состава органов местного самоуправления и фактически нейтрализовать как местную оппозицию, так и силы, стремившиеся извне повлиять на ход локального политического процесса.

В некоторых других случаях муниципальные руководители стремятся активно манипулировать на местных выборах не только ячейкой «Единой России», но и структурами всех основных партий. Так, на выборах в Земское собрание Нытвенского района (сентябрь 2014 г.) в одном из округов был выдвинут заведомо слабый кандидат от «Единой России» – для того чтобы облегчить победу представителю ЛДПР, который, правда, по независящим от местных властей причинам так и не был зарегистрирован. В другом округе вполне приемлемой для руководства района была победа кандидата от КПРФ, основным соперником которого выступал будущий возможный претендент на должность районного главы.

Следует отметить, что именно на местных выборах административный ресурс зачастую оказывается менее эффективным и используется с большими трудностями, чем на федеральном или региональном уровне [Подвинцев, 2010]. Угрозы и давление дают здесь меньший эффект просто потому, что тем, на кого они могут быть направлены, во многих случаях особенно нечего терять. Однако именно на данном уровне кандидаты, опирающиеся лишь на собственные силы, оказываются особенно уязвимы при прохождении формальных процедур – из-за отсутствия необходимой юридической поддержки и возможности избирательно применять административный ресурс.

Выдвижение кандидатов от официально зарегистрированной партии в какой-то степени служит защитой от пристрастных действий избирательных комиссий, подконтрольных региональному

и / или местному административному ресурсу¹. Выдвинутым от партий кандидатам не надо представлять подписи избирателей в свою поддержку – их проверка, даже при весьма небольшом количестве, очень часто дает повод для спорных толкований, на что уже неоднократно обращали внимание эксперты и наблюдатели. Кроме того, перебираясь под партийный бренд, местные политики рассчитывают на получение разнообразной дополнительной поддержки – от моральной до технической.

Однако часто данная защита может оказаться недостаточной. Более того, именно попытка встать под партийный «зонтик» может сделать кандидатов еще более уязвимыми. Об этом, в частности, свидетельствует опыт политической коалиции, выступающей в Пермском крае под брендом регионального общественно-политического движения «Выбор».

Само движение юридически не имеет возможности напрямую и без сбора подписей выдвигать на выборах своих кандидатов. Руководитель движения К.Н. Окунев, по свидетельству одного из помощников, летом 2013 г., накануне старта муниципальных кампаний, получил от региональных властей достаточно ясные намеки на нежелательность участия в них его и его соратников. Пытаясь облегчить регистрацию и продвижение кандидатов, лидеры движения по согласованию с федеральным руководством Российского общенародного союза взяли под контроль региональное отделение РОС. В результате связанные с «Выбором» кандидаты были выдвинуты от РОС в четырех муниципалитетах – г. Кунгуре, Осинском, Чернушинском и Ильинском районах. Среди этих кандидатов были как местные влиятельные фигуры, включая бывших руководителей муниципалитетов, так и функционеры «Выбора» из Перми. По свидетельству источника, еще в одном муниципалитете, г. Чайковском, связанный с «Выбором» ключевой кандидат на должность главы отказался от предложенного ему партийного «зонтика».

¹ Подготовкой таких действий и их организацией занимаются, как правило, негласно прикомандированные к комиссиям опытные специалисты, «электоральные киллеры», имеющие высокую юридическую подготовку, – авторы данного исследования неоднократно имели возможность ознакомиться в условиях включенного наблюдения со спецификой и результатами их работы.

Тем не менее подготовленный в короткие сроки пакет документов для выдвижения от партии оказался уязвим для электоральных «киллеров», и в трех из четырех муниципалитетов кандидаты от «Выбора» – РОС были отстранены от участия в кампании¹. Лишь в одном муниципалитете – Ильинском районе – выдвинутые РОС кандидаты прошли регистрацию и приняли участие в выборах, несмотря на то что они имели тот же набор документов. Следует отметить, что именно выборы в Ильинском районе оказывались наименее значимыми с политической точки зрения для краевых властей, а выдвинутые здесь представители «Выбора» имели минимальные шансы на успех.

Можно сказать, что опыт заимствования федерального партийного бренда для решения тактических задач оказался для «Выбора» неудачным. В то же время объединенная в рамках «Выбора» коалиция легко и быстро могла бы превратиться в полноценную и значимую региональную партию, если бы деятельность таковых была разрешена.

Еще одна резонансная неудачная попытка политической группировки локального уровня встать под крыло федеральной партии имела место в Уинском районе (2014). На этот раз регистрацию не прошли имевшие шансы на электоральный успех кандидаты, выдвинутые партией «Родина». Региональное отделение этой партии незадолго до начала избирательной кампании возглавил бывший вице-премьер краевого правительства Игорь Орлов, курировавший взаимодействие с силовыми структурами. Тем не менее были основания считать, что юридическая служба у пермской «Родины» слабая, а сам Орлов не разбирается в законодательстве о партиях и выборах². Поэтому события в Уинском районе вряд ли можно списывать на пристрастные действия избиркома, по крайней мере целиком.

Таким образом, за исключением отдельных случаев партии не способны чем-либо помочь соперничающим на местном уровне группам. У них просто нет для этого ресурсов. Причем это касается

¹ На одной из территорий они успели еще раз внести новые пакеты документов и в конце концов зарегистрировались в качестве «самовыдвиженцев».

² В частности, после своего назначения на пост руководителя регионального отделения Игорь Орлов декларировал намерение создавать в регионе ячейки партии на предприятиях ВПК.

не только партий-аутсайдеров, но и тех, что представлены в парламенте.

Влияние партийных брендов на избирателей практически любого региона ощущается лишь в период, непосредственно предшествующий федеральной избирательной кампании, и некоторое время после ее окончания. В остальное время партии не могут предложить на региональном и местном уровнях ничего содержательного. К середине избирательного цикла значение партийных брендов заметно падает, и тем сложнее использовать их в текущих избирательных кампаниях. В большинстве случаев кандидаты на местных выборах предпочитают вскоре после регистрации дистанцироваться от выдвинувших их партий. Особенно это характерно для кандидатов от ЕР. Даже на наиболее значимых выборах в органы МСУ избирательным штабам отдельных кандидатов, выдвинутых от ЕР (в случае, если им это выгодно), удастся полностью саботировать партийные директивы и не использовать в своих агитационных материалах партийную символику [Бердникова, 2011].

Опыт создания непартийных коалиций на конкурентных выборах локального уровня

Прошедшие за последние два-три года в Пермском крае муниципальные кампании продемонстрировали, что относительно сильные игроки все чаще делают выбор в пользу создания независимых от партий местных политических коалиций. Причем это касается не только оппозиционеров, но и сторонников власти.

Эта тенденция проявилась и на муниципальных выборах 2014 г. Ярким примером может служить кампания по выборам в Земское собрание Пермского района, из состава которого в дальнейшем избирается глава района. Острая политическая борьба развернулась между командой Александра Кузнецова, уже 14 лет возглавляющего район, и его противниками, объединившимися в коалицию «Закон и порядок».

Предпосылки к созданию этой коалиции возникли еще в ходе кампании по выборам депутатов и глав поселений 2013 г. Тогда в ряде муниципалитетов победили кандидаты, оппозиционные А. Кузнецову. Часть из них так или иначе были связаны с Галиной

Костаревой¹ – ветераном правоохранительных органов, редактором журнала «Мы – земляки» и возможным претендентом на пост главы района. Результаты поселенческих выборов были расценены рядом наблюдателей как серьезное ослабление позиций главы района, они укрепили его противников во мнении о возможности – при условии объединения усилий – одержать победу на выборах депутатов и главы Земского собрания района в 2014 г.² Тогда же впервые появились коалиционный бренд «Закон и порядок» и основная содержательная идея коалиции, связанная с борьбой с «беззаконием и беспорядком», сложившимися в районе за долгие годы правления Кузнецова. Объединение оппозиционных сил в коалицию, безусловно, свидетельствовало о наличии в районе общих проблем, стремление к решению которых стало движущей силой и идейной основой для создания союза.

Таким образом, заявление о создании коалиции было логичным следствием развития ситуации в Пермском районе, причем решением, вполне понятным для обеих сторон³. По словам политконсультантов, принимавших участие в кампании, другие варианты – переход под «крыло» к какой-либо партии, присоединение к иным политическим коалициям или самостоятельное, внекоалиционное, выдвижение – изначально были менее выигрышными. Создание коалиций выглядело тем более логичным потому, что большинство кандидатов были малоизвестны за пределами своих поселений. Инициаторам объединения, с чем соглашаются опрошенные эксперты, значительно легче было сначала раскрутить бренд коалиции, а затем распахнуть своего рода «зонтик» и тем самым предоставить кандидатам более выигрышные стартовые позиции, чем если бы они выдвигались от малопопулярных политических партий и тем более если бы они шли в качестве самовыдвиженцев. По

¹ Супруга убитого в 2007 г. пермского политтехнолога, бывшего заместителя главы Пермского района Александра Костарева.

² *Полина Д. Галина Костарева намерена сместить главу Пермского района Александра Кузнецова* // Коммерсант-Пермь. – 25 июня 2014 г. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2498980> (Дата посещения: 03.11.2014.); *Савелли С. «Общественники намерены сместить главу Пермского района»* // 59.ru. – 25 июня 2014 г. – Режим доступа: <http://59.ru/text/newsline/811003.html> (Дата посещения: 03.11.2014.)

³ Данное мнение подтвердили в экспертных интервью руководители обоих избирательных штабов, противостоящих друг другу.

мнению участников процесса, коалиция внесла примерно 30% вклада в конечный результат каждого из ее членов, остальное зависело от активности самих кандидатов и их противников.

Между тем публичное создание коалиции, оппозиционной весьма влиятельному в масштабах всего региона¹ главе района, было весьма рискованным шагом, чреватым угрозой целенаправленного применения «административных санкций» уже на стадии регистрации кандидатов. Поэтому часть оппозиционных кандидатов (в семи из 19 округов) решили не рисковать и не иметь прямых отношений с «ЗиП», а выдвинулись под «зонтиком» «Справедливой России»². В итоге при помощи партии они успешно преодолели стадию регистрации, но, связавшись с формальной бюрократической партийной машиной, так и не получили иных значимых ресурсов и упустили большую часть времени, отведенного для предвыборной агитации. При этом некоторые кандидаты хоть и провели кампанию под брендом СР, но регулярно консультировались со штабом «ЗиП» и использовали в агитации преимущественно ту же повестку и тот же идейный багаж, что и члены последней. Стоит отметить, что под «партийный зонтик» перешли в основном кандидаты из числа местных жителей, а среди членов коалиции оказалось много «неместных» кандидатов, не из района, что стало одной из основных мишеней для критики.

Коалиция «Закон и порядок» объединила деятелей, недовольных политикой действующей власти. Среди них были депутаты ряда поселений, ветераны органов внутренних дел, местные фермеры, противники высотной застройки, сельские жители, недовольные продажей земель «городским», жители поселений, обделенных при распределении средств районного бюджета. «Закон и порядок» возник как своего рода «коалиция снизу» – надполитический, надыдеологический союз, объединивший против дейст-

¹ На протяжении многих лет А. Кузнецов возглавлял Совет глав муниципальных образований Пермского края, именно от этого Совета был внесен проект разработанного администрацией губернатора законопроекта о муниципальной реформе, повсеместно вводящего институт сити-менеджеров и закреплявшего отмену в ряде муниципалитетов прямых выборов глав районов. Проект получил неофициальное наименование «кузнецовского».

² По информации из агитационных материалов официально причисляли себя к «ЗиП» 12 человек – из 108 выдвинувшихся в 19 округах. Округа были разделены между членами «ЗиП» и выдвинувшимися от СР.

вующей власти самые различные силы. При этом лидер коалиции Галина Костарева позиционировалась как своего рода «антиКузнецов». Ярко выраженная оппозиционная повестка постепенно придавала коалиции радикальный «антикузнецовский» характер¹. Чем дальше, тем больше она сосредоточивалась исключительно на критике действующего главы района, взяв на вооружение острую антикоррупционную риторику², что в итоге, возможно, оттолкнуло часть умеренного электората, хотя и настроенного критически по отношению к главе района, но ожидавшего от его оппонентов конструктивных предложений.

К успехам коалиции стоит отнести то, что она была воспринята как реальная сила и СМИ, и избирателями, и оппонентами. Другое преимущество коалиционности заключалось в том, что так как выборы проводились по 19 мажоритарным округам (глава района, несущий полную ответственность за состояние дел в нем, фактически отчитывался только перед избирателями своего округа)³, она позволила говорить о проблемах всего района в целом, т.е. поднять «общерайонную повестку», что было явно не под силу отдельным кандидатам. Но это же стало и одним из ее очевидных недостатков, приведших в итоге к неудовлетворительным результатам. Сосредоточившись на критике главы района и на обсуждении районных проблем, коалиция не смогла поднять собственно «поселенческие, окружные повестки», а результаты выборов определялись все-таки в конкретных округах и поселениях. К тому же подобного рода коалиции, как правило, очень неоднородны по своему составу, из-за чего вклад отдельных кандидатов в общую кампанию оказывается неравномерен: лишь трети из них во главе с лидером удалось добавить к предоставленным коалицией ресур-

¹ «Простой расчет – не одного, так другого, но своего!»: *«Поэтому ситуация сложилась достаточно простая: выбирая любых кандидатов, кроме кандидатов от “Закона и порядка”, жители будут голосовать за Кузнецова и его завовавшуюся команду»* // «Закон и порядок» – группа «ВКонтакте» – от 11 сен в 11:15. – Режим доступа: <https://vk.com/pmrzip> (Дата посещения: 03.11.2014.)

² См. материалы сайта: Пермская региональная общественная организация по борьбе с коррупцией «Закон и порядок». – Режим доступа: <http://закон-и-порядок-пмр.рф> (Дата посещения: 03.11.2014.)

³ Проведенный штабом коалиции анализ бюджетной обеспеченности поселений выявил, что входящие в округ главы района поселения во много раз лучше финансировались из районного бюджета, чем остальные.

сам определенный личный вклад и составить серьезную конкуренцию кандидатам из «списка Кузнецова». Другая часть, не имея таких ресурсов, фактически сыграла роль балласта, третья предпочла вести самостоятельную кампанию.

Антикоррупционная критика действующей администрации имела частичный эффект: например, был досрочно отправлен в отставку глава администрации района (тем самым районный глава стремился откреститься от коррупционных скандалов); активно и масштабно развернулась «политика малых дел». В ответ на критику оппоненты развернули антикоалиционную кампанию, сосредоточив критику на ее лидерах. При этом они всячески пытались дистанцироваться от своего реального лидера – главы района. Как показывает анализ агитационных материалов, по сути противники вели избирательные кампании на разных уровнях: оппозиционная коалиция сосредоточилась на единой кампании на районном уровне, представители штаба действующей команды предпринимали контрдействия, но делали упор на условно самостоятельные кампании кандидатов на уровне округов и поселений. Руководители того и другого избирательного штабов в экспертных интервью подтвердили данную оценку.

Можно отметить, что, несмотря на низкую явку¹, в целом избиратели включились в борьбу двух коалиций. В среднем более 90% голосов избирателей, пришедших на участки, распределились между «прокузнецовскими» (самовыдвиженцами или выдвиженцами от ЕР) и «антикузнецовскими» кандидатами от «ЗиП» или СР. Остальные формальные участники выборов – кандидаты от КПРФ и ЛДПР, независимые самовыдвиженцы – выглядели на фоне двух команд откровенными статистами². Интересно отметить, что, пожалуй, впервые в Пермском крае в одной трети округов (шесть из 19) выдвиженцы от ЕР сознательно и откровенно играли роль технических кандидатов и спойлеров, прикрывая выдвиженцев «команды Кузнецова»³. Таким образом, формальные

¹ В среднем 22–23%, от мин. в 15,7% до макс. в 42,2%.

² Максимальный результат представителя КПРФ составил около 3,8%.

³ Максимальный результат среди этих кандидатов составил ничтожные 1,6%. Если подходить формально, то результат ЕР в среднем составил около 45%, в то время как результат «команды Кузнецова» и иных согласованных с ним кандидатов – около 63%. Разница более чем очевидна.

партийные структуры, с учетом, естественно, разных причин, были признаны малоэффективными как той, так и другой стороной¹.

В ходе подготовки и проведения избирательной кампании неформальной оппозиционной коалиции пришлось взять на себя функции, обычно свойственные формальным партийным объединениям:

- кадровая: как отмечают респонденты, пришлось «просеять» большое число желающих стать кандидатами;
- организационно-технологическая: создание единого штаба, юридическая поддержка, проведение соцопросов, организация наблюдения в день голосования и пр.
- ресурсная: финансовое и иное обеспечение членов коалиции;
- агитационная: разработка стиля и содержания агитпродукции, подготовка макетов, печать и распространение АПМ;
- идеологическая: разработка идеологии и стратегии кампании и пр.

Набор функций, выполняемых штабом их политических оппонентов, был несколько меньшим (в частности, они имели дело с уже сложившейся командой), но тоже во многом дублировал направления работы, свойственные партиям.

В то же время в ходе кампании «ЗиП» проявились и очевидные уязвимые места. Среди них:

- Слабый состав кандидатов, недостаточное число тех, кто полностью соответствовал образу коалиции. В результате оппоненты имели возможность перенести критику с отдельных кандидатов на коалицию в целом.

- Отсутствие ресурсов для реализации выработанной стратегии. В частности, подняв антикоррупционную тему, члены коалиции оказались не готовы к живому отклику избирателей, к их реакции на коалицию как новую силу, способную решить накопившиеся проблемы. Избиратели стали, например, обращаться за юридической помощью, которую коалиция была неспособна оказать, поскольку это требовало отвлечения значительных ресурсов.

- Юридические ограничения, существующие при системе мажоритарной округов, не позволили лидерам коалиции в долж-

¹ Средний результат «ЗиП» составил около 27%, СР – около 23%. Правда, именно поддержанному СР кандидату удалось одержать единственную у оппозиционеров победу в округе.

ной мере поддержать других членов и осложняли критику самого главы района, в то время как партийные объединения с такими ограничениями не сталкиваются.

• Поскольку коалиция создавалась «снизу», на основе объединения политически самостоятельных фигур, в ней неизбежно возникали внутренние идеологические и тактические разногласия. Неформальная коалиция сохраняла отпечатки неформальных, межличностных отношений, сложившихся между ее членами.

* * *

Опыт избирательных кампаний и в целом развития политических процессов в Пермском крае свидетельствует, что партиям, завязанным на федеральную политическую повестку и не имеющим значимых самостоятельных ресурсов (в том числе главного – доверия и поддержки населения), по сути, нечего предложить значительно усилившимся политическим акторам локального уровня. С другой стороны, сами эти акторы испытывают настоящую потребность в более жесткой и устойчивой самоорганизации, прочной идеологической основе для своей деятельности, механизмах, дающих возможность привлекать дополнительные ресурсы. Казалось бы, и партии, и местные политические элиты должны быть заинтересованы друг в друге. Но сотрудничество, если оно и происходит, не приносит желаемых результатов. Пока что партии не могут спуститься до локальной повестки дня, а местные акторы – подняться до более общей.

Список литературы

- Бердникова Н.С.* Выборы депутатов Пермской городской Думы V созыва: Политические итоги // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». – Пермь, 2011. – № 1 (13). – С. 42–47.
- Голосов Г.В.* Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. – 300 с.
- Гудков Л.* «Доверие» в России: смыслы, функции, структура // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии / Отв. ред. Б.Ф. Дубинин. – М.: Левада-центр, 2012. – № 2 (112), апрель–июнь. – С. 8–48.

- Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): Аналитический доклад – М., 2011. – 304 с. – Режим доступа: http://ntpp.biz/upload/iblock/f03/20_years_reform_vlfbsonfhkxvor.pdf (Дата посещения: 12.11.2014.)
- Дифференциация гражданских и политических практик в России: институциональная перспектива»: Научно-аналитический доклад / Под руководством С.В. Патрушева. – М.: Институт социологии РАН, 2013. – 184 с.
- Доверие институтам власти / Левада-центр. – 7.10.2013. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/07-10-2013/doverie-institutam-vlasti> (Дата посещения: 03.11.2014.)
- Интерес к политике / Левада-центр. – 16.01.2013. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/16-12-2013/interes-k-politike> (Дата посещения: 03.11.2014.)
- Ковин В.С. О непартийности партийного фактора электоральной идентичности российских избирателей // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». – Пермь, 2014. – № 3. – С. 111–128.
- Ковин В.С. Стилистика электорального поведения избирателей и организаторов «пермских» выборов 2011–2012 гг. и проблема многоуровневой идентичности // Вестник Пермского университета. Серия Политология. – Пермь, 2012. – № 3. – С. 40–53.
- Козлов Д.В., Подвинцев О.Б. Иркутская и Пермская аномалии на партийно-электоральной карте современной России // Вестник СПбГУ. – СПб., 2011. – Серия 6, Вып. 3. – С. 89–99.
- Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. – М., 2007. – 544 с.
- Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. – М.: Фонд «Либеральная миссия»: Новое литературное обозрение, 2011. – 792 с.
- Левада Ю. Общественное мнение в политическом зеркале // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии / Отв. ред. Л.Д. Гудков – М.: Левада-центр. 2006. – № 2 (82) март-апрель – С. 8–19.
- «Наскучившие» и перспективные политики – М., 2014. – 25 марта. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/25-03-2014/naskuchivshie-i-perspektivnye-politiki> (Дата посещения: 03.11.2014.)
- Общественное мнение – 2013. Ежегодник – М: Левада-центр, 2014. – 252 с. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/sites/default/files/om13.pdf> (Дата посещения: 03.11.2014.)
- Общественное мнение о голосовании на региональных и местных выборах – М., 2013. – 7 октября. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/07-10-2013/obshchestvennoe-mnenie-o-golosovanii-na-regionalnykh-i-mestnykh-vyborakh> (Дата посещения: 03.11.2014.)
- Октябрьские электоральные рейтинги. Возможные результаты выборов в Госдуму – М.: Левада-центр, 2014. – 31 октября. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/31-10-2014/oktyabrskie-elektoralnye-reitingi> (Дата посещения: 03.11.2014.)
- Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических» режимах / Под ред. Ю.Г. Коргунока, Е.Ю. Мелешкиной, О.Б. Подвинцева. – М.: РАПН: РОССПЭН, 2012. – 300 с.

- Подвинцев О.Б.* «Глиняные ноги» партии власти. Чем обусловлены проигрыши «Единой России» на местных выборах 2008–2010 гг.: кризисом в обществе или самой ее природой? // Pro et Contra – М., 2010. – Т. 14, № 3, май-июнь – С. 97–105.
- Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Раздел 6. Демократические ценности в структуре массового сознания россиян. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – С. 68–69. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html (Дата посещения: 01.11.2014.)
- Узнаваемость партий и предвыборные рейтинги – М., 2013. – 19 июня. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/19-06-2013/uznavaemost-partii-i-predvybornye-reitingi> (Дата посещения: 03.11.2014.)
- Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О политических партиях» (11 июля 2001 г.) – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166214 (Дата посещения: 01.11.2014.)
- Хлопин А.Д.* Гражданское общество или социум клик: российская дилемма // Полития. – М., 1997. – № 1 (3). – С. 7–28.

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Ю.Г. КОРГУНЮК

**ПОЧЕМУ НЕ ПАРТИИ?
КОМПЕТЕНТНЫЙ ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ**

**Рецензия на книгу: Hale Н. Why not parties in Russia?
Democracy, federalism, and the state. – N.Y.: Cambridge univ.
press, 2006. – 275 p.**

Работам иностранных политологов, посвященным российской политике и истории, присуще одно свойство, совмещающее как положительный, так и отрицательный аспекты, – они практически всегда представляют собой взгляд со стороны – или даже с птичьего полета. Разумеется, иностранцы подмечают в нашей действительности детали, незаметные нам, россиянам, потому что увидеть их можно только на расстоянии, причем не «сбоку», а «сверху». Но в то же время зарубежные авторы абсолютно не понимают некоторых нюансов, которые в России понятны даже детям, и это несколько портит впечатление от прочитанного.

Книга профессора университета Дж. Вашингтона Генри Хэйла «Россия: почему не партии? Демократия, федерализм и государство»¹ относится к тем редким исключениям, когда исследование иностранного автора, сохраняя достоинства взгляда со стороны, лишено его недостатков. Монография опубликована уже

¹ Иногда название книги переводят «Почему в России нет партий?», но это неверно, поскольку тогда по-английски оно звучало бы «Why there is no parties in Russia?». Да и из самого содержания работы следует, что автор вовсе не отрицает наличия в России политических партий.

достаточно давно, однако в российской литературе ей не было уделено того внимания, какого она заслуживает (во всяком случае, нам неизвестно ни одной рецензии на нее в специализированном научном издании).

Автор задается вопросом, почему за 15 лет, начиная с первых относительно свободных «горбачёвских» выборов, российские политические партии так и не стали становым хребтом российской политической системы [Hale, 2006, p. 3]. Рассматривая в первой главе («Электоральные рынки и “шведский стол” российской политики») обширный массив исследований, посвященных российским политическим партиям, он отмечает наличие «оптимистической» и «пессимистической» точек зрения. Первая из них обнаруживает в России достаточно развитую партийную систему, тесно связанную с социальными и политическими размежеваниями, более или менее укорененную в электорате. Вторая делает акцент на том, что партии в России так и не смогли «освоить» госаппарат и завоевать ведущую роль на политической сцене. По мнению Хэйла, рациональное зерно есть и в той и в другой точках зрения [Hale, 2006, p. 7], поскольку у политических партий постсоветской России нашлись сильные конкуренты, которых он называет «заместителями партий» (*party substitutes*) и к числу которых относит губернаторские «политические машины» (*political machines of provincial governors*) и вовлеченные в политику финансово-промышленные группы (*politicized financial-industrial groups*) [Hale, 2006, p. 7]. Ответу на вопрос, отчего так вышло, посвящены остальные четыре главы.

Во второй главе («Партийное предпринимательство на российском электоральном рынке (1989–2005)») представлены основные тезисы концепции наследия «патримониального коммунизма»¹, повлиявшего на эволюцию партийной системы страны, дается очерк развития избирательного и партийного законодательства в постсоветской России, а также излагаются соображения автора относительно того, почему одним партиям, хотя бы раз преодолевшим 5%-ный барьер, удалось закрепиться в Госдуме, а другие вынуждены были покинуть «премьер-лигу».

¹ При этом автор, конечно же, ссылается на знаменитую работу Г. Китчельта, З. Мансфелдовой, Р. Марковского и Г. Тока [Kitschelt, Mansfeldova, Markowski, Toka, 1999], из которой эти тезисы и взяты.

Это, пожалуй, наименее интересная часть книги. Выдвинутые здесь предположения не отличаются ни новизной, ни оригинальностью. В большинстве своем они были высказаны еще российскими политическими обозревателями-журналистами непосредственно по итогам соответствующих избирательных кампаний и в дальнейшем без ссылок переключались в труды российских и зарубежных политологов. А самое главное – они остаются не более чем догадками, не подтвержденными дополнительными аргументами и ссылками на новые источники (Хэйл опирается в основном на произведения тех самых политологов, которые в свое время повторили суждения тех самых журналистов).

Зато в третьей главе («Сколько партий в партийной системе?») представлены результаты очень важной работы. С помощью математических методов, прежде всего множественной логистической регрессии, автор проверил, насколько голосование за те или иные партии было обусловлено идейными предпочтениями и социальным положением избирателей. Для этого Хэйл привлек данные социологических опросов, биографии кандидатов, электоральную статистику и статистику голосований в Госдуме. В итоге он сделал вывод о достаточно высокой степени этой обусловленности [Hale, 2006, p. 114–115]. В частности, констатирует автор, избиратели «партии власти» в начале 2000-х имели самые оптимистичные взгляды относительно перспектив экономического роста, выступали за рынок и сильную президентскую власть, а также за партнерские отношения с Западом, тогда как КПРФ привлекала к себе «антирыночников», а «Яблоко» – демократически настроенных граждан [Hale, 2006, p. 106]. Хэйл отмечает также, что в конце 1990-х годов шансы партийных кандидатов избраться в Госдуму по одномандатным округам по сравнению с непартийными кандидатами значительно выросли [Hale, 2006, p. 126], а уровень партийной дисциплины при голосовании в Госдуме за те же 1990-е заметно повысился [Hale, 2006, p. 133].

Таким образом, приходит к выводу автор, на протяжении 1993–2004 гг. роль партий в российской политике росла, а выбор избирателя во многом обуславливался партийными предпочтениями [Hale, 2006, p. 148–149]. С другой стороны, признает он, при Путине «партийно-мотивированный» выбор избирателей во многом стал голосованием за «партию власти», а в электоральной сфере продолжали существовать «серые зоны», в которых партий-

ность кандидата играла крайне незначительную роль, – например, на губернаторских выборах или на выборах по мажоритарной системе в региональные собрания [Hale, 2006, p. 149]. Партии, констатирует Хэйл, сумели приблизиться к избирателю, научились мобилизовать организационные и материальные ресурсы, однако это не помогло им взять под контроль наиболее значимые органы власти [Hale, 2006, p. 149].

Казалось бы, в этих выводах тоже нет ничего нового – то же самое неоднократно говорили российские и зарубежные авторы. Но Хэйл подтверждает свои гипотезы расчетами, а это дорого стоит. Вспомним, что теорема Ферма появилась в 1637 г., а доказана была только в 1994 г., причем средствами, которых заведомо не могло существовать в XVII в.; гипотеза Пуанкаре сформулирована в 1908 г., доказана только в 2002-м и т.д. Вот и политологам пора не только выдвигать гипотезы, но и снабжать их доказательствами и, желательно, как можно более близкими к математическим. Впрочем, нельзя сказать, что российские партологи не используют количественных методов при анализе статистических, биографических и прочих данных. Например, Г. Голосов еще в 2003 г., т.е. за три года до выхода книги Хэйла, использовал линейную регрессию для построения модели, показывающей, насколько партийность кандидата способствовала его успеху на выборах [Голосов, 2006] (вывод, правда, получился отрицательным). Однако Хэйл ставит более широкие задачи и привлекает более разнообразный эмпирический материал.

В четвертой главе («Электоральные рынки и “заменители партий” в России») автор прослеживает историю возникновения наиболее влиятельных «партийных суррогатов» – региональных (губернаторских) «политических» машин и политизированных финансово-промышленных групп. Причины их успеха, по мнению Хэйла, заключались как в наследии советского прошлого, когда руководители крупных предприятий являлись «благодетелями» и «кормильцами» своих работников, так и в особенностях новых реалий, когда стала возможной относительно свободная конвертация власти в капитал, а капитала – во власть [Hale, 2006, p. 195]. Преимущества же «заместителей партий» перед собственно партиями состояли в том, что их кандидаты могли экономить на издержках, которые понесли бы, если бы вышли на выборы под партийным флагом. И именно это помогло «суррогатам» вытеснить партии из

сферы, в которой те не имели «естественных» преимуществ, т.е. на выборах по одномандатным округам [Hale, 2006, p. 195].

Наконец, в пятой главе («Партии и их заместители») Хэйл анализирует варианты развития событий, при которых российские «партийные суррогаты» могли бы эволюционным путем объединиться в мощную общенациональную партию, способную взять под контроль все этажи государственного аппарата, – по аналогии с США, точнее, тем эпизодом их истории, когда будущий президент Мартин ван Бюрен создал в 1820-х годах на базе многочисленных региональных «политических машин» Демократическую партию, объединив ее вокруг другого будущего президента (тогда еще кандидата в президенты) – Эндрю Джексона. Хэйл полагает, что тот же сценарий мог повториться и в России в 1999 г. – в случае успеха на думских выборах блока «Отечество – Вся Россия». Неудача последнего привела к тому, что «партизация» страны пошла по другому пути – прямой интервенции государства в электоральную сферу, в результате чего прежние «партийные заместители» путем банального изменения избирательного законодательства были заменены одним большим «суррогатом» – «Единой Россией» [Hale, 2006, p. 202, 233]. Формально партии одержали победу, на деле же проиграли «усовершенствованной» версии «партийного заместителя».

Работа Хэйла очень убедительна, и, пожалуй, единственное, что не вызывает особого энтузиазма, так это «рыночный подход» (market approach) к теории партий, с позиций которого автор рассматривает историю российских партий и их «суррогатов». По мнению Хэйла, отношение к партиям как к производителям товаров и услуг на электоральном рынке способно разрешить едва ли не все противоречия между разными теоретическими подходами – институциональным, социологическим, историческим, элитистским [Hale, 2006, p. 239].

Именно по апологии «рыночного подхода» и видно, что автор – американец, житель страны, в которой эта доктрина более-менее адекватно соответствует событиям партийной жизни. В США и избиратель, и кандидат действительно чувствуют себя своего рода агентами рынка, причем оба хорошо знают свои права и обязанности и не сомневаются, что в случае обмана ожиданий покупатель всегда найдет возможность наказать продавца и что, по большому счету, именно покупатель диктует правила. Но такой подход дает

сбои, как только действие переносится в другую страну. Даже в Европе, где он начал утверждаться с середины 1950-х годов, тенденция к «маркетизации» политической жизни так и называется – «американизацией».

А чем дальше на восток, тем хуже работает рыночная аналогия. Здесь правила диктует уже не «покупатель», а «производитель». Ведь вмешательство в электоральный процесс президентской администрации, губернаторских «политических машин» и финансово-промышленных групп является абсолютно антирыночным, точнее, внерыночным, феноменом. Если о ФПГ еще можно сказать, что они играют по правилам «черного» рынка, покупая товар, который, по идее, вообще не должен продаваться, то чиновники устанавливают правила сами и под себя и меняют их в любой момент, когда посчитают удобным. Поэтому, чтобы понять законы российского «электорального рынка», нужно разбираться, скорее, в том, кто их пишет и каким образом может их нарушить. А это уже совсем другой предмет изучения.

Да и в принципе, как представляется, рыночный подход к политике в целом и партиям в частности так и не вышел по-настоящему на теоретический уровень, оставшись одной из многих допустимых метафор. Политическую жизнь можно сравнить со спортивным соревнованием, с войной, с театральным представлением, и в каждом случае сравнение будет в какой-то мере обосновано и позволит сосредоточить внимание на какой-нибудь малоизученной грани. Но не более.

Слабое место рыночного подхода в том, что он охватывает лишь небольшой сегмент функций и ролей, выполняемых политическими партиями, сводя их главным образом к организации электорального процесса, рекрутированию элит и политической мобилизации населения. А ведь есть масса других функций, плохо вписывающихся в рамки этого подхода, – легитимизация режима, формирование массового политического сознания, организация законодательного процесса и много чего еще. Причем многие эти функции партии выполняют, так сказать, «в бессознательном режиме». То, что они их все-таки выполняют, выясняется только в результате разносторонних исследований.

Впрочем, возможно, данная претензия к автору чрезмерна, поскольку он и в рамках этого подхода достигает максимально

возможных результатов – хотя, скорее всего, вне всякой зависимости от того, какой именно «теории» придерживается.

Приятно отметить, что работа практически лишена фактических ошибок, которыми полны многие труды не только зарубежных, но и отечественных политологов (с последних, по большому счету, и спрос должен быть строже). Даже когда некая неточность обнаруживается, при более пристальном взгляде становится видно, что за нею стоит не банальное незнание, а какая-нибудь интересная проблема.

В частности, Хэйл упоминает, что на выборах народных депутатов РСФСР 1990 г. первый лидер Демократической партии России Николай Травкин был одним из трех координаторов блока «Демократическая Россия» [Hale, 2006, p. 239].

Дело в том, что у блока не было никаких координаторов. Единственное собрание этого объединения прошло 20–21 января 1990 г., причем сам Травкин на нем не присутствовал. На собрании было утверждено название блока, приняты декларация, платформа, обращение к избирателям и ряд резолюций – но руководящие органы не избирались¹. Откуда же взялась информация, что Травкин был сокоординатором блока? Поиск выводит на биографическую справку Травкина, размещенную на старой версии сайта «Яблока»² (в конце 1990-х он был членом и этой партии), а туда эти сведения, по всей видимости, попали из справочника ИИЦ «Панорама»³.

О подлинном же первоисточнике данной информации можно узнать из книги А. Любарева [Любарев, 2001]: «Список кандидатов в народные депутаты РСФСР по Москве и депутаты Моссовета, поддерживаемых блоком “Демократическая Россия”, был опубликован в февральском номере газеты “Позиция” (издавалась фондом “Содружество”, который возглавлял член Координационного совета МОИ С.Е. Трубе, тираж – 100 тыс. экз.). Под списком стояли

¹ Пресс-релиз «Создан блок демократических кандидатов России!». – ЦАОПИМ, ф. 8651, оп. 1, д. 66.

² Биография Н.И. Травкина. – Режим доступа: http://www.yabloko.ru/Persons/Travkin/travkin_bio.html (Дата посещения: 11.11.2014.)

³ Эту справку можно найти в поддерживаемой ИИЦ «Панорама» базе данных «Лабиринт». – Режим доступа. – <http://www.labyrinth.ru> (Дата посещения: 11.11.2014.). Правда, для того чтобы прочитать ее полный текст, нужно заплатить.

подписи Г.Х. Попова, Н.И. Травкина и С.Б. Станкевича». Получается, что в ходе предвыборной кампании кандидаты от «ДемРоссии» были заинтересованы в поддержке «лучших людей», пользовавшихся в то время немалой известностью (да и популярностью). Вот они и присвоили им задним числом несуществующие должности «координаторов» блока.

Среди прочих неточностей в работе Хэйла можно упомянуть, пожалуй, лишь утверждения, что единственной компартией на думских выборах 1993 г. КПРФ оказалась из-за того, что остальные не успели на них зарегистрироваться [Hale, 2006, p. 64] (на самом деле радикальные партии объявили этим выборам бойкот), или что на выборах 1999 г. блок «Отечество – Вся Россия», в отличие от относительно «прорыночного» «Единства», выступал за усиление государственного вмешательства в экономику [Hale, 2006, p. 227] (на самом деле позиции двух блоков в этом вопросе практически совпадали – и тот и другой придерживались «умеренно-рыночных» установок). Не так уж много неточностей на целую книжку.

Кроме того, хочется отметить прекрасный язык книги Хэйла и очень грамотную и доступную манеру изложения. Автор нередко использует удачные художественные приемы – вроде образа хрустального шара, с помощью которого участники выборов 1989 г. могли бы заглянуть в будущее. Прежде чем поставить проблему, Хэйл интригует читателя, рассказывая о различиях предвыборной ситуации 1999 г. в Санкт-Петербурге, где главная борьба в одномандатных округах велась между представителями партий, и в Омской области, где партии выполняли роль статистов, а на первый план вышли представители «политических машин» [Hale, 2006, p. 1–2].

В России многие представители академической политологии наверняка обвинили бы Хэйла в излишнем «публицистизме». Но скажем откровенно – самим российским политологам, пишущим зачастую на «подстрочнике с английского», было бы неплохо научиться грамотно, понятно и убедительно излагать свои мысли. Хэйлу этому учиться не надо, он этому научился, видимо, еще в Гарварде. В конце концов, недаром монография «Россия: почему не партии?» получила премию Американской ассоциации политической науки за 2006–2007 г. – плохо написанные книги звания «выдающихся трудов» (outstanding book) не удостоиваются.

Список литературы

- Голосов Г.В.* Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. – М.: Изд-во Европейского института в Санкт-Петербурге, 2006. – 300 с.
- Любарев А.Е.* Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989–2000. – М.: Стольный град, 2001. – 412 с. – Режим доступа: http://lyubarev.narod.ru/elect/book/ch4-5.htm#_Toc514675557 (Дата посещения: 17.11.2014.)
- Hale H.* Why not parties in Russia? Democracy, federalism, and the state. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 275 p.
- Post-Communist party systems / H. Kitschelt, Z. Mansfeldova, R. Markowski, G. Toka. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1999. – 472 p.
- .

В.Г. ВИНОГРАДСКИЙ
ПОЛИТИКА КАК ДИСКУРСИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

**Рецензия на коллективную монографию: Кризисный дискурс
официальной власти и системной оппозиции в современной
России: Сравнительный анализ / Под редакцией доктора
политических наук, профессора Т.Н. Митрохиной. – М.:
Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН),
2014. – 183 с.**

Или, если выразиться чуть иначе, политика как «дискурсивная формация», как «дискурсивный порядок». Именно так, на мой взгляд, можно сконструировать ту кратчайшую формулу, которая в полной мере характеризует суть новой книги, вышедшей в издательстве РОССПЭН [Кризисный дискурс..., 2014]. Именно своеобразная **дискурсивная конструкция** политической жизни современной России ярко, информативно и изобретательно изображена на страницах этого издания.

Монография является итогом работы коллектива саратовских политологов, проведенной в соответствии с заявкой на грантовую поддержку РГНФ. Издание интересно и в хорошем смысле злободневно. Впечатляет его нацеленность. С самого начала становятся заметны такие особенности работы, как свежесть и нестандартность проблемной проекции, выбранной для научного освещения; характер структурирования проблемы для аналитической разработки; объектом исследования избран кризисный дискурс. Особо обращает на себя внимание оригинальность подхода – методологические принципы, с позиций которых авторы успешно осуществляют анализ проблемы. В состав авторского коллектива

вошли в основном молодые ученые, заинтересовавшиеся нестандартно сформулированной и пока нерастиражированной исследовательской проблемой.

В отечественной науке не так много работ, исследующих дискурсивные практики современной российской политики, – тем более со специальным выделением кризисной коммуникации как объекта политологического анализа. А ведь рассмотрение именно кризисного дискурса актуально по ряду объективных причин – практически любое государство рано или поздно сталкивается с проблемами кризисного характера и вынуждено так или иначе их решать. Проблемам кризиса посвящено немало экономических работ, однако исследований сугубо политологической ориентированности практически незаметно. Авторы избирают оригинальный ракурс, нестандартный подход – кризисный дискурс выделен не только в качестве самостоятельного объекта исследования, но и особым образом структурирован. Интересна и поучительна тщательная работа ученых с базовыми понятиями (кризисный дискурс, дискурс, кризис, системная оппозиция), используемыми в исследовании. Это говорит о методологической зрелости коллектива авторов, поскольку данные термины, как и сами феномены, принадлежат к числу далеко не однозначных и весьма дискуссионных.

Убедительным представляется тезис, согласно которому узловыми точками, вокруг которых властвующая и оппозиционная элиты организуют кризисный дискурс и ведут борьбу за наполнение его определенным содержанием, являются: непосредственно признание факта кризиса, оценка его глубины, анализ причин кризисных явлений, направленность и эффективность антикризисных мер, определение виновников неудачных преобразований и кризисных явлений в стране, содержательное наполнение оппозиции «мы – они», оценка эффективности и качества функционирования управленческих структур, роли государственного управления, оценка и прогнозирование последствий кризиса. Коллективу авторов удалось избежать того, что характерно для многих коллективных монографий, – методологической эклектики. Кризисный дискурс последовательно рассматривается в монографии в едином методологическом ключе.

Руководствуясь ясным образом оформленными методологическими принципами, выстроив оригинальный методологический инструментарий, авторы обрабатывают большой массив текстовой

информации – публичных выступлений, монографических работ, научных статей, официальных документов, материалов пресс-конференций и сетевых сайтов. Такой подход позволяет четко выявить динамические аспекты кризисного дискурса по определенным параметрам: признание / непризнание факта кризиса и его глубины, определение причин, оценка эффективности / неэффективности антикризисных решений. Далее авторы проводят сравнительный анализ дискурсивных практик различных субъектов политического процесса – представителей официальной власти и системной оппозиции. И как итог на основе сопоставлений выстраиваются весьма выразительные и информативные параллели в развитии современных кризисных явлений с периодами наибольшего обострения в 1998 и 2008 гг.

Анализируя кризисный дискурс с обозначенных методологических позиций, выявляя тенденции и специфику кризисного дискурса, характерного для различных субъектов политики, авторы закономерно выходят на обсуждение поистине крупномасштабных проблем – проектов социально-политического развития и реформирования, предлагаемых правящей элитой и представителями системной оппозиции, практик конкуренции и подавления альтернативного понимания действительности в ракурсе экономической модели развития государства.

Дискурс истолковывается в работе как пространство риторических практик, организованное под знаком отношений к кризисным явлениям в экономике, свойственным властвующей элите и системной оппозиции. Эта аналитическая проекция позволила коллективу ввести в научный оборот значительный массив текстовых материалов. Поэтому монография – это обширная и разнообразная «библиотека» дискурсивных образцов и примеров. Нечасто современные авторы столь тщательно просеивают материалы публичных выступлений российских политиков, столь целенаправленно и методологически непротиворечиво работают с текстами.

Содержание первой главы «Коммуникативные практики официальной власти в современной России: кризисный дискурс» сосредоточено на выявлении кризисной составляющей публичного дискурса субъектов политики высшего уровня. Решая эту задачу, сформулированную как «кризисная составляющая политической повестки дня в официальном дискурсе российской власти (1994–2011)», авторы анализируют президентские послания за длитель-

ный период. Такой подход дает возможность на основе сравнительного анализа по узловым точкам, вокруг которых, согласно авторской методологии, организован кризисный дискурс, выявить специфику и основные тренды официального дискурса российских президентов этого периода. Хорошо проработана идея о различном понимании президентами страны причин экономических кризисов. Если у Б.Н. Ельцина преобладает мысль о советском наследии, то в понимании Д.А. Медведева в значительной степени виновницей кризисных явлений оказалась западная экономика, потащившая за собой российскую. Непосредственно модель российской экономики, избранную в качестве базовой, а также качество управления ни один ни другой субъект политики не ставит под сомнение.

Кризис 1998 г. в официальном дискурсе Б.Н. Ельцина анализируется (именно как дискурсивная формация) в политико-экономическом контексте 1990-х годов. Акцент сделан на периоде весна / осень 1998 г., когда экономические проблемы активно трансформировались в политические процессы и явления. Авторами показано, что основным содержанием дискурса этого времени были идеи о том, что Россия представляет собой часть мировой экономической системы. Поэтому успешное политическое и экономическое будущее России виделось в тесной экономической и политической взаимосвязи с западными странами. Анализ дискурса Б.Н. Ельцина позволил выявить антикризисные механизмы, которые транслировались в информационном пространстве конца 1990-х годов. Это позволило определить вектор эволюции дискурса Б.Н. Ельцина по мере преодоления экономических и политических последствий августа 1998 г. В результате авторы приходят к выводу, что, несмотря на утверждение прозападного экономического курса России, Б.Н. Ельцин считал многие экономические предпочтения и кредиты со стороны западных партнеров России экономически и политически деструктивными.

Изучая динамику кризисного дискурса официальной власти (по материалам публичных выступлений в 2008–2011 гг.), авторы выявляют конъюнктурно-динамические аспекты кризисной тематики. Анализ выступлений главы правительства Российской Федерации на заседаниях Госсовета, пресс-конференциях и на партийных съездах позволил определить устойчиво воспроизводимые особенности кризисного дискурса. Публичное признание властью экономического кризиса и его глубины происходит не сразу. В за-

висимости от ситуации причины кризисных явлений коренятся либо в советском наследии, либо в западной экономике. Неохотно обсуждаются проблемы неэффективного и непрофессионального управления экономикой страны. Интересен вывод о дифференцированном характере публичных выступлений в зависимости от аудитории, а также конъюнктурности кризисного дискурса власти. Если это российские граждане, то политик стремится ободрить и успокоить их, демонстрирует оптимизм и заверяет в том, что ситуация находится под контролем. Если это профессионалы-управленцы, от которых зависит ситуация в стране, то разговор строится более откровенно, конкретно, жестко и гораздо ближе к реальной ситуации. Свои особенности имеют выступления на международных форумах, где представители власти весьма осторожны и аккуратны в оценках внешнего происхождения кризисных явлений.

Анализируя кризисный дискурс Д.А. Медведева, указывают на изменившиеся политические и экономические реалии. Разграничиваются понятия глобального (мирового) и регионального (российского) экономического кризиса, проводится сравнительный анализ кризисного дискурса Б.Н. Ельцина и Д.А. Медведева. Особое внимание уделено изучению мировых экономических институтов и форм их влияния на динамику внутрироссийского экономического кризиса. В данном контексте наиболее подробно рассматриваются американские экономические институты, которые в официальном дискурсе позиционируются в качестве главных источников возникновения глобального экономического кризиса.

Вторая глава «Коммуникативные практики парламентских политических партий и системной оппозиции в современной России: кризисный дискурс» анализирует речевые (риторические) практики коллективных субъектов политики, партий. Понятен интерес, который привлекает системная оппозиция. Примечательно и то, каким образом она определяется авторами. Сразу скажем – этот подход небесспорен, но научно состоятелен. С точки зрения авторов, это те политические силы, которые в целом принимают ценности политической системы, но высказывают несогласие с некоторыми позициями официального курса власти. На уровне кризисного дискурса расхождений в позициях достаточно много, и они принципиальны – по отношению как к базовой модели экономического развития страны, так и к качеству реализации управленческой функции. Претензии адресованы главным образом

управленческой элите высшего уровня. Для кризисного дискурса системной оппозиции в современной России характерно признание наличия кризиса затяжного и тяжелого, вплоть до катастрофического. Кризисные явления запрограммированы на уровне экономической модели, далекой от инноваций. Оппозиция позиционирует себя прежде всего посредством дискурса, конкурируя только на этом уровне, причем наиболее существенны расхождения в оценках модели экономического развития и причин кризисных явлений. Любопытны также выводы авторов о кадровой политике.

Очень интересен анализ кризисных дискурсов «Единой России» и КПРФ, основанный на материалах их пресс-служб. Источниковую базу этой части исследования составили более 6,5 тыс. статей с официальных сайтов двух партий, имеющих отношение к экономическому кризису 2008 г. Оказывается, что при схожей хронологической интенсивности кризисного дискурса у партий они значительно отличаются по качественному составу продуцирующих их субъектов. Для дискурса «Единой России» характерно восприятие кризиса как краткосрочного тренда. В дискурсе КПРФ кризис воспринимается как доказательство несостоятельности текущего политического курса. Объединяет эти подходы следующее: они не содержат конструктивных предложений по преодолению кризиса. Борьба с кризисом оказывается второстепенной в борьбе политической.

При сравнении дискурсов двух соперничающих партий авторы выявляют различия в их антикризисной инициативности. Последняя определяется как доля информационных материалов, в которых акторы кризисной коммуникации не просто упоминают кризис или пересказывают чьи-то идеи относительно кризиса, но и выдвигают собственные предложения по преодолению кризисных явлений. Показателен вывод о том, что антикризисная инициативность субъектов кризисного дискурса КПРФ выше, чем у субъектов кризисного дискурса «Единой России», несмотря на то, что у последней гораздо больше возможностей для реализации своей антикризисной политики.

Авторы поэлементно сравнивают предлагаемые партиями антикризисные меры. «Единая Россия» направляет свои усилия на законодательные меры, на помощь отдельным отраслям экономики, на модификацию бюджетной политики. КПРФ же в качестве главной антикризисной меры декларирует смену существующего по-

литического режима на социалистический, что должно способствовать приходу партии к власти. В монографии нащупаны оригинальные модели кризисного дискурса «Единой России» и КПРФ. Модель антикризисной программы «Единой России» определяется как «популистская антикризисная коммуникация vs реальные антикризисные действия». Для КПРФ характерна иная модель – «популистская антикризисная коммуникация vs отсутствие антикризисных действий». Таким образом, если кризисные коммуникации двух партий можно назвать одинаково малоэффективными, то антикризисные политики по степени своей эффективности заметно различаются.

Авторы утверждают, что КПРФ признает кризис как реальность, но не признает экономических причин данного кризиса внутри страны. Представители КПРФ настаивают на более глубоком характере кризиса – управленческом, усугубляющим экономическое положение России. В период с 2008 по 2011 г. критические оценки власти со стороны КПРФ достигли своего максимума, что частично объясняется электоральным циклом 2011–2012 гг.

Весьма информативен раздел монографии, освещающий динамику кризисного дискурса ЛДПР (1998–2011). Анализ выполнен на материалах стенограмм заседаний Государственной думы. Динамика дискурса ЛДПР авторами представляется следующей: от ярко выраженной оппозиционной линии по отношению к президенту РФ Б.Н. Ельцину и его правительству эпохи 1990-х годов к умеренно-оппозиционной по отношению к правительству премьер-министра В.В. Путина в 1999 г. и лояльно-партнерской по отношению к самому президенту РФ В.В. Путину с 2000 до 2008 г.

Таковы содержание и общая оценка проделанной авторским коллективом аналитической работы. Изучение содержания и структуры кризисного дискурса власти и системной оппозиции на первый взгляд может показаться проблемой теоретического порядка. И авторы отдают необходимую дань методологической стороне проблемы. Однако ценность книги – в ее насыщенности конкретным анализом политики именно как дискурсивной конструкции, особого и неповторимого дискурсивного формата. И здесь авторами получен ряд значимых, позволяющих разобраться в современной политической жизни результатов. Исследование саратовских политологов дает множество поводов для научной дискуссии. Очевидно, что есть смысл развивать данное направление, совершенствуя методологию

исследования и – что особенно важно и интересно – расширяя диапазон субъектов политики и внимательно фиксируя их дискурсивные манеры и привычки.

Список литературы

Кризисный дискурс официальной власти и системной оппозиции в современной России сравнительный анализ / Под ред. д-ра полит. наук, проф. Т.Н. Митрохиной. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. – 183 с.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА И АННОТАЦИИ / KEYWORDS AND ABSTRACTS

Н.В. Гришин

**Партии как привилегированный субъект избирательного
процесса: Результаты институционального эксперимента**

Статья анализирует происходящее в современном мире расширение электоральных прав политических партий определенного организационного типа (формализованных партий), вытесняющих из электорального пространства других коллективных и индивидуальных акторов. Автор предлагает типологию стран в зависимости от наличия у политических партий привилегий при выдвижении кандидатов на выборах. Рассмотрен антидемократический эффект института предоставления партиям привилегий на выборах. Охарактеризован опыт Восточной Европы по исключению из числа субъектов избирательного процесса свободных ассоциаций граждан. Отмечено, что в странах западной демократии политические партии имеют привилегии при выдвижении кандидатов не перед ассоциациями граждан, а перед независимыми кандидатами. Предоставление формализованным партиям электоральных привилегий оценивается как угроза демократии в целом.

Ключевые слова: выборы; представительство; партии; свобода ассоциаций; партизация выборов; избирательные объединения.

N.V. Grishin

**Parties as a privileged subject of the electoral process:
The results of the institutional experience**

The article examines the expansion of electoral rights of formal parties at the expense of other collective and individual actors. The au-

thor proposes typology of countries depending on political parties privileges when nominating candidates for elections. The paper examines the anti-democratic effect of granting privileges for parties in the electoral process. The paper describes the experience of Eastern Europe in removal of free associations out of elections. It is noted also that in Western democracies political parties have privileges not over associations of citizens, but over independent candidates. In general, providing electoral privileges to formal parties is assessed as a threat to democracy as a whole.

Keywords: election; representation; political parties; freedom of association; party-based elections, electoral associations.

А.М. Гришина

**Организационная эффективность политических партий:
Теоретический аспект**

Организационный подход в исследовании политических институтов – новое направление в политологии. Использование организационных теорий в изучении политических партий дает возможность по-новому взглянуть на старые проблемы. В статье рассмотрены теоретические концепции организационной эффективности. Автор также дает свое понятие организационной эффективности и предлагает использовать положения ряда концепций организационной эффективности для анализа эффективности политических партий.

Ключевые слова: политические партии; организационный подход; организационная эффективность; ситуационная модель, ресурсная модель.

A.M. Grishina

**Organizational effectiveness of political parties:
Theoretical aspects**

Organizational approach to the study of political institutions is a new trend in the political science. Using organizational theories in the study of political parties gives a new look at old problems. The article describes the theoretical concepts of organizational effectiveness. The author also gives his own concept of organizational effectiveness and

offers to use certain provisions of organizational effectiveness theories for analyzing the effectiveness of political parties.

Keywords: political parties; organizational approach; organizational effectiveness; contingency model; resource model.

Б. Магалони, Р. Кричели

Политический порядок и однопартийный режим

Вторая половина XX и начало XXI в. были временем беспрецедентной экспансии однопартийных автократий. Продемонстрировав способность к большей стабильности и более быстрому росту на фоне других разновидностей авторитаризма, они стали наиболее распространенным типом такого рода режимов. Сделав обзор литературы об однопартийных режимах и основываясь на данных за 1950–2006 гг., мы предлагаем четыре направления будущих исследований: 1) способность автократий минимизировать опасности, угрожающие им как со стороны элит, так и со стороны масс; 2) условия, способствующие созданию и крушению однопартийных режимов; переход от одного типа авторитаризма к другому; 3) взаимные отношения между выборами в условиях авторитарных режимов и демократизаций; 4) глобальные и международные факторы, влияющие на распространение однопартийных режимов.

Ключевые слова: автократия; стабильность; однопартийные системы; системы с доминирующей партией; выборы.

B. Magaloni, R. Kricheli

Political order and one-party rule

The second half of the twentieth century and the beginning of the twenty-first century have witnessed an unprecedented expansion of one-party autocracies. One-party regimes have become the most common type of authoritarian rule and have proved to be more stable and to grow faster than other types of authoritarianism. We review the literature on one-party rule and, using data from 1950–2006, suggest four avenues for future research: focusing on autocrats' ability to simultaneously minimize threats from the elites and from the masses; focusing on the conditions that foster the establishment and the collapse of one-party regimes and on transitions from one type of authoritarianism to another; focusing on the relationship between authoritarian elections

and democratization; and focusing on the global and international forces that influence the spread of one-party rule.

Keywords: autocracy; stability; single-party; dominant-party; elections.

А.В. Белинский

**Политические партии Германии в начале XXI в.:
Между традицией и модернизацией**

В статье анализируется эволюция политических партий в ФРГ за последние 30 лет. Автор приходит к выводу о кардинальном изменении роли немецких партий, характера их взаимоотношений с обществом и методов ведения ими избирательных кампаний. Констатируется, в частности, ослабление идеологической функции партий, перенос акцента в агитационной кампании на имидж лидеров и политический PR, постепенный переход от работы с традиционным электоратом к налаживанию контактов с гражданским обществом, превращение партий из выразителей интересов отдельных групп в посредников между обществом и государством. По мнению автора, политические партии в сегодняшней ФРГ все больше напоминают картельные партии, описанные Р. Кацем и П. Мэйром.

Ключевые слова: политические партии, ФРГ, ХДС / ХСС, СДПГ, Союз 90 / Зеленые, выборы.

A.V. Belinskii

**Understanding the forms of government
in foreign political science: The latest debate**

This article reviews the evolution of political parties in Germany over the last 30 years. The author comes to conclusion that the role of political parties, their relationship with society, methods of conducting election campaigns have changed dramatically. The parties have abandoned ideology in favor of the image of their political leaders and political PR. They leave interaction with the traditional electorate for establishing contacts with civil society and turn from the expression of interests of definite social groups to intermediation between the society and the state. Thus, today's German political parties resemble more and more the cartel party model, described by R. Katz and P. Mair.

Keywords: political parties; Germany; CDU / CSU; SPD; Alliance 90 / The Greens, elections.

Р. Саква

**Партия и власть в современной России:
Между представительством и мобилизацией**

О причинах недоразвития российской партийной системы можно спорить, но следует признать, что в 2000-х годах внутри нее произошли значительные изменения. Система стала более управляемой и рационализированной. Количество партий резко сократилось, но те, которые выжили, укрепили свои позиции. Кроме того, режим стал идентифицировать себя с одной крупной партией, «Единой Россией», хотя его отношения с ней были не так просты. В России действует суперпрезидентская модель доминирования исполнительной власти, а в целом ее государственный строй можно охарактеризовать как систему доминирующей власти. Защищая свою автономию, эта система сопротивлялась возникновению доминантной партийной системы. Режимная партия и ее союзники служили скорее инструментами политической мобилизации, нежели представительства, роль же оппозиции была сведена к минимуму. Вместе с тем дуалистический характер политического устройства способствовал развитию противоречий, которые сделали возможным укрепление позиций конституционного государства и одновременно усилили представительскую роль политических партий. Ускоренные политические реформы, последовавшие за дефектными парламентскими выборами декабря 2011 г., были направлены на ограничение административного произвола и создание более конкурентной политической среды.

Ключевые слова: система доминирующей власти; «Единая Россия»; дуалистическое государство; политическая конкуренция.

R. Sakwa

**Party and power: Between representation
and mobilization in contemporary Russia**

The reasons for the under-development of the Russian party system remain contested, yet significant changes took place in the 2000 s. The system became more regulated and streamlined. There were far fewer parties, but the rights of those that survived were consolidated. Above all, the regime identified itself with a single major party, United Russia, although the relationship between the regime and the party was

problematical. Russia practises a heavily presidential model of executive dominance, but the polity is characterized by a dominant power system. This system was careful to preserve its autonomy, and thus guarded against the emergence of a dominant party system. The regime party and its allies acted less as instruments of representation than as tools to achieve political mobilisation, and by the same token the role of political opposition was marginalised. However, the dual state character of the political order allowed contradictions to develop that made possible the strengthening of the constitutional state, and with it a greater autonomous representative role for political parties. The accelerated political reforms following the flawed December 2011 parliamentary elections sought to limit the arbitrariness of the administrative regime to permit the emergence of a more genuinely competitive political environment.

Keywords: dominant power system; United Russia; dual state; political competition.

Чон Ён Цой

**Особенности политических партий Южной Кореи
и их участие в государственном управлении**

В статье проводится анализ состояния партийной системы Южной Кореи и ее динамики, исследуется специфика участия партий в государственном управлении страной. Автор выделяет основные конфликтные векторы, вокруг которых складывается межпартийная конкуренция в Южной Корее. В статье рассматриваются также стратегии межпартийного взаимодействия и социально-политический контекст, в котором оно протекает.

Ключевые слова: партийная система; электоральные расколы; регионализм; внутривпартийная дисциплина; партийная идентичность; государственное управление.

Jun Young Choi

**Features of political parties in South Korea
and their participation in state governance**

The article is considered two main aspects of political system in South Korea – the distinct features of political parties in South Korea and the specific of parties, participate in state governance. The author identifies the main vectors of conflict around which develops inter-

party competition in South Korea. The article also discusses the strategy of inter-party cooperation, as well as the socio-political context in which it occurs.

Keywords: party system; electoral cleavages; regionalism; party discipline; party identification; parties' participation in state governance.

А.М. Гришина, Е.Ю. Мелешкина

**Механизмы сохранения власти доминантной партии
в условиях авторитарного режима в Мексике**

Статья посвящена основным механизмам сохранения власти, применявшимся Институционно-революционной партией Мексики в период авторитарного режима. Анализируются особенности мексиканского политического режима: отсутствие конкуренции, патронажная система, клиентелизм. Отмечается, что институциональные особенности и неформальные практики способствовали стабильности политического режима и однопартийному доминированию, однако осложнили становление современных демократических институтов и консолидацию демократии в Мексике.

Ключевые слова: доминантная партия; политический режим; авторитаризм; Мексика; Институционально-революционная партия.

A.M. Grishina, E. Yu. Meleshkina

**Mechanisms of preserving the power of the dominant party
in an authoritarian regime in Mexico**

The article focuses on the basic mechanisms of maintaining power by the Institutional revolutionary party in Mexico during the period of the authoritarian regime. The authors analyze the features of the Mexican political regime characterized by the absence of competition, availability of patronage and clientelism. The article notes that institutional characteristics and informal practices contributed to the stability of the political regime and the one-party dominance, but complicated the development of modern democratic institutions and the consolidation of democracy in Mexico.

Keywords: dominant party; political regime; authoritarianism; Mexico, Institutional revolutionary party.

С.Н. Шкель

**Политические партии в условиях авторитарной
режимной среды: Опыт постсоветского Казахстана**

В статье анализируется кооптационная стратегия властвующих элит постсоветского Казахстана, направленная на удержание в равновесном состоянии действующего авторитарного режима, а также роль в этом процессе политических партий. Делается вывод, что механизмы использования авторитарными лидерами партийных институтов не являются универсальными и эволюционируют в каждой отдельно взятой политике исходя из логики трансформации политического режима.

Ключевые слова: политические режимы; политические партии; авторитаризм; постсоветское пространство; Казахстан.

S.N. Shkel

**Political parties under the authoritarian regime:
The experience of the post-Soviet Kazakhstan**

The article presents an analysis of the strategy of ruling elites to retain the authoritarian equilibrium in post-Soviet Kazakhstan. The particular attention is paid to the mechanisms of co-optation and to the role of political parties in this process. It is concluded that mechanisms of using party institutions by authoritarian leaders are not universal. They are different in different cases and are evolving in every single polity in accordance to the transformation of the political regime.

Keywords: political regimes; political parties; authoritarianism; postSoviet space; Kazakhstan.

М.В. Иванова

**Эффекты изменения избирательного законодательства
и представительство: Региональные,
национальные и бизнес-элиты**

В статье анализируются результаты избирательных реформ в Российской Федерации с точки зрения представительства элит. На основе частотного анализа приводится эмпирическое подтверждение того факта, что в странах электорального авторитаризма изменения избирательного законодательства направлены на сохранение

внутриэлитного статус-кво. Анализ состава депутатского корпуса Государственной думы трех созывов (2003, 2007 и 2011 гг.) выявляет сохранение пропорций представительства региональных, национальных и бизнес-элит.

Ключевые слова: избирательная реформа; элита; региональная элита; повестка Роккана; политическая партия.

M.V. Ivanova
The effects of electoral law changes
on representation in Russian state дума

The article analyses results of the electoral reform in Russian Federation from the point of view of elite representation. It is stated on the basis of the frequency analyses that legislative changes in countries of the electoral authoritarianism are aimed at preserving the status quo within elites. The study finds out that the proportion of regional, national and business elite representation is retained in the Russian State Duma of three terms convocations (2003, 2007, 2011).

Keywords: electoral reform; elite; regional elite; Rokkan agenda; political party.

Г.В. Голосов, И.С. Григорьев
Национализация партийной системы: Российская специфика

В статье анализируется динамика национализации российской партийной системы. Фиксируется значимое расхождение между крайне низкой территориальной гомогенностью голосования по мажоритарной части российской избирательной системы (1993–2003) и очень высоким уровнем партийной национализации при голосовании по партийным спискам. Это расхождение, обусловленное наследием режимной трансформации, а также такими факторами, как федерализм и президенциализм, было усугублено встраиванием в общенациональный политический порядок губернаторских политических машин. Результаты исследования ставят под вопрос общепринятый тезис о тождественности процессов национализации электората и консолидации партийной системы.

Ключевые слова: Россия; политические партии; национализация партийной системы; выборы.

G.V. Golosov, I.S. Grigoriev
Party System Nationalization: The Case of Russia

This article analyzes the dynamics of party system nationalization in Russia. The analysis registers a salient discrepancy between the extremely low levels of territorial homogeneity of the vote in the single-member plurality section of Russia's electoral system (1993–2003), on the one hand, and very high levels of party nationalization in party-list contests, on the other hand. This discrepancy, facilitated by such factors as the legacies of regime transition, federalism, and presidentialism, was reinforced by the integration of gubernatorial political machines into the nationwide political order. The findings challenge a conventional theory that equates the formation of national electorates to the progressive process of party system consolidation.

Keywords: Russia; political parties; party system nationalization; elections.

О.А. Толпыгина
Трансформация идеологической функции
политических партий в современной России

В статье рассматривается роль экзогенных факторов, под которыми понимаются характер политического режима и его институциональный дизайн, в развитии идеологической функции партий. Партийные идеологии интерпретируются как ресурс, как стратегический выбор, которые партии осуществляют в тех или иных условиях. Проводится анализ динамики идеологической функции политических партий в современной российской политической системе.

Ключевые слова: партийные идеологии; идеологическая функция политических партий; специфика политического режима; институциональный дизайн.

O.A. Tolpygina
Development of ideological function of Russian political parties

The article discusses the role of exogenous factors, which are understood the nature of the political regime and its institutional design in the development of the ideological function of parties. Party ideology interpreted as a resource, as a strategic choice that the party carried out

under various conditions. The article also analyzes the dynamics of the ideological function of political parties in contemporary Russian political system.

Keywords: party ideology; ideological function of political parties; the specificity of the political regime; the institutional design.

Е.М. Шульман

Фракции, комитеты, аппарат:

Участие парламентских партий в законотворческом процессе

Статья посвящена анализу роли парламентских политических партий в законодательной деятельности Государственной думы. Во многом признавая декоративный характер партийных структур в современной России, автор вместе тем стремится выяснить, посредством каких механизмов парламентские партии участвуют в законотворческом процессе. Рассмотрена роль, которую выполняют в законотворческом процессе помощники депутатов, аппараты фракций и комитетов, а также центральный аппарат Госдумы. Автор приходит к выводу, что именно аппараты парламентских фракций и депутатских групп в наибольшей степени способны обеспечить публичное и гласное обсуждение законопроектов с участием всех заинтересованных сторон и самого широкого круга экспертов.

Ключевые слова: законотворческий процесс; парламентаризм; политические партии; Государственная дума; депутаты; парламентский аппарат.

E.M. Schulmann

Parliamentary parties' participation in legislative process:

The role of factions, committees and parliamentary offices

The article analyzes the role of the parliamentary political parties in the legislative process in the State Duma. Recognizing the largely decorative nature of party structures in modern Russia, the author, however, seeks to clarify the mechanisms through which the parliamentary parties are involved in the legislative process. The article analyses the role of deputies' aids, factions' staff, committees' staff, and the central departments of the parliament's office in lawmaking. The author concludes that there is the factions' staff which is able to provide the

open public discussion of bills with the participation of all stakeholders and experts.

Keywords: legislative process; parliamentarism; State Duma; deputies; parliamentary staff.

О.В. Попова
«Женские» партии в современной России:
Проблемы и перспективы

Статья посвящена проблеме встраивания «малых» политических партий, созданных после изменения закона о партиях в 2012 г., в политическую жизнь современной России. Анализируются возможности и перспективы «гендерных» партий стать эффективными участниками политических процессов в современной России. Автор приходит к выводу, что, несмотря на доминирование среди активных избирателей-женщин, «женские» партии имеют очень невысокие шансы победить на выборах. В силу определенных обстоятельств эти партии обречены в современной России на роль спойлеров или спарринг-партнеров. В статье анализируются программные документы и деятельность двух «женских» партий – «Народная партия “За женщин России”» и «Женский диалог».

Ключевые слова: политическая партия; «малая» партия; партийная система России; эффективность политических партий; социальная база политических партий; гендер.

O.V. Popova
Role of women's parties in modern Russia:
Problems and prospects

The article is devoted to the problem of embedding «minor» political parties in the political life of modern Russia after 2012. The possibilities and prospects are declared how the gender parties can become effective participants of the political process. The author comes to the conclusion that, despite of the dominance of active female voters, «women's» party have a low chance to win elections. Due to certain circumstances, these party are doomed to remain spoilers or sparring partners. The article analyzes documents and activities of two

«women's» parties – «People Party “For Women of Russia” and “The Women's Dialogue”».

Keywords: political party; «small» party; the party system of Russia; the effectiveness of political parties; the social base of political parties; gender.

Я.Ю. Шашкова, А.И. Девятярова
Партии в регионах:
Институциональные особенности
и специфика российской трансформации

В статье исследуются особенности реализации российскими политическими партиями своих функций на региональном уровне. Сделан вывод, что низкая роль российских партий в системе социального представительства, формирования идеологии и массового сознания не противоречит общемировым тенденциям динамики данного института. Реализация региональными отделениями политических партий остальных функций определяется особенностями институциональной трансплантации и российского политического режима, а также политической и социокультурной спецификой отдельных регионов.

Ключевые слова: политические партии; регионы РФ; электоральный процесс; политическая мобилизация; политическое рекрутирование.

Ya.Yu. Shashkova, A.I. Devyatiyarova
Party in regions: Institutional peculiarities
and specificity of the Russian transformation

The authors present their point of view on how Russian political parties realize their functions at the regional level. It is concluded that the low role of Russian parties in the system of social representation, formation of ideology and mass consciousness does not contradict the global trends. Performing other functions is determined by peculiarities of institutional transplantation and by the Russian political regime, as well as by political and socio-cultural specifics of individual regions.

Keywords: political parties; the subjects of the Russian Federation; electoral process; political mobilization; political recruitment.

В.С. Ковин, О.В. Подвинцев
Формальные и неформальные партии в Пермском крае:
Спрос и предложение

На основе результатов социологических исследований, электро-
ральной статистики, материалов экспертных интервью и включенно-
го наблюдения анализируется потенциал партий на региональном и
локальном уровнях. Рассмотрены причины незначительной роли
партий в региональной и локальной политике, их невысокого влия-
ния на избирателей и низкой заинтересованности политических ак-
торов в установлении с ними устойчивых связей. Одновременно
констатируется, что заинтересованность политических субъектов в
консолидации сил и ресурсов на местном уровне приводит к соз-
данию политических коалиций. На примере хода местных выборов
в Пермском крае в 2012–2014 гг. рассматриваются роль, преиму-
щества и недостатки неформальных политических объединений.

Ключевые слова: политические партии; выборы; коалиции;
локальная политика.

V.S. Kovin, O.V. Podvintsev
Formal and informal party in the Perm region:
Supply and demand

Based on results of sociological research, electoral statistics, ex-
pert interview and inclusive observations, the article analyses a poten-
tial of parties on the regional and local level. It observes the reasons for
a insignificant role of parties on the regional and local level, their lim-
ited influence on voters and a low interest of political actors in estab-
lishing stable bonds with them. At the same time the article argue that
an interest of political actors in consolidating resources on the local
level leads to formation of political coalitions. The article observes the role,
advantages and disadvantages of informal political associations on the ex-
ample of the local region elections in the Perm Territory in 2012–2014.

Keywords: political parties; elections; coalitions; local policy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белинский Андрей Викторович – кандидат политических наук, главный специалист отдела мониторинга и анализа РОДП «ЯБЛОКО», e-mail: belinskii_andrei@mail.ru

Виноградский Валерий Георгиевич – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии, рекламы и связей с общественностью Саратовского социально-экономического института ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», e-mail: vgrape@freeline.ru

Голосов Григорий Васильевич – доктор политических наук, профессор сравнительной политологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, e-mail: ggolosov@gmail.com

Григорьев Иван Сергеевич – преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: iv.grigoriev@gmail.com

Гришин Николай Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, e-mail: nvgrishin@mail.ru

Гришина Анна Михайловна – кандидат политических наук, докторант Института научной информации по общественным наукам РАН, e-mail: palikova_am@mail.ru

Девятярова Анастасия Игоревна – преподаватель кафедры политологии Алтайского государственного университета, e-mail: igorevnanastya@mail.ru

Иванова Мария Вячеславовна – кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Пермь), e-mail: mariaivanova2008@gmail.com; mv_ivanova@hse.ru

Ковин Виталий Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов ПНЦ УрО РАН, e-mail: kovinvit@gmail.com

Коргунюк Юрий Григорьевич – доктор политических наук, руководитель отдела политологии фонда «ИНДЕМ», председатель Исследовательского комитета РАПН по сравнительному изучению партийных и избирательных систем, e-mail: partinform@mail.ru

Мелешкина Елена Юрьевна – доктор политических наук, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГИМО (У) МИД России, e-mail: meleshkina@politstudies.ru

Подвинцев Олег Борисович – доктор политических наук, профессор, директор отдела по исследованию политических институтов и процессов ПНЦ УрО РАН, e-mail: ipl_perm@mail.ru

Попова Ольга Валентиновна – доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: pov_64@mail.ru

Толпыгина Ольга Анатольевна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологии и политологии Самарского государственного университета, научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН, e-mail: olga.anatol@gmail.com

Чон Ён Цой – заведующий кафедрой политических наук и международных отношений Университета Инха (Республика Корея)

Шашкова Ярослава Юрьевна – доктор политических наук, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета, e-mail: yashashkova@mail.ru

Шкель Станислав Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета, e-mail: stas-polit@yandex.ru

Шульман Екатерина Михайловна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления Института общественных наук РАНХиГС, e-mail: daria.lieven@gmail.com

Саква Ричард – профессор российской и европейской политики, Школа политики и международных отношений, Колледж Рузерфорда, Университет Кента, e-mail: R. Sakwa@kent.ac.uk

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Научный журнал

2015 № 1

ПАРТИИ В СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫХ И НЕСОРЕВНОВАТЕЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Редакторы-составители номера
д-р полит. наук **Коргунюк Ю.Г.**,
канд. полит. наук **Толпыгина О.А.**

*Издание рекомендовано Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные ре-
зультаты диссертации на соискание ученой степени доктора и
кандидата наук» по политологии*

Адрес редколлегии: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект 51/21.

ИНИОН РАН. Отдел политической науки.

E-mail: politnauka@inion.ru

Оформление обложки И.А. Михеев

Дизайн Л.А. Можаяева

Компьютерная верстка Л.Н. Синякова

Корректор Н.И. Кузьменко

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 27/1 – 2015 г. Формат 60 x 84 / 16

Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена

Усл. печ. л. 17,0 Уч.-изд. л. 13,5

Тираж 500 экз. Заказ № 202

Институт научной информации по общественным наукам РАН,

Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отдел маркетинга и распространения информационных изданий

Тел. / Факс: (499) 120-45-14

E-mail: inion@bk.ru

E-mail: ani-2000@list.ru

(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в ИНИОН РАН

Нахимовский проспект, д. 51/21,

Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02) 9